

BADANIA NAD JEZYKIEM I KULTURĄ

Tom IV

Катерина Бондаренко, Светлана Гась
Детабуизация в словарях и переводе

Катерина Бондаренко, Светлана Гась

Детабуизация в словарях и переводе

Seria:
Badania nad Językiem i Kulturą

Tom IV

Катерина Бондаренко, Светлана Гась

**Детабуизация
в словарях и переводе**

Bogucki Wydawnictwo Naukowe
Poznań 2018

Redakcja serii / Series editor
prof. UAM dr hab. Ewa Stryczyńska-Hodyl

Recenzent wydawniczy
dr hab. Julia Mazurkiewicz-Sułkowska

© Copyright by Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 2018

ISBN 978-83-7986-233-7

Bogucki Wydawnictwo Naukowe
ul. Górna Wilda 90, 61-576 Poznań
e-mail: biuro@bogucki.com.pl
www.bogucki.com.pl

Druk:
Uni-Druk, Luboń k. Poznania

Оглавление

Введение	7
Глава 1. Табу в лексикографии: табуизация и детабуизация в двуязычных словарях (С. Гась)	9
1.1. О проблематике <i>эвфемизмов</i> и <i>дисфемизмов</i> в современном языкознании	9
1.2. К вопросу о маркировании эвфемизмов и дисфемизмов в словарях .	14
1.2.1. Экспрессивные пометы в словарях современного польского языка	16
1.2.2. Пометы <i>эвфемизм</i> и <i>дисфемизм</i> как экспрессивно-оценочные пометы в словарях русского языка	22
1.3. Способы представления эвфемизмов и дисфемизмов в <i>Wielkim słowniku polsko-rosyjskim</i>	23
1.4. Detaбуизация в бесплатных переводных Интернет-словарях (на примере портала bab.la)	29
Глава 2. Сленг как детабуизация: лингвокультурный и лексикографический аспекты (К. Бондаренко)	35
2.1. Сленг как лингвокультурный феномен	36
2.2. Словарь сленга как реконструкция карнавальской картины мира. Ключевые концепты карнавального мировоззрения.	41
2.3. Смеховая культура: универсальные и национально специфические черты.	60
Глава 3. «Недетские» проблемы перевода: табу и детабуизация в семейном праве и детской мультипликации	67
3.1. Табуизация в юридическом языке (С. Гась)	67
3.1.1. Эвфемизмы в языке нормативных актов как проявление табу ...	67
3.1.2. Табуизация в российском и польском кодексах семейного права	69
3.1.2.1. Наименования членов семьи.	71
3.1.2.2. Беременность и рождение ребенка	75
3.1.2.3. Болезни	77
3.1.2.4. Расторжение брака.	79
3.1.2.5. Происхождение ребенка.	79
3.2. Табу и детабуизация в современной детской мультипликации: лингвистический и переводческий аспекты (К. Бондаренко)	81
3.2.1. Индексация фильмов как акт табуизации	81
3.2.2. Detaбуизация запретных тем в современных мультфильмах для детей	83

3.2.3. Сниженная лексика в современных мультфильмах как инструмент дестигматизации	87
3.2.4. Эквивалентность в переводе сниженной лексики в мультфильмах для детей на украинский язык	89
3.2.5. Дисфемизация в переводе как показатель либерализации общества.	91
Заключение (К. Бондаренко).....	97
Предметный указатель	99
Список таблиц.....	100
Библиография	101
Резюме	109
Streszczenie	110
Summary	111
Анотація	112

Введение

Монография *Детабуизация в словарях и переводе* – это совместный труд двух лингвистов Катерины Бондаренко (Центральноукраинский государственный педагогический университет имени Владимира Винниченко) и Светланы Гась (Университет имени Адама Мицкевича в Познани) и наглядное доказательство тому, что для науки не существует государственных границ и языковых преград.

Темой данной работы является табу и детабуизация в лексикографическом и переводческом аспектах. Табу представляет научный интерес для лингвистов не одно десятилетие. Актуальность монографии обусловлена, прежде всего, динамикой изменений табуированных сфер в современном обществе, новыми достижениями в лексикографии и переводоведении и недостаточной, на наш взгляд, изученностью проблематики детабуизации для языковых пар *русский язык – польский язык, украинский язык – английский язык*. Эмпирической базой для исследования послужили корпуса текстов различных жанров и избранные словари на русском, украинском, польском и английском языках.

Термин *табу* интердисциплинарен и широко используется в таких науках как этнология, антропология, социология, культурология, психология, языковедение и др. Все дефиниции сводятся к пониманию табу как запрету (строгому или относительному) чего-либо (произнесения слова, например, имени; совершения какого-либо действия и т. д.). Для лингвистов узкое понимание табу как словесного (вербального) запрета уже давно перестало быть единственным. Все чаще исследователи обращаются к коммуникативной трактовке термина как запрету высказывания на определенные темы (Dąbrowska, Стернин). Табу всегда культурно, социально и ситуативно обусловлено. Постоянно изменяются сферы табуирования, наблюдаются процессы расширения нетабуированных сфер и нарушения коммуникативных запретов.

Предлагаемая читателю монография состоит из выделенных по тематическому принципу глав, раскрывающих один из аспектов детабуизации в славянской лексикографии и переводоведении. Книга состоит из трех глав, введения и заключения. В первой главе *Табу в лексикографии: табуизация и детабуизация в двуязычных словарях* С. Гась исследует проблематику фиксации и маркирования эвфемизмов и дисфемизмов, тесно связанных с процессами табуизации и детабуизации, в польско-русских словарях. В качестве примера крайней детабуизации в так называемой народной лексикографии автор анализирует лексикон Интернет-словаря *babla*.

Во второй главе *Сленг как детабуизация: лингвокультурный и лексикографический аспекты* К. Бондаренко причину нарушения языковых запретов украинским и английским сленгом видит в особом карнавальном мироощущении

и равенстве всех участников в стихийной смеховой культуре. Исследователь предлагает рассматривать тезаурусные словари сленга (в том числе свой авторский словарный проект) как реконструкцию этой карнавальной картины мира.

В третьей главе *«Недетские» проблемы перевода: табу и детабуизация в семейном праве и детской мультипликации* С. Гась обращается к эвфемизмам в текстах нормативных актов Российской Федерации и Республики Польша (3.1 *Табуизация в юридическом языке*). Системные эвфемизмы, прямые номинации (или их отсутствие, «умалчивание»), перифразы, аббревиатуры и т. д. свидетельствуют об активных процессах табуизации и детабуизации в польском и русском языках закона. В свою очередь, в той же главе К. Бондаренко анализирует запреты и нарушение табу в переводах текстов детской мультипликации с английского языка на украинский (3.2. *Табу и детабуизация в современной детской мультипликации: лингвистический и переводческий аспекты*). Исследователь отмечает, что для перевода детской мультипликации на украинский язык не характерны случаи смягчения или нейтрализации сленга, что может быть напрямую связано с языковой политикой Украины.

Авторы монографии не претендуют на исчерпывающее описание заявленной темы. Главная цель совместного труда состояла в ином: указать на недостаточно изученные в славянской лексикографии и переводоведении аспекты табуизации и детабуизации, заинтересовать читателя разнообразными методологическими подходами к решению проблемы, выявить дальнейшие направления исследования в данной области. Надеемся, что эта цель нами достигнута.

Пользуясь случаем, хотим выразить благодарность рецензенту за внимательное прочтение рукописи и поблагодарить родных и близких за понимание и поддержку.

Глава 1. Табу в лексикографии: табуизация и детабуизация в двуязычных словарях (С. Гась)

Проблематика табуизации и детабуизации в двуязычных словарях и связанных с ними эвфемизмов и дисфемизмов до сих пор остается мало изученной. В частности, не упорядочена система помет, не выделены способы фиксации дисфемизмов и эвфемизмов в переводных словарях разного типа, не изучены предпочтения и нужды потенциальных пользователей словарей.

О табуизации в словарях мы можем говорить, если необоснованно отсутствует лексика, относящаяся к традиционным сферам языкового табу, в том числе эвфемистические выражения. Детабуизация, в свою очередь, связана с включением в словарь сниженной лексики, вульгаризмов, матизмов, а также прямых номинаций табуированных сфер.

1.1. О проблематике эвфемизмов и дисфемизмов в современном языкознании¹

Эвфемизация и дисфемизация находятся в центре внимания многих исследователей (Allan, Burridge 2006; Крысин 1994; Dąbrowska 1993, Widłak 1970, Zwoliński 1978, Dąbrowska 1991). Так, например, сравнивается функционирование эвфемизмов и табуированной лексики в разных языках (Rabab'ah and Al-Qarni 2012), исследуются гендерные и возрастные различия в употреблении «запрещенных» слов (Strenstrom 2006), анализируются процессы табуизации и эвфемизации в диалектах польского языка (Krawczyk-Турга 2001), а также эвфемизмы в фольклорных текстах (Stępnik-Szeptyńska 2015), рассматриваются проблемы фиксации лексических эвфемизмов в словацких словарях (Szymczak-Rozlach 2014).

Проблематичным является само определение указанных терминов. Так, Вейсбергс предлагает краткую лингвистическую дефиницию термина *эвфемизм*, относя к эвфемизмам эмоционально нейтральные слова и выражения, употребляемые вместо других слов: «*Euphemisms are emotionally neutral words or expressions used instead of synonymous offensive, too direct or unpleasant words*» (Veisbergs 2000, 773). Спорным является критерий эмоциональной нейтральности эвфемизмов. Большинству эвфемизмов присуща эмоциональная маркированность, что подтверждают работы Домбровской (Dąbrowska 1993).

¹ Данная глава призвана лишь очертить круг вопросов и далеко не исчерпывает проблематику определения эвфемизмов и дисфемизмов, а также подходов к их классификации.

Домбровска (Dąbrowska 1993), исследующая эвфемизмы в польском языке, предлагает более широкую трактовку термина. Так, польская исследовательница относит к эвфемизмам имеющие нейтральные или положительные коннотации слова и выражения, которые возникают в результате табуизации и позволяют смягчить, завуалировать, маскировать или избежать прямых номинаций (Dąbrowska 1993, 51). Домбровска подчеркивает, что в подавляющем большинстве эвфемизмы не являются нейтральными словами и имеют положительные коннотации (Dąbrowska 1993, 56). Противоположным термином исследователь считает *какофемизм* (синоним термина *дисфемизм*) (Dąbrowska 1993, 60).

Сторонником узкого понимания *эвфемизмов* является Москвин (2001), который считает, что эвфемию следует отличать от таких смежных явлений как криптолалия (тайноречие), дезинформация и тропика (Москвин 2001, 60). Главное отличие, по мнению ученого, заключается в том, что эвфемия позволяет верно расшифровать «завуалированную» информацию:

Эвфемия представляет собой использование словесных зашифровок с целью смягчить, завуалировать, изящно «упаковать» предмет сообщения, оставив все-таки возможность любому носителю языка догадаться, о чем идет речь (Москвин 2001, 60).

Сторонником понимания термина *эвфемизм* с позиции языковой коммуникации является Барридж:

*...euphemisms are sweet-sounding, or at least inoffensive, alternatives for expressions that speakers or writers prefer not to use in executing a particular communicative intention on a given occasion*² (Burridge 2012, 66).

Как видим, по мнению исследовательницы, употребление того или иного эвфемизма зависит от коммуникативной интенции адресанта речевого общения и ситуации.

Проблему оценочности/нейтральности эвфемизмов Аллан и Барридж пытаются решить, разрабатывая систему терминов. Они выделяют X-фемизмы (*X-phemism*), которые включают в себя эвфемизмы (*euphemism*), дисфемизмы (*dysphemism*) и ортофемизмы (*orthophemism*) (Allan and Burridge 2006). По мнению этих исследователей, дисфемизмы – это слова или выражения, являющиеся обидными, оскорбительными (Allan and Burridge 2006, 31). В свою очередь, эвфемизмы и ортофемизмы выполняют схожие функции в речи: «... *they are used to avoid the speaker being embarrassed and/or ill thought of and, at the same time,*

² «<...> эвфемизмы – это милозвучные или, по крайней мере, нейтральные варианты для выражений, которых говорящий или пишущий не хочет использовать для реализации конкретного коммуникативного намерения в определенной ситуации» [Перевод – С.Г.]

to avoid embarrassing and/or offending the hearer or some third party³» (Allan and Burridge 2006, 33).

Различие заключается в том, что в отличие от эвфемизмов, имеющих положительную окраску, ортофемизмы являются нейтральными словами и выражениями:

*Orthophemism... is a term we have coined in order to account for direct or neutral expressions that are not sweet-sounding, evasive or overly polite (euphemistic), nor harsh, blunt or offensive (dysphemistic)*⁴. (Allan and Burridge 2006, 29⁵).

Отметим, что оценочность эвфемизмов имеет градационный характер. Именно поэтому некоторые ученые вводят промежуточные термины (ср. *вульгарный эвфемизм* – Dąbrowska 1993, 221).

Казас Гомез формулирует когнитивную дефиницию терминов *эвфемизм* и *дисфемизм* и предлагает под *эвфемизмом* и *дисфемизмом* понимать, в первую очередь, концептуализацию табуированного фрагмента действительности (*forbidden reality*):

*<...> to define euphemism or dysphemism as the cognitive process of conceptualisation of a forbidden reality, which <...> enables the speaker, in a certain „context” or in a specific pragmatic situation, to attenuate, or, on the contrary, to reinforce a certain forbidden concept or reality*⁶ (Casa Gomèz 2009, 738).

Среди российских лингвистов проблематику эвфемизмов в русской речи исследует Крысин. Ученый справедливо полагает, что эвфемизации подвергается «речь, связанная с определенными темами и сферами деятельности» (Крысин 1994). Ученый также разделяет точку зрения, что с термином *эвфемизация* тесно связан термин *дисфемизация*, понимаемый как «замена эмоционально и стилистически нейтрального слова более грубым, пренебрежительным» (Арапова 1990; цитирую по Крысин 1994).

³ «<...> они используются с той целью, чтобы говорящий не почувствовал себя неловко и/или плохо, и чтобы, в то же самое время, слушающий или третий участник не почувствовали себя в неловкой и/или оскорбительной ситуации» [Перевод – С.Г.].

⁴ «Ортофемизм <...> это термин, который создан для обозначения прямых или нейтральных выражений, которые не являются ни милозвучными, ни уклончивыми, ни слишком вежливыми (эвфемистическими), ни резкими, грубыми или оскорбительными (дисфемистическими)» [Перевод – С.Г.].

⁵ Предложенную систему терминов Allan (2008) применяет в своих дальнейших исследованиях (см. Allan 2008).

⁶ «<...> эвфемизмы и дисфемизмы следует понимать как когнитивный процесс концептуализации табуированной действительности, который <...> позволяет говорящему в определенном «контексте» или в определенной прагматической ситуации ослабить или, наоборот, усилить определенный табуированный концепт или фрагмент действительности» [Перевод – С.Г.].

Крысин классифицирует эвфемизмы на два разряда в зависимости от сфер деятельности человека:

1. личные сферы;
2. социальные сферы (Крысин 1994).

Личные сферы эвфемизации «касаются личной жизни и личности говорящего, адресата и третьих лиц» (Крысин 1994). К ним относятся «некоторые физиологические процессы и состояния», «определенные части тела, связанные с ‘телесным низом’», «отношения между полами», «болезнь и смерть» (Крысин 1994)⁷.

Среди сфер социальной деятельности Крысин (1994) выделяет следующие:

1. «дипломатия»;
2. «репрессивные действия властей»;
3. «государственные и военные тайны и секреты»;
4. «деятельность армии, разведки, милиции, уголовного розыска»;
5. «сфера распределения и обслуживания»;
6. «отношения между различными национальными и социальными группами, статус этих групп»;
7. «некоторые виды профессий, эвфемистическое обозначение которых имеет целью повысить престиж этих профессий или скрыть негативное впечатление от обозначаемого «прямым» наименованием рода занятий» (Крысин 1994).

Предложенная Крысиным классификация выглядит несколько устаревшей в связи с тем, что процесс эвфемизации неразрывно связан с изменениями во внеязыковой действительности и динамикой изменений процессов табуизации.

Барридж разрабатывает функциональную классификацию эвфемизмов, выделяя 6 функций и соответственно 6 типов эвфемизмов (Burrige 2012). Для удобства представим данную классификацию в форме таблицы 1.

Таблица 1

Виды эвфемизмов и их функции по Burrige (2012, 67–71) [Перевод – С.Г.]

Виды эвфемизмов	Функции эвфемизмов
“The protective euphemism”	“to shield and to avoid offense” ^a (Burrige 2012, 67)
“The underhand euphemism”	“to mystify and to misrepresent” ^b (Burrige 2012, 68)
“The uplifting euphemism”	“to talk up and to inflate” ^c (Burrige 2012, 69)
“The provocative euphemism”	“to reveal and to inspire” ^d (Burrige 2012, 69)
“The cohesive euphemism”	“to show solidarity and to help define the gang” ^e (Burrige 2012, 70)
“The ludic euphemism”	“to have fun and to entertain” ^f (Burrige 2012, 71)

^a «Защитный эвфемизм <...> для защиты от оскорбления».

^b «Завуалированный эвфемизм <...> с целью ввести в заблуждение или представить в ложном свете».

^c «Возвышающий эвфемизм <...> с целью расхвалить и преувеличить».

^d «Провокационный эвфемизм <...> с целью раскрыть и воодушевить».

^e «Когезионный эвфемизм <...> с целью показать сплоченность и охарактеризовать группу».

^f «Игровой эвфемизм <...> для забавы и развлечения».

⁷ Нельзя не обратить внимания, что некоторые из предложенных Крысиным формулировок номинации «личной сферы» деятельности человека можно тоже отнести к эвфемистическим выражениям (например, *телесный низ, отношения между полами*).

Данная классификация позволяет наглядно представить разнообразие коммуникативных интенций говорящего, использующего в своей речи эвфемизмы (например, *скрыть*, *защитить*), а также значительно расширить границы понятия эвфемизм.

Польская исследовательница Домбровска за основу своей классификации эвфемизмов взяла теорию лексических полей (Dąbrowska 1993, Tokarski 1984). Она выделяет 17 семантических полей:

1. *Wierzenia religijne*
2. *Nazwy niebezpiecznych zwierząt*
3. *Choroby*
4. *Śmierć i zjawiska z nią związane*
5. *Wady, nałogi i przywary ludzkie*
6. *Cechy fizyczne człowieka*
7. *Status finansowy i nazwy pieniędzy*
8. *Etykieta językowa*
9. *Przewinienia, przekroczenia i kary*
10. *Połajanki, przekleństwa i wyzwiska*
11. *Nazwy części ciała*
12. *Nazwy części garderoby*
13. *Nagość*
14. *Nazwy czynności fizjologicznych*
15. *Życie seksualne*
16. *Polityka i dyplomacja*
 - 16.1. *Polityka zagraniczna*
 - 16.2. *Polityka wewnętrzna*
 - 16.3. *Gospodarka*
17. *Odrażający wygląd lub zapach⁸*
(Dąbrowska 1993, 69–72)

Несмотря на громоздкость данной типологии, по нашему мнению, это одна из самых полных классификаций эвфемизмов, включающая и традиционные табуированные названия (опасные животные, религиозные воззрения), и современные сферы употребления (политика, дипломатия, экономика).

Эвфемизмы традиционно классифицируются и по языковым средствам, и по способам эвфемизации. Вейсбергс перечисляет 9 универсальных способов, типичных для многих языков, в том числе использование иноязычных слов, аббревиатуры, эллипсиса, перифразы и др. (Veisbergs 2000, 774).

⁸ «1. Религиозные воззрения. 2. Названия опасных животных. 3. Болезни. 4. Смерть и связанные с ней явления. 5. Недостатки, вредные привычки. 6. Физические качества человека. 7. Материальный статус и названия денег. 8. Языковой этикет. 9. Преступления, проступки и наказание. 10. Вульгаризмы и прозвища. 11. Части тела. 12. Части гардероба. 13. Нагота. 14. Названия физиологических процессов. 15. Половая сфера. 16. Политика и дипломатия. 16.1. Внешняя политика. 16.2. Внутренняя политика. 16.3. Экономика. 17. Отталкивающий внешний вид или запах» [Перевод – С.Г.]

Крысин называет 6 языковых средств и способов эвфемизации в русском языке:

1. лексика с «диффузной» семантикой;
2. лексика с общей семантикой;
3. иноязычные слова;
4. лексика со значением «неполноты действия или слабой степени свойства»;
5. глаголы с префиксом *под-*;
6. аббревиатуры (Крысин 1994).

Как видим, исследователь, прежде всего, выделяет лексико-семантические и словообразовательные средства и способы, не уделяя должным образом внимания другим вариантам.

Домбровска перечисляет весь спектр средств и способов эвфемизации в польском языке, которые, по нашему мнению, можно применить и к русскому языку. Так, в частности, исследователь все средства и способы объединяет в 8 групп, в том числе, фонетические, морфологические, лексические, семантические, графические, синтаксические, просодические средства (Dąbrowska 1993, 267–268).

Среди типологий дисфемизмов рассмотрим только одну классификацию по лексико-синтаксическим разрядам, предложенную Резановой (Резанова 2008). Исследователь выделяет 5 лексико-семантических разрядов дисфемизмов в английском языке:

1. смерть, болезнь, физические и умственные недостатки;
2. криминальная сфера;
3. пороки и недостатки людей;
4. национальная принадлежность;
5. религия, религиозные ритуалы (Резанова 2008, 277–280).

Для лексикографов особый интерес представляют лексические (лексико-семантические) и морфологические языковые средства и способы эвфемизации, а также классификация эвфемизмов по сферам деятельности⁹.

1.2. К вопросу о маркировании эвфемизмов и дисфемизмов в словарях

О лексикографической фиксации эвфемизмов и дисфемизмов вскользь упоминает в своих работ ряд ученых (ср. Москвин 2001, Арсентьева и Арсентьева 2010).

⁹ Ср. «*Thus from the lexicographic viewpoint euphemisms are either (1) specific words or word combinations having euphemistic meaning; or (2) euphemistic senses in polysemantic words or phrases*» (Veisbergs 2000, 774). «С лексикографической точки зрения эвфемизмы – это 1) специфические слова или словосочетания с эвфемистическим значением или 2) эвфемистическое значение многозначного слова или выражения» [Перевод – С.Г.].

В Польше и в России должное внимание указанному лексическому пласту лексикографы начали уделять лишь в конце 20 века – начале 21 века. Именно тогда появляются первые специализированные словари эвфемизмов для польского и русского языков (Dąbrowska 1998, Ковшова 2007, Сеничкина 2008). В западной лексикографии словари эвфемизмов не являются новым явлением (Holder 1989, Neaman & Silver 1985).

Главную трудность для составителей словарей вызывают собственно свойства эвфемизмов и дисфемизмов, а именно: их «недолговечность» (динамика), эмоциональная окрашенность данных слов, присущая им ситуативность. Кроме того, адекватное восприятие данных лексических единиц зависит от фоновых знаний участников коммуникации и контекстной информации. Например, лексемы польского языка *głuchy*, *niesłyszący*, *głuchoniemu* для разных участников коммуникации могут иметь нейтральную, положительную или пейоративную окраску¹⁰. Для составителей двуязычных словарей общего назначения задание еще более усложняется в связи с проблемой эквивалентности. Барридж находит смелость весьма категорически утверждать: «*There is never 'Everyman's euphemism' or 'Everyman's dysphemism'*» (Burrige 2012, 66).

Большинство слов и словосочетаний, которые можно назвать эвфемизмами, становятся таковыми в контексте, а вне контекста теряют свою эвфемистическую окраску. Намного реже встречаются так называемые системные (или языковые) эвфемизмы (Dąbrowska i Pasieka 2008, 142). И только эти эвфемизмы могут интересовать лексикографов. Контекст является одним из существенных критериев выделения дисфемизмов (Sojda 2012, 131), в связи с этим вопрос о маркировании в словарях дисфемизмов нуждается в более тщательном изучении. Под маркированием мы понимаем «достигаемое с помощью специализированных лексикографических средств целенаправленное выделение единиц <...> среди других лексических единиц, описываемых в данном словаре» (Цумарев 2014, 255). Помета как одно из лексикографических средств позволяет выделить слово среди других лексических единиц, например, в связи с его стилистической или эмоциональной окраской, хронологическим или территориальным ограничением в употреблении. При этом мы разделяем точку зрения Дубиша, что главной функцией помет в словарях является практическая, так как помета содержит дополнительную информацию, предназначенную для пользователя словаря (Dubisz 2011, 105).

На практике авторы-составители переводных словарей (за исключением специальных словарей эвфемизмов, дисфемизмов, сленга, вульгаризмов и т. д.) избегают прямого указания на эвфемистическую/дисфемистическую окраску слова. Это отнюдь не означает, что эвфемизмы не фиксируются в переводных словарях общего назначения. Нередки случаи, когда авторы-составители избегают прямых наименований некоторых табуированных физиологических

¹⁰ См. лингвистическую справку <https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/glusi-i-gluchoniemi;3424.html>

процессов или частей тела, заменяя их эвфемизмами, и таким опосредованным способом фиксируют эвфемизмы в словаре.

Особую трудность для составителей переводных словарей представляет определение эквивалента в другом языке для слов с эвфемистической окраской в исходном языке. Вейсбергс выделяет 5 стратегий при определении словарного эквивалента для эвфемизмов:

1. *Equivalent euphemism in the target language,*
 2. *denotational equivalent is provided, losing the euphemistic effect,*
 3. *transparent "fresh" euphemism is created by the compilers,*
 4. *label "euphemism" is provided for the source word/sense,*
 5. *euphemistic sense of the word does not appear at all*¹¹
- (Veisbergs 2000, 777).

Как видим, иногда авторы-составители переводных словарей не указывают на эвфемистическую окраску слова. Вейсбергс это объясняет трудностями перевода и «эфемерным» характером эвфемизмов (Veisbergs 2000, 777).

Пометы *эвф.* и *дисф.* являются единственным не вызывающим сомнений у потенциальных пользователей словарем способом маркирования эвфемизмов и дисфемизмов. По нашему мнению, стоит определить, появляются ли данные пометы в польско-русских словарях общего типа, и рассмотреть место и значение данных помет в системе помет толковых словарей польского и русского языков. Это нам позволит выяснить, насколько привычно и оправданно применение данных помет в польской и русской лексикографии.

1.2.1. Экспрессивные пометы в словарях современного польского языка

Наличие экспрессивных помет в словарях играет существенную роль не только для носителей языка, но и для изучающих иностранные языки. На более продвинутых этапах изучения иностранного языка учащиеся обращаются к одноязычным словарям общего назначения. Экспрессивно-стилистическая информация о слове в словаре позволяет избежать многих коммуникативных неудач.

Для сравнения критериев отбора помет в современной польской лексикографии мы выбрали два наиболее полных словаря современного польского языка – *Uniwersalny Słownik Języka Polskiego* (далее: USJP) и *Wielki Słownik Języka Polskiego* (далее: WSJP).

USJP содержит около 100 000 слов, в том числе лексику второй половины 20 века, а также конца 20 – начала 21 века (Dubisz 2008). Словарь продолжает и совершенствует традиционный лексикографический подход, представленный в словарях 20 века (Doroszewski 1958–1969, Szymczak 1978–1981).

¹¹ «1. Эквивалентный эвфемизм на языке перевода. 2. Денотативный эквивалент без эвфемистической окраски. 3. Понятный авторский эквивалент, созданный составителями словаря. 4. Использование пометы *эвф.* для указания эвфемистического значения слова/эвфемизма в языке-источнике. 5. Указание на эвфемистическое значение слова отсутствует» [Перевод – С.Г.]

Четырехтомный труд существует в двух вариантах: в бумажной форме (первичный) и в электронном варианте (на сайте издательства, на коммерческих условиях¹²).

WSJP – это изначально словарь электронного типа в открытом доступе¹³. Словник словаря постоянно пополняется и обновляется. Первый вариант словаря (до 2012 года) включал около 15 000 слов. Второй этап работы над этим словарем академического типа (2012–2018) позволил включить еще 35 000 слов¹⁴.

Подходы к систематизации помет в словарях отличаются кардинальным образом. Рассмотрим это на примере категории экспрессивных помет (пол. *kwalifikatory ekspresywne*), потому что именно к этому типу помет авторы относят помету *эфф.* (см. Таблица 2 *Экспрессивные пометы в USJP и WSJP*).

Таблица 2
Экспрессивные пометы в USJP и WSJP^a

Виды помет	Объяснение	Наличие пометы в USJP и критерии ее применения	Наличие пометы в WSJP и критерии ее применения
<i>euf.</i>	eufemizm (,эвфемизм')	+ « <i>Ten kwalifikator odnosi się do jednostek słownikowych tuszujących wartość emocjonalną, będących określeniami zastępczymi wobec innych jednostek, których nadawca nie chce użyć z różnych względów <...> a których treść chce przekazać^b...</i> » (Dubisz 2008, XLIII).	-
<i>iron.</i>	ironiczny (,иронический')	+ « <i>Określa jednostki słownikowe, które są używane z intencją oddania ukrytej drwiny, złośliwości, szyderstwa <...>^c</i> » (Dubisz 2008, XLIII).	-
<i>lekcew.</i>	lekceważący (,пренебрежительный')	+ « <i>Ten kwalifikator sygnalizuje poczucie wyższości nadawcy w stosunku do osoby, rzeczy, zjawiska nazwanej za pomocą danej jednostki słownikowej^d</i> » (Dubisz 2008, XLIII).	-
<i>obraźl.</i>	obraźliwy (,оскорбительный, обидный')	+ « <i>Kwalifikator ten znajduje zastosowanie przy tych jednostkach słownikowych, których użycie przez nadawcę wypowiedzi ma na celu obrażenie odbiorcy (przedmiotu) tej wypowiedzi^e</i> » (Dubisz 2008, XLIII).	-

¹² <https://sjp.pwn.pl/oferta/haslo/Uniwersalny-sownik-jezyka-polskiego-serwis-on-line;5725041.html>

¹³ <http://www.wsjp.pl/>

¹⁴ Подробнее см. Żmigrodzki i in. 2018.

Виды помет	Объяснение	Наличие пометы в USJP и критерии ее применения	Наличие пометы в WSJP и критерии ее применения
<i>pieszcz.</i>	pieszczotliwy (‘ласкательный’)	+ «Określa on pozytywny stosunek emocjonalny nadawcy wypowiedzi <...> wobec odbiorcy (przedmiotu) tej wypowiedzi ^f » (Dubisz 2008, XLIII).	-
<i>pogard.</i>	pogardliwy (‘презрительный’)	+ «Ten kwalifikator sygnalizuje uczucie pogardy wobec odbiorcy lub przedmiotu wypowiedzi^g » (Dubisz 2008, XLIII).	+ «... ma informować, że użycie danego leksemu <...> ma funkcję poniżającą osobę, wobec której jest on użyty^h » (wsjp.pl)
<i>posp.</i>	pospolicity (‘просторечный’)	+ «Sygnalizuje on negatywne nacechowanie jednostek słownikowych, które sprawia, że wykształcony użytkownik polszczyzny nie używa ich w sytuacji publicznej czy oficjalnej <...>ⁱ » (Dubisz 2008, XLIV).	-
<i>wulg.</i>	wulgarny (‘вульгарный’)	+ «<...> ten kwalifikator odnosimy do jednostek słownikowych, których użycie wywołuje u przeciętnego odbiorcy wypowiedzi negatywną opinię o kulturze osobistej nadawcy wypowiedzi^j » (Dubisz 2008, XLIV)	+ «<...> kwalifikator wulg. stosujemy przy wszystkich wyrazach, które takim kwalifikatorem były opatrywane we wcześniejszych słownikach ogólnych , a także występowały z taką kwalifikacją w Słowniku polskich przekleństw i wulgarizmów (Grochowski 1994). W wypadku jednostek w tych źródłach nienotowanych redaktorzy kierują się intuicją i własnym wyczuciem <...> w wypadkach wątpliwych kwalifikator wulg. raczej zastosować niż go nie stosować <...> ^k » (wsjp.pl)
<i>żart.</i>	żartobliwy (‘шутливый’)	+ «Oddaje on humorystyczne nastawienie nadawcy wypowiedzi do treści (desygnatów) jednostki słownikowej <...>^l » (Dubisz 2008, XLIV).	+ «<...> jest intuicyjnie jasny – stosuje się go do wyrazów i frazeologizmów, w których występuje (występować może) pewien efekt komiczny <...>^m » (wsjp.pl)
<i>pejorat.</i>	pejoratywne (‘пейоративно’)	-	+ «<...> informuje o tym, że dana jednostka wyraża negatywną ocenę obiektu lub zjawiska <...> przede wszystkim wtedy, gdy element negatywny nie jest zawarty w samej definicji (tym samym nie należy do znaczenia) jednostki leksykalnej, ale wynika z innych uwarunkowań, przede wszystkim z oceny mówiącego, umotywowanej z kolei np. przyjętymi w naszej kulturze kryteriami oceniania rzeczywistości <...>ⁿ » (wsjp.pl)

Виды помет	Объяснение	Наличие пометы в USJP и критерии ее применения	Наличие пометы в WSJP и критерии ее применения
<i>przen.</i>	przenośny (,образно')	+ « <i>Odnosi się do wyrazów użytych w znaczeniu innym niż podstawowe, przy czym znaczenie przenośne jest związane – na zasadzie różnego typu podobieństwa (asocjacji) – ze znaczeniem podstawowym i związek ten jest odczuwalny przez użytkowników języka <...></i> » (Dubisz 2008, XLIV).	-

- ^a Нами выделены фрагменты жирным шрифтом (С.Г.).
- ^b «Это помета относится к словарным единицам, скрывающим эмоциональную оценку, заменяющим другие лексические единицы, которые адресант не хочет употреблять в речи по разным причинам <...> а суть которых хочет передать» [Перевод — С.Г.].
- ^c «(Эта помета) маркирует словарные единицы, которые используются в речи с намерением передать скрытую насмешку, колкость, издевку <...>» [Перевод — С.Г.].
- ^d «Эта помета сигнализирует чувство превосходства адресанта по отношению к лицу, предмету или явлению, обозначаемому данной словарной единицей» [Перевод — С.Г.].
- ^e «Эта помета применяется для маркирования тех словарных единиц, которые адресант использует с целью оскорбления адресата (предмета) данного высказывания» [Перевод — С.Г.].
- ^f «(Помета) указывает на положительное эмоциональное отношение адресанта ... к адресату (предмету) этого высказывания» [Перевод — С.Г.].
- ^g «Эта помета сигнализирует о чувстве презрения по отношению к адресату или предмету высказывания» [Перевод — С.Г.].
- ^h «[Помета] ... информирует, что употребление данной лексемы выполняет функцию унижения того лица, по отношению к которому она употреблена» [Перевод — С.Г.].
- ⁱ «Помета сигнализирует негативный оттенок словарных единиц, из-за которого образованный носитель польского языка не употребляет их в публичной или официальной ситуации <...>» [Перевод — С.Г.].
- ^j «Эта помета применяется для маркирования тех словарных единиц, использование которых [в речи] вызывает у среднестатистического адресата высказывания отрицательное впечатление о культуре поведения адресанта высказывания» [Перевод — С.Г.].
- ^k «Помета вульг. применяется для маркирования всех тех слов, которые сопровождалась такой пометой в словарях общего типа, предшествующих этому изданию, а также были зафиксированы с данной пометой в словаре. Если лексические единицы не были обнаружены в указанных источниках, редакторы ориентировались на собственную интуицию и чутье ... в сомнительных случаях помету вульг. скорее применяли, нежели не применяли» [Перевод — С.Г.].
- ^l «[Помета] указывает на юмористическое отношение адресанта высказывания к плану содержания (денотатам) словарных единиц <...>» [Перевод — С.Г.].
- ^m «<...> [Помета] интуитивно понятна: она маркирует слова и фразеологизмы с определенным комическим эффектом <...>» [Перевод — С.Г.].
- ⁿ «[Помета] информирует о том, что данная единица выражает негативную оценку объекта или явления <...> прежде всего тогда, когда отрицательная коннотация не является частью дефиниции лексической единицы, а обусловлена прежде всего оценкой говорящего, которая, в свою очередь, обусловлена, например, принятыми в нашей культуре критериями оценивания действительности <...>» [Перевод — С.Г.].
- ^o «Помета относится к словам, употребленным в значении ином от прямого, при этом переносное значение связано по принципу схожести (ассоциации) с прямым значением и эта схожесть осознается носителями языка

Помета *euf.* используется только в USJP. С помощью данной пометы маркируются слова и выражения, заменяющие другие лексические единицы, которых говорящий не хочет произносить. Данная помета появляется в 175 словарных статьях, то есть относительно редко.

В WSJP помета *euf.* не применяется:

*<...> przeważająca część jednostek nim objętych to frazeologizmy <...> które „peryfrazowy” charakter jest wpisany z natury rzeczy, w przypadku pojedynczych wyrazów odczucie ich eufemistyczności jest <...> bardzo ograniczone <...>*¹⁵ (Kurkiewicz 2007, 37).

Если с относительным характером эвфемизмов, их ситуативностью можно согласиться, то объяснение, что чаще всего данная помета маркирует фразеологизмы польского языка и поэтому от нее следует отказаться, кажется нам не совсем убедительным.

Прагмалингвистический принцип, положенный в основу применения экспрессивных помет в USJP, сводится к анализу интенций и реакций участников коммуникативной ситуации. Как наглядно иллюстрирует таблица, составители WSJP максимально сократили список экспрессивных помет и заново переосмыслили критерии их использования. Так, например, авторы-составители вводят новую помету *pejorat.*, призванную объединить сразу несколько традиционных в польской лексикографии помет, указывающих на отрицательную окраску слова. По нашим наблюдениям, это самая частотная экспрессивная помета в WSJP: применяется чаще, чем все другие экспрессивные пометы вместе взятые. Однако насколько эффективен с точки зрения пользователей словарей данный подход, трудно судить без дополнительных углубленных исследований предпочтений читателей.

Если помета *euf.* применяется хотя бы в одном из рассматриваемых словарей, то помета *disfemizm* отсутствует в обоих источниках¹⁶. В связи с этим для нас особый интерес представляет ближайшая к ней помета *wulg.*, которую редакторы USJP и WSJP решили использовать в своих словарях. Критерии маркирования слов пометой *wulg.*, как впрочем, и собственно лексикографическая фиксация вульгаризмов, неоднократно являлись предметом споров с заметной тенденцией к «демократизации» лексикографической практики (Żmigrodzki 2012). Лексикографическую фиксацию и маркирование вульгарной лексики мы связываем с общим процессом детабуизации в лексикографии в последние несколько десятилетий.

¹⁵ «Подавляющая часть лексических единиц с данной пометой – это фразеологизмы <...> «перифрастический» характер которых естественен; в случае же отдельных слов ощущение их эвфемистичности <...> очень ограничено <...>» [Перевод – С.Г.].

¹⁶ Синонимическая помета *kakofemiczny* используется в Словаре сексуализмов (Lewinson 1999). Данную помету автор относит к четырем основным стилистическим пометам (*neutralny, grubiański, wulgarny, kakofemiczny*).

Одной из трудностей является относительный характер вульгарной окраски лексики, потому что не всеми носителями языка вульгарные слова будут восприниматься именно так¹⁷. Эту лексикографическую трудность составители словарей пытаются преодолеть по-разному. Можно выделить два подхода.

Первый подход представлен в USJP. В основу положен критерий языкового чутья, языкового вкуса среднестатистического носителя польского языка, выступающего в роли адресата коммуникативной ситуации (*przeciętny odbiorca* 'среднестатистический адресат'). В словаре не уточняется, кого можно назвать *среднестатистическим адресатом*, однако можно предположить, что речь идет об образованном человеке с развитым языковым вкусом. Стоит отметить, что различия в восприятии говорящими вульгарной лексики зависят не только от уровня образованности, но и от возраста участников коммуникации и многих других составляющих. Для применения данного лексикографического критерия требуется богатая эмпирическая база¹⁸ (например, результаты анкетирования). В противном случае данный лексикографический подход сводится к субъективной оценке и языковому чутью авторов-составителей¹⁹.

Второй подход представлен в WSJP. Авторы-составители применяют три критерия, а именно:

1. наличие данного вульгаризма с соответствующей пометой в других словарях польского языка общего назначения;
2. фиксация данного слова в словаре вульгаризмов Гроховского (Grochowski 1994);
3. интуиция и языковое чутье авторов-составителей в остальных случаях (wsjp.pl).

Заметим, что одним из критериев фиксации лексических единиц с пометой *wulg.* составители WSJP является критерий наличия данных слов в словаре вульгаризмов Гроховского (Grochowski 1994). В связи с этим необоснованным становится отказ от использования пометы *euf.*, тем более, что на момент проектирования WSJP уже был издан словарь эвфемизмов польского языка Домровской (Dąbrowska 1998).

Следующая проблема, связанная с отражением лексических единиц с пометой *wulg.*, – это определение объема данной лексической группы по отношению к остальной лексике, представленной в словарях. Не выделено четких критериев для решения данной проблемы. Как пишет редактор WSJP, потенциальные пользователи словарей по-разному воспринимают словарную статью и наличие в словаре того или иного слова:

1. Użytkownicy są skłonni traktować słownik jako wzorzec języka, a wszystkie zawarte w nim leksemy uzyskują legitymację do używania – bez względu na szczegóły opisu.

¹⁷ Подробнее см. (Fras 2009, 317–326).

¹⁸ Стоит упомянуть о методах корпусной русистики для выявления отношения участников коммуникации к сниженной лексике в речи образованных людей (Вепрева 2008).

¹⁹ О так называемых субъективных критериях в лексикографии пишет Дубиш (Dubisz 2011, 99).

2. *W odczuciu pewnej grupy użytkowników języka wulgaryzmy są uważane za coś godnego potępienia, inni jednak oczekiwali od językoznawców i autorów słowników jakiegoś ich usankcjonowania czy usprawiedliwienia ich używania.*
3. *Dodatkowo sytuację komplikuje to, że odbiorcy nie dość dobrze odczytują elementy opisu leksykograficznego, w związku z czym mogą błędnie zinterpretować opis wulgarizmu²⁰<...> (Żmigrodzki 2012, 126).*

Таким образом, маркирование той или иной лексической единицы пометой *wulg.* – это, по словам Жмигродского, неустанное балансирование между достижениями современной лингвистики и общественным мнением (Żmigrodzki 2012).

1.2.2. Пометы эвфемизм и дисфемизм как экспрессивно-оценочные пометы в словарях русского языка

Подобные проблемы, связанные с фиксацией и маркированием эвфемизмов и дисфемизмов, можно наблюдать и в российской лексикографии. В российской лексикографической традиции пометы *дисф.* и *эвф.* относятся к стилистическим пометам экспрессивно-оценочного подтипа. Однако создатели словарей русского языка общего предназначения пользуются данными пометами крайне редко. Так, помета *эвф.* применяется только в *Толковом словаре русского языка* (Ушаков 1935–1940) в качестве стилистической пометы, указывающей на экспрессивный оттенок слова или значения. Среди других экспрессивно-оценочных помет, преимущественно с негативной оценкой, стоит упомянуть следующие: *бран.*, *неодобрит.*, *ирон.*, *презрит.*, *пренебр.*, *укор.*, *шутл.* В *Словаре русского языка С. Ожегова*²¹ пометы *эвф.* и *дисф.* не появляются вовсе.

Что касается словарей, включающих актуальную лексику конца 20-начала 21 века, то, как отмечает Кочергина (Кочергина 2017), только *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи* (Химик 2004) маркирует слова и значения с помощью помет *эвф.* и *дисфемизм*²². В предисловии к этому словарю (Химик 2004) уточняется:

«Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи»
можно воспринимать двояко: с одной стороны, как дополнение

²⁰ «1. Пользователи склонны воспринимать словарь как образец языка, а все лексемы, включенные в словарь, как рекомендуемые к употреблению, невзирая на детали словарной дефиниции. 2. Для определенной группы пользователей языка вульгарная лексика подвергается осуждению, другие же ожидают от составителей словарей как-то узаконить или оправдать их употребление. 3. Кроме этого, ситуация осложняется тем, что пользователи не совсем точно понимают словарные описания, в связи с чем могут ошибочно истолковывать описание вульгаризмов в словаре» [Перевод – С.Г.]

²¹ www.slovarozhegova.ru

²² Исследователь рассматривает пять словарей (например, Шведова 1998, Химик 2004, Ефремова 2000, Кузнецов 1998). При отборе словарей учитывались 1) практика применения словарей в юрислингвистической экспертизе, 2) объем словника и актуальная лексика, 3) фиксация лексики разных стилей (Кочергина 2017, 21).

к словарям общего, тезаурусного типа, которое объединяет сниженную, сугубо разговорную, преимущественно субстандартную лексику и фразеологию, с другой – его можно рассматривать как специальное собрание слов и выражений сниженной экспрессивной речи, русского обиходного общения во всем его разнообразии и без всяческих прикрас (Химик 2004).

Если рассматриваемый *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи* воспринимать, по предложению автора-составителя, как дополнение к толковым словарям-тезаурусам общего назначения²³, то и примененная автором система помет тоже заслуживает пристального внимания. По нашему мнению, стоит тщательно изучить, оправданно ли с точки зрения пользователей применение помет *эвм.* и *дисф.* в словарях экспрессивной речи.

Весьма актуальной в российской лексикографии является проблема определения оптимального объема ненормативной, эмоционально-окрашенной лексики в общем объеме словника, а также соответствующее маркирование данной лексики.

Интересный подход к стилистической системе помет, предназначенной для лексикографического описания фразеологизмов, предлагают Баранов и Добровольский. Так, среди стилистических помет лингвисты выделяют временные, собственно стилистические, дискурсивные пометы и регистровые операторы (Баранов и Добровольский 2009, 13). Пометы *эвф.* и *дисф.* авторы-составители относят к регистровым операторам, «особому типу помет, характеризующих изменение формы идиомы, которое приводит к переводу этой идиомы из одного стилистического регистра речи в другой – либо в сторону повышения стилистического регистра (*эвф.*), либо в сторону его понижения (*дисф.*)» (Баранов и Добровольский 2008, 557). К сожалению, новаторский подход Баранова и Добровольского не получил распространения в лексикографической практике.

1.3. Способы представления эвфемизмов и дисфемизмов в *Wielkim słowniku polsko-rosyjskim*

Для анализа способов представления эвфемизмов и дисфемизмов в переводных словарях мы выбрали популярный польско-русский словарь традиционного (бумажного) типа – *Wielki słownik polsko-rosyjski* (WSPR). По замыслу авторов-составителей, данный словарь является первым обширным польско-русским переводным словарем общего назначения, включающим новейшую лексику конца 20 – начала 21 вв. (Wawrzyńczyk 2005, 7). По словам редактора, основу словника составляет актуальная лексика, в том числе разговорные и просторечные слова и выражения, за исключением обцензурных

²³ См. рецензию (Шимчук 2006).

(Wawrzyńczyk 2005, 7). Хочется отметить, что включение в словарь просторечных слов и словосочетаний совершенно оправданно. Здесь уместно привести цитату, которую заново переосмыслили Цумарев и Шестакова в контексте кодификации норм в «Академическом толковом словаре русского языка»:

Существует не одно, а два просторечия: 1) просторечие как стилистическое средство литературного языка, 2) просторечие как речь лиц, недостаточно овладевших литературным языком. При этом их материальный состав во многом совпадает <...> То, что в словарях обозначается как просторечное средство, может быть употреблено в подходящей ситуации любым образованным человеком. Вывести из состава литературного языка функционирующее в нем просторечие означало бы лишить литературный язык средств сниженной речи, обычно несущих высокую эмоциональнооценочную нагрузку» (Филин 1973, 7. Цитируя по: Цумарев и Шестакова 2018, 60).

Данную мысль можно применить и к двуязычной лексикографии. С одной стороны, несомненно, для изучающих иностранные языки переводные словари являются одним из главных источников для восприятия текстов, в том числе аутентичных текстов художественной литературы XX–XXI века, фильмов и телевизионных шоу. Общенная лексика, вульгарные наименования физиологических процессов или частей тела нередко встречаются в указанных выше текстах. С другой стороны, лексикографическая фиксация в словарях и соответствующие нормативно-стилистические пометы позволяют пользователю правильно понимать значение и сферу употребления и соответственно избегать ошибок в процессе порождения текста на иностранном языке.

По подсчетам редактора серии, WSPR состоит из 70 тыс. заглавных слов и 520 тыс. польских и русских эквивалентов (Wawrzyńczyk 2005, 6). Словарь предназначен как для польскоязычных, так и для русскоязычных пользователей²⁴, поэтому пометы и дополнительная информация о слове предоставляются и на польском, и на русском языках. Однако главным адресатом является польскоязычный читатель.

Словарная статья WSPR состоит из заголовочного слова и переводного эквивалента. Только часть статей не содержит лексических соответствий на русском языке. К ним относятся отсылочные статьи, составленные исключительно на польском языке, которые, как указывают авторы-составители, выполняют вспомогательную функцию, облегчающую нахождение исходной грамматической формы (например, *nikogo* ‘никого’ – *nikt* ‘никто’; *szedł* ‘шел’ – *iść* ‘идти’) (Wawrzyńczyk 2005, 9). Важные для процесса порождения текста на иностранном языке синтаксические характеристики словарной статьи представлены

²⁴ Такие словари Адамска-Салацак предлагает называть английским термином *bidirectional bilingual dictionary* (Adamska-Salaciak 2016).

в круглых скобках или с помощью иллюстраций (речений²⁵). При выборе речений авторы придавали особое значение статистическому анализу узуса (Wawrzyńczyk 2005, 9). Все лексические соответствия на русском языке сопровождаются информацией об ударении.

Одним из приоритетов для лексикографов должно быть удобство пользования словарем. Обилие характеристик (например, фонетических, синтаксических, морфологических, переводных и др.) дается выборочно по дифференцирующему признаку: частотность ошибок в речи говорящих. В связи с этим нередко словарные статьи без какой-либо дополнительной информации (Wawrzyńczyk 2005, 11).

В анализируемом словаре используется система помет, восходящая к традициям польской двуязычной лексикографии (pol. *kwalifikatory*) (см. Таблица 3 *Пометы в WSPR*).

Таблица 3
Пометы в WSPR

Типы помет	Пометы на русском языке	Пометы на польском языке
Функционально-стилистические пометы	<i>книжн.</i> книжное <i>прост.</i> просторечное <i>разг.</i> разговорное	- - <i>pot.</i> <i>potoczne</i>
Хронологические пометы	<i>устар.</i> устаревшее	<i>przestarz.</i> <i>przestarzałe</i>
Грамматические пометы	<i>род.</i> родительный падеж <i>дат.</i> дательный падеж <i>вин.</i> винительный падеж <i>твор.</i> творительный падеж <i>предл.</i> предложный падеж - <i>ед.</i> единственное число <i>мн.</i> множественное число <i>ж</i> женский род <i>м</i> мужской род <i>ср</i> средний род <i>изм.</i> изменяемое слово <i>неизм.</i> неизменяемое слово <i>повел.</i> повелительное наклонение <i>сокр.</i> сокращение	<i>dop.</i> <i>dopełniacz</i> <i>cel.</i> <i>celownik</i> <i>bier.</i> <i>biernik</i> <i>narz.</i> <i>narzędnik</i> <i>msc.</i> <i>miejsownik</i> <i>woł.</i> <i>wołacz</i> (звательный падеж') <i>lp</i> <i>liczba pojedyncza</i> <i>lm</i> <i>liczba mnoga</i> <i>ż</i> <i>rodzaj żeński</i> <i>m</i> <i>rodzaj męski</i> <i>n</i> <i>rodzaj nijaki</i> <i>odm.</i> <i>wyraz odmienny</i> <i>nieodm.</i> <i>wyraz nieodmienny</i> - -
Прочие	-	<i>adapt.</i> <i>forma adaptowana</i> (адаптированная форма')

Как видим, подавляющее большинство помет относится к грамматическому типу (например, *вин.*, *дат.*, *ж*, *мн.*, *предл.*, *ср*, *твор.*). Набор используемых стилистических помет, указывающих на принадлежность слова или

²⁵ Под речениями понимаются «примеры употребления слова в виде типичных словосочетаний» (Цумарев и Шестакова 2018, 65).

словосочетания к определенному стилю и помогающих определить уместность употребления данного выражения, минимален. Более того, наблюдается некая асимметрия при выборе стилистических помет для польских и русских эквивалентов. Возможно, что для стилистически нейтральных польских слов указаны книжные или просторечные варианты на русском языке. Очевидно, что составители не решаются применить новые для польско-русской двуязычной лексикографии виды помет. Так, в частности, слова не сопровождаются пометами *эвфем.*, *дисфем.*, *вульг.*, *политкорр.* и др, которые выделяли бы эвфемизмы или дисфемизмы в польском или русском языках. Следует отметить, что некоторые эвфемизмы в анализируемом словаре маркируются с помощью стилистических помет *прост.* (просторечное выражение) и *разг.* (разговорное выражение).

Сдержанность в применении стилистических помет кажется нам необоснованной, особенно если принять во внимание разработанную систему нормативно-стилистических помет, успешно применяемых в толковых одноязычных словарях (например, *бран.*, *груб.*, *груб.*, *разг.-сниж.*). Данные пометы помогают пользователям определить оценочную маркированность лексем и избежать возможных коммуникативных неудач в иноязычной коммуникативной ситуации²⁶.

Ошибочным, однако, было бы утверждение, что оценочность лексики и сферы ее употребления не отражены в WSPR. Более широкие возможности в плане идентификации эвфемистических и дисфемистических слов и выражений предоставляет дополнительная словарная информация, размещаемая авторами-составителями в круглых скобках. Чтобы определить разнообразные способы отражения эвфемизмов, дисфемизмов и прямых номинаций в анализируемом лексикографическом труде, мы решили сравнить эвфемизмы и дисфемизмы на польском языке с их эквивалентами в WSPR. Для удобства мы сузили тематику до сфер «Физиологические процессы» и «Части тела» (Dąbrowska 1993)²⁷. При выборе лексем мы преследовали цель выявить разные стратегии фиксации табуизированной лексики. Всего было отобрано 44 слова и словосочетания с положительной, нейтральной или отрицательной коннотацией. Затем в WSPR были найдены эквиваленты на русском языке. Результаты анализа приведены в таблице 4.

Как видим, в WSPR не отражена в полной мере эвфемистическая и дисфемистическая лексика. Такую цель, прежде всего, преследуют специальные одноязычные или двуязычные словари эвфемизмов и дисфемизмов. Тем не менее, составители анализируемого словаря включили ряд слов и выражений, относящихся к эвфемизмам, дисфемизмам или прямым номинациям табуированных

²⁶ Страницей максимального упрощения системы стилистических помет для русско-английской лексикографии является Чубур, которая предлагает пометы *бранное*, *вульгарное*, *грубое*, *грубо-просторечное*, *просторечное*, *сниженное* заменить одной пометой *ненормативное*, что соответствовало бы сразу трем (!) пометам на английском языке, то есть *taboo*, *vulgar*, *very rude* (Чубур 2010, 336).

²⁷ Следует отметить, что Домбровска широко трактует тематическое поле *Nazwy czynności fizjologicznych*, включая результаты метаболизма, запахи тела, физиологию женщины (девственность, менструация, беременность, роды, аборт, предотвращение беременности) (Dąbrowska 1993, 418).

Таблица 4

Эвфемизмы и дисфемизмы в WSPR

Эвфемизмы, дисфемизмы, <i>verbia propria</i> тематических полей «Физиологические процессы», «Части тела» по (Dąbrowska 1993)	Польские эквиваленты в WSPR	Русские эквиваленты в WSPR
Части тела		
cipka	-	-
cycek	cycek	грудь
członek (męski)	-	-
dupa	dupa	жопа/задница
genitalia	genitalia	половые органы/гениталии
penis	-	-
piersi	piers	грудь
pochwa	pochwa	2. (narząd płciowy) влагалище
pośladki	pośladek, lm pośladki	ягодица, pośladki – седалище (часть тела)
prącie	prącie	мужской половой член/пеннис
pupa	pupa	попа
siusiak	-	-
srom	-	-
Физиологические процессы, состояние		
aborcja	aborcja	аборт
ciąża	ciąża	беременность
cnota	cnota (niewinność)	честь (девственность)/невинность
defekacja	-	-
dziewictwo	-	-
ekskreменты	-	-
gówno	gówno	говно/дерьмо
gumka	gumka	резинка
kał	kał	кал/испражнения
kupka	kupka	кучка
menstruacja	menstruacja	менструация
miesiączka	miesiączka	месячные
mocz	mocz 1. (<i>wytwarzanie, produkcja</i>) 2. (<i>oddawanie, wydalanie</i>)	моча 1. мочеотделение 2. мочеиспускание
okres	-	-
pocić się	pocić się	потеть
poród	poród	роды
rzygać	-	-
sikać	sikać	писать
skrobanka	skrobanka	аборт (искусственный)

Эвфемизмы, дисфемизмы, <i>verbia propria</i> тематических полей «Физиологические процессы», «Части тела» по (Dąbrowska 1993)	Польские эквиваленты в WSPR	Русские эквиваленты в WSPR
srać	-	-
stolec	stolec	стул (испражнение)
sztuczne poronienie	-	-
ubikacja	ubikacja	уборная
ulżyć sobie	ulżyć sobie	отвести душу
wiatry	wiatry (gazy)	газы/ветры <i>разг.</i>
WC	WC	уборная
wymiotować	wymiotować	рвать
zabieg	-	-
załatwiać się	załatwiać się	(<i>o potrzebie naturalnej</i>) облегчаться
za potrzebą	za potrzebą (<i>fizjologiczną: wyjść, pójść itp.</i>)	по нужде
zgrzać się	zgrzać się	запариться (покрыться потом от гонки: о лошади, скакуне и т.п.)

сфер употребления. Так, из выбранных нами 44 слов и словосочетаний 31 фиксируется в WSPR. На основании небольшой выборки мы можем сделать несколько наблюдений. В словаре широко представлена нейтральная медицинская терминология, которая в определенных контекстах выполняет роль эвфемизмов (например, *aborcja* – аборт, *ciąża* – беременность, *menstruacja* – менструация, *tocz (oddawanie, wydalanie)* – мочеиспускание). Эти нейтральные лексемы не сопровождаются дополнительными пометами или пояснениями. Авторами-составителями выборочно фиксируются экспрессивно-оценочная лексика или прямые номинации, например, в словаре отмечены слова *cycek, diura, pupa, sikać, skrobanka*, но отсутствуют лексемы *siusiak, penis, srom*.

Авторы словаря избегают маркирования данной лексики и не указывают на ограничения в употреблении слов. Отмечен только один случай, когда лексикографы применяют помету *разг.* для русского эквивалента *газы/ветры*. Другие слова анализируемой группы не маркируются. Так, например, не маркируются пометами такие слова как *жопка, задница, попка, писать*. Отсутствие помет, на нашему мнению, может быть воспринято пользователями словаря как значимое отсутствие пометы, указывающее на нейтральный характер лексики, что может привести к коммуникативным неудачам.

В словаре отмечены случаи необоснованного отсутствия прямых номинаций табуированной сферы и фиксации стилистически окрашенной лексики без каких-либо комментариев. Например, в словаре нами не обнаружено слово *dziewictwo* – девственность, однако авторы-составители решаются поместить

в своем лексикографическом труде книжное, возвышенное слово *snota* – (девичья) честь, маркируя эту пару лексических соответствий как стилистически нейтральную.

Обнаружены несоответствия и ассиметрии иного рода. В частности, нередко случаи указания для оценочной, стилистически маркированной лексически нейтральных эквивалентов в другом языке. Например, слово *cycek* в польском языке является просторечным словом²⁸, эвфемизмом для словосочетания *piers kobiety* ‚женская грудь‘. В польско-русском словаре WSPR предлагается нейтральный эквивалент-гипероним на русском языке *грудь*. В свою очередь, переводным эквивалентом для просторечного слова-эвфемизма табуированной сферы *skrobanka*²⁹, по данным WSPR, является медицинский термин *искусственный аборт*.

Кроме того, в словаре могут отсутствовать эвфемистические значения одного из эквивалентов. Например, в словаре не фиксируется эвфемистическое значение слова *kurka* (‘кал, куча’), *gumka* – *резинка* (‘презерватив’), *zgrzać się* (‘вспотеть’, ‘взопреть’ о человеке).

Как видим, авторы-составители крайне редко указывают на оценочность и стилистическую принадлежность слов и словосочетаний. Прежде всего, это связано с используемой в словаре системой помет, сводящей к минимуму набор стилистических помет. Стилистические пометы неравномерно применяются для польских и русских лексических пар. Более того, в большинстве случаев отсутствуют какие-либо комментарии, касающиеся стилистических ограничений в употреблении. Можно согласиться с авторами, что громоздкость словарных статей и обилие помет и речений может в определенных ситуациях сделать словарь менее «дружелюбным» (*user-friendly*), однако, по нашему мнению, словарные статьи, отражающие сниженную лексику, должны сопровождаться необходимыми комментариями или пометами.

1.4. Детабуизация в бесплатных переводных Интернет-словарях (на примере портала *bab.la*)

В эпоху Интернета особую популярность среди пользователей приобрели бесплатные словари он-лайн³⁰. Нередки случаи, когда данные лексикографические проекты разрабатывают сами Интернет-пользователи³¹. Для лингвистов такая

²⁸ Ср. дефиницию в USJP: „*cycek pot. posp.* a) „*piers kobiety*”<...> b) „*sutek samicy zwierzęcia*” <...>” (USJP, 490) «а) женская грудь <...> б) сосок самки животного <...> [Перевод – С.Г.]»

²⁹ Ср. дефиницию в USJP: „*skrobanka pot. posp.* „*zabieg ginekologiczny polegający na wykrobanii jamy macicy w celu usunięcia tkanek płodowych lub tkanek chorych*” (USJP, 1249).

³⁰ Подробнее (Lannoу 2009, 173–181).

³¹ Ср. появляющиеся в лингвистике термины *наивная лексикография*, *обыденная лексикография*, *стихийная лексикография*, *народная лексикография*.

стихийная «наивная» лексикография может представлять интерес как пример детабуизации. В качестве иллюстрации данного явления мы выбрали портал bab.la, а выборку частотных имен существительных произвели на основе *Частотного словаря современного русского языка* (Ляшевская и Шаров 2009).

Частотный словарь современного русского языка основан на коллекции текстов *Национального корпуса русского языка*, отражающих лексический состав русского языка периода 1950–2007 годов. На момент составления частотного словаря в *Национальном корпусе русского языка* тексты классифицировались по нескольким параметрами (жанр, тип, сфера функционирования и т. д.). Корпус устных текстов включал в себя образцы публичной речи (теле- и радиointервью, лекции), образцы непубличной речи (разговоры дома, в магазине, по телефону), образцы речи в кино (Ляшевская и Шаров 2009).

Частотный словарь современного русского языка состоит из нескольких разделов, которые можно рассматривать в качестве самостоятельных словарей, в частности, словарь значимой лексики для разных функциональных стилей. Значимая лексика – это «наиболее типичные слова» для заданного подкорпуса, выделенные на основе сравнения частоты лемм в этом подкорпусе и в корпусе текстов в целом. Например, значимые имена существительные разговорной речи чаще появляются в текстах разговорной речи, чем в текстах других сфер функционирования (Ляшевская и Шаров 2009).

Интернет-портал bab.la, выбранный нами в качестве источника эквивалентов для значимых лексем русской речи, предлагает бесплатные онлайн-словари с возможностью расширения заголовных слов и статей самими пользователями³²:

Что такое bab.la?

Языковой портал bab.la – это место для любителей иностранных языков. Мы предлагаем бесплатные онлайн-словари (в данный момент 44), для 28 языков, статьи на блогах о жизни за рубежом, языковые игры и тесты, спряжения глаголов для 12 языков, список выражений необходимых в школе, в вузе, в бизнесе или в путешествии, а также объявления о заграничной практике и много других продуктов, связанных с языками.

В апреле 2015 года портал bab.la присоединился к семье оксфордских словарей когда издательство „Oxford University Press” стало нашей материнской компанией. Оксфорд и портал bab.la разделяют мечту и миссию по доставке высококачественных языковых ресурсов мировому сообществу (bab.la 2018)³³.

³² «Выберите нужный вам словарь из раскрывающегося меню, введите слово и нажмите „перевести”. Вы также можете помочь улучшить наш словарь: вводите предложения с новыми переводами или редактируйте уже существующие статьи» (bab.la 2018).

³³ Орфография и пунктуация как в оригинале.

Несмотря на заверения создателей портала о качестве словарей, перед нами пример типичной народной лексикографии. Очень трудно найти единую унифицированную структуру словарной статьи, отсутствуют критерии отбора лексики и рекомендуемые стратегии выбора переводных эквивалентов. В словаре преобладают имена собственные, заглавными словами словарных статей могут быть целые предложения. Нередки случаи, когда разные грамматические формы одного и того же слова в словаре представлены в разных словарных статьях (например, *Marsjanin, Marsjanie*³⁴).

В качестве объекта исследования мы выбрали именно значимые имена существительные в разговорной речи. Следует отметить, что по сравнению с другими сферами функционирования языка имена существительные в разговорной речи встречаются реже (Земская 2006, 74). Кроме того, в разговорной речи имеются особые некодифицированные словоформы, например, звательная форма в функции обращения (Земская 2006, 76). В анализируемом частотном словаре эти звательные формы, образованные с помощью усечения окончания «а», включены как самостоятельные леммы. Специфическими для разговорной речи способами словообразования имен существительных являются универбация и усечение (Земская 2006, 116). Весьма частотны случаи синтаксической деривации, в особенности образование отглагольных имен существительных (Земская 2006, 120).

Частотный словарь значимой лексики живой устной речи содержит 780 лемм, в том числе 251 существительное. Только часть этих слов относится к табуированным сферам употребления. Мы решили сравнить, какие существительные из этого списка включены в русско-польский словарь общего типа портала *bab.la*, который составляется Интернет-пользователями, и выявить группы существительных, «нежелательных» в общей двуязычной лексикографии. Результаты выборки представлены в таблице 5.

Из 251 слова в русско-польском Интернет-словаре отсутствует 57 (то есть 23%) значимых имен существительных³⁵. Среди имен существительных, отсутствующих в Интернет-словаре, практически нет вульгаризмов. Наоборот, в анализируемом стихийном лексикографическом источнике бранная лексика представлена достаточно широко. Более того, если в частотном словаре современного русского языка матизмы подвергаются эвфемизации (графически выделены многоточием), то в двуязычном словаре, составляемом Интернет-пользователями, наблюдается крайняя детабуизация.

Среди слов, которых в словаре не обнаружено, можно выделить случаи универбации, усечения (*препод*), звательные формы (*юр, люд*), примеры экспрессивного словообразования (*маманя, мамашка*), субстантиваты (*выходной, черная, крестная*), сложнокращенные слова (*медосмотр, пединститут*,

³⁴ *bab.la* (26.10.2018).

³⁵ При анализе учитывалась только фиксация данных существительных и не оценивалась правильность перевода. Несмотря на это, можно отметить, что неверные эквиваленты встречаются достаточно часто, даже в том случае, если за выбор эквивалента голосуют Интернет-пользователи.

Таблица 5

Частотные имена существительные в русской устной речи (Ляшевская и Шаров 2009) и их отражение в Интернет-словаре babla¹

Частотные имена существительные (Ляшевская и Шаров 2009), отраженные в русско-польском словаре babla	Частотные имена существительные (Ляшевская и Шаров 2009), не фиксируемые русско-польским словарем babla
<p>Смех, привет, блин, продавец, мама, маршрутка, универ, чувак, фига, фигня, молодец, реплика, пауза, экзамен, ..уй², хрен, девчонка, эра, кошмар, диск, суббота, папа, бабушка, приветик, плеер, штука, тип, ..лядь, пятница, диктофон, чай, пятерка, прикол, телефон, вторник, ..издец, воскресенье, картошка, тетя, хер, пугач, магазин, бабка, книжка, боулинг, комп, четверка, билет, понедельник, бабуля, свадьба, лен, сессия, зачет, лекция, герменевтика, мамка, пропуск, батарейка, урок, магнитофон, суп, шоколадка, конфета, батон, батончик, салатик, общее, тумба, копейка, борщ, подружка, выпускной, мультик, гриб, рубль, шоколад, роуминг, пакетик, ноль, гречка, килограмм, творог, дача, пидор, заочник, салат, ..лядь, сыр, дедушка, деканат, спасибо, болванка, часик, неделя, мужик, общага, ..уйня, четверг, морозилка, жопа, фотография, варенье, сумка, электрокардиограмма, торт, кардиограмма, кошка, гультен, пацан, стаканчик, конфетка, малина, мороженое, кофта, дырочка, промоутер, стипендия, пончик, сережка, карамель, файл, анекдот, клубника, курс, расписание, лук, анчоус, молоко, микроволновка, ревень, семестр, девушка, гильдия, булка, йод, кофе, сигнализация, купальник, склероз, реферат, кот, шашлык, шок, полтинник, водолазка, кассета, мамаша, редиска, раз, самокат, булочка, холодильник, кулич, половинка, дура, эскимо, придурок, мимоза, пасха, сквородка, ряженка, велосипед, учеба, банан, клип, галька, наркоман, лампочка, погода, произношение, картридж, поликлиника, свидание, пешеход, туалет, жуть, проездной, гриль, соска, чайник, босоножка, рогалик, бунгало, селедка, макароны, интернет, сметана, печенье, говно, огурчик, кетчуп, солянка, листочек³.</p>	<p>Фиг, фотка, выходной, сникерс, препод, аська, люд, гудрон, инет, хрень, конка, штучка, рождение, почтамп, гот, умничка, водичка, пединститут, информант, телик, лазанье, крестная, полкило, стрелочка, херня, языкознание, шейпинг, дурдом, крепдешин, флюорография, супчик, медосмотр, чаек, комбикорм, мобила, кофточка, маманя, светик, полведра, колбаска, мамашка, черная, спецкурс, филфак, тортик, гэ, дэ, тэ, помидорчик, столовка, юр, новоккаин, креатив, сонник, макдональдс, тюль, гжель.</p>

¹ Данные 18.09.2017.² Графическая табуизация как в частотном словаре (Ляшевская и Шаров 2009).³ Порядок по частотности от более частотного к менее частотному.

филфак, спецкурс), сниженную лексику (*хрень, херня*), имена существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*супчик, помидорчик, тортик, чаек*). По нашим наблюдениям, отсутствие данных имен существительных случайно и не связано с какими-либо научными критериями отбора. В качестве подтверждения этих слов отметим, что другие примеры тех же явлений усечения, экспрессивного словообразования, вулгаризации, субстантивации и т.д. В Интернет-словаре представлены достаточно широко (*например, универ, комп, проездной, салатик, бабуля*).

Можно предположить, что в двуязычных словарях общего типа, составляемых Интернет-пользователями (как, например, русско-польский словарь *babla*), «нежелательных» групп лексики и табуированных сфер нет. Почти 80% значимых имен существительных русской разговорной речи представлены в данном словаре, в том числе матизмы. По нашему мнению, это пример крайней детабуизации, косвенным образом указывающий на нужды и предпочтения определенной группы пользователей словарей. Вопрос остается открытым, должна ли традиционная научная лексикография учитывать эти тенденции, рождающиеся в наивной лексикографии.

Подведем итоги. Проблематика фиксации и маркирования эвфемизмов и дисфемизмов в двуязычной славянской лексикографии, несмотря на активные исследования в данной области, до сих пор остается мало изученной. Прежде всего, не упорядочена система помет (хотя попытки были предприняты); не выделены единые критерии для определения объема данной группы лексики в общем словнике; не исследованы предпочтения потенциальных пользователей словарей и не выявлено их отношение к фиксации в лексикографических трудах сниженной лексики. Как иллюстрирует пример портала *babla*, словники Интернет-словарей, составляемые Интернет-пользователями, подтверждают крайнюю детабуизацию и сокращение табуированных сфер.

На примере двуязычного словаря *WSPR* мы показали, что традиционная научная лексикография в Польше выборочно фиксирует сниженную и эмоционально-окрашенную лексику в словарях общего назначения. Более того, в словарях нередко случаи эвфемизации графического рода или эвфемизации при толковании значения слов. Отметим, что специализированные словари эвфемизмов и сниженной лексики в Польше и России начали издавать сравнительно недавно (конец 20 – начало 21 в.).

Не уделяется должного внимания проблеме систематизации помет, указывающих на эвфемизмы и дисфемизмы. Некоторые интересные авторские разработки не стали применяться повсеместно. В специализированных словарях (например, словарях эвфемизмов, матизмов, дисфемизмов, сленга и т. д.) применяется более расширенная система стилистических экспрессивных помет, а в словарях общего назначения, в частности в одно- и двуязычных словарях польского языка, явно прослеживается тенденция к максимальному сокращению стилистических помет.

Глава 2. Сленг как дeтабуизация: лингвокультурный и лексикографический аспекты (К. Бондаренко)

*Slang is the unrestrained side of ourselves. Slang is the pleasure principle. It evokes it in language, lets us get it out there. It has no morals, it has no party, it has no religion, it's just in it for the kicks*³⁶

(J. Green 1986, 13)

Установление и нарушение табу – в обществе и языке как его отображении – процесс динамический, коррелирующий с состоянием общества, культуры и самосознания этноса. Несмотря на разновекторность суждений, оценок и попыток регулирования этого процесса в обществе на уровне государственных институтов, для определенных языковых уровней дeтабуизация является первопричиной существования, основой эпистемологии и перспективой развития. Речь, в первую очередь, о лексическом субстандарте, включающем в себя аргo, жаргоны и сленг как особенный социокультурный феномен, не ограниченный социальной группой и отражающий карнавальный взгляд на мир, цель которого – смеховое очеловечивание мира посредством вербализации, в том числе сфер, традиционно закрытых для обсуждения.

Важно помнить, что в большинстве случаев обществом табуируются не столько фрагменты реальности (сексуальные отношения, телесный «низ», физические или интеллектуальные несоответствия норме и прочее), сколько слова, номинирующие эти фрагменты. Весь лексикон сленга, по сути, – дeтабуизация, озвучивание и описывание непечатного, запретного и подцензурного. Чем сильнее запрет, тем острее возбуждение от его преодоления; сила возбуждения прямо пропорциональна опасности нарушения табу (Ставицька 2008). Именно это и делает сленг таким притягательным для использования с экспрессивной целью и, одновременно, таким неоднозначным для серьезных лингвистических исследований. Исследование сленговой лексики не легитимизирует обценность и нарушение табу, однако отсутствие таких исследований повышает планку языковых запретов и создает идеальные условия для их нарушения.

³⁶ «Сленг – та часть нас, которую не укротить. Принцип его существования – удовольствие. Он ищет его в языке и извлекает из его недр. Для него не существует морали, идеологии, религии. Он – для того, чтоб перевернуть вышеупомянутое вверх дном» [Перевод – К.Б.]

2.1. Сленг как лингвокультурный феномен

Национальный язык неразрывно связан с культурой. Если культура – это то, о чем думает и что создает национальная общность, то язык – это то, как она это описывает. При этом корреляция между языком и культурой не линейна: язык – это искусство (вероятно, самое массовое из существующих), переосмысляющее культуру и облакающее ее в формы, актуальные для современности (Sapir 2004, 185). Язык-искусство как определенная веха развития общества фиксируется в языковой норме: совокупности реализаций языковой системы, принятых обществом на определенном этапе его развития и осознаваемых им как образцовые (Кочерган 1999, 160).

Не вошедшее в языковую норму остается на периферии, в том числе на периферии традиционной лексикографии. Полемике о корреляции нормы и антинормы не одна сотня лет. Аналогию и аномалию как фундаментальные принципы развития языка и наук о языке обсуждали еще стоики Пергама и грамматисты Александрии Египетской. Последние отстаивали главенство аналогий, правил, которые «сеткой» накидываются на живую плоть языка, сдерживая аномалии и неправильности. Для стоиков язык – живая, саморегулирующаяся материя, «неправильности» которой и составляют ее суть (Robins 2013), структурируют ее и обеспечивают возможность адекватного изучения. С определенными оговорками можно констатировать, что подход «аналогистов» стал ключевым в восприятии языка и его исследовании. Семантические, коммуникативные аналогии – это физиология языка, его плоть, обеспечивающая развитие языка как искусства. С прагматической точки зрения наличие свода правил, понимание «физиологии» языка позволяет сохранять взаимопонимание между людьми разных культур и разных поколений. При этом уникальность реакций и проявлений, адаптивность к изменяющимся обстоятельствам – это то, что обеспечивает человечеству динамику и прогресс. В языке адаптивность в первую очередь отражается на его лексическом составе. Проблема взаимоотношений языковой (лексической) нормы с тем, что в нее не входит (социолектов, обценной лексики, сленга и т.п.) на разных этапах развития человеческого общества решалась по-разному. «Изменения языкового вкуса», «расшатывание языковой нормы», «вульгаризация», «коллоквиализация» (Костомаров 1999; Масенко 2004) – термины, которыми лингвисты пытаются описать процесс активизации субстандартной лексики в языке медиа и художественной литературы. Следствием такого подхода предсказуемо становится государственная политика языкового пуризма, регламентирования употребления определенных слов, цензура.

Изучение субстандартной лексики начиналось с составления глоссариев подъязыков различных социальных групп (Partridge 1970; Рябичкина 2009). Основным местом подобных исследований довольно долго оставалась абсолютизация криптолалической функции подъязыка. Несмотря на безусловную необычность и запретную привлекательность «тайноречия», его реальная

функциональность вызывает сомнения: «ворам воровской язык по большому счету не нужен, он их только выдает; воровской язык – это шик, излишество, игра, кураж, то есть следствие избытка энергии» (Лихачёв 1997, 15). Одной из первых попыток комплексного осмысления лексического субстандарта стала преамбула к словарю Ф.Гроуза *A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue* в 1785 году, в которой автор указывал на социостилистическую сниженность лексикона как его онтологическую характеристику (*vulgar tongue*). В то же время автор указывает на неоднородность субстандарта (вульгарного языка), на отличие социолектов от пласта, который отличается сквозной социодемографической дистрибуцией, то есть, не ограничен социальной группой (Partridge 1979). Несмотря на недифференцированность понятий *арго*, *жаргон* и *сленг*, проскальзывающую даже в специализированных лексикографических изданиях (Ставицька 2005), можно констатировать тенденцию к размежеванию социолектов (*арго* и *жаргонов*) и *сленга* (*general slang*) как: «особливий соціостилістичний субваріант ненормативної мови із наскрізною соціодемографічною дистрибуцією, який характеризується: соціопсихологічною мотивацією вживання; соціостилістичною зниженістю повідомлення; домінуванням конотативного компонента над денотативним; неодмінно більш чи менш вираженою експресивно-емотивною та евалюативною семантикою; обмеженою функціональністю; неоднорідністю складу; надлексикалізацією певних сфер³⁷» (Потятиник 2003, 39).

В начале XX века субстандарт начинают рассматривать как элемент культуры, а не просто языковую девиацию: сфера его интересов широка, как сама жизнь. Его изучение может иллюстрировать культурное развитие целого народа, к тому же не только в материальной составляющей цивилизации, а и в прогрессе знания, которое, в свою очередь, изменяет ход мыслей представителей того или иного этноса (McKnight 1969). Однако, эта связь не линейна, скорее преломлена через историю развития общества и готовность к восприятию языковых аномалий. Подходы в сленговедении обусловлены аксиологическим подходом к сленгу как лингвальному феномену: сленг надо изучать, чтобы с ним же бороться, потому что он мешает нормальному функционированию общества, культуры, языка (Елистратов 2000, 45).

При ближайшем рассмотрении категоричность оценок вполне оправдана с обывательской точки зрения. Если рассматривать язык как систему ценностей, то сленг – это то, что ценностью не считается, находится вне этой системы. В подтверждение – негативно-оценочные характеристики: *bad language* (Andersson, Trudgill 1990), *поэтика низкого* (Химик 2000). С гносеологической

³⁷ «<...> особенного социостилистического субварианта ненормативного языка со сквозной социодемографической дистрибуцией, характеризующийся социопсихологической мотивацией использования; социостилистической сниженностью; доминированием коннотативного компонента над денотативным; непременно более или менее выраженной экспрессивно-эмотивной и эвалюативной семантикой, ограниченной функциональностью; неоднородностью состава и чрезмерной лексикализацией определенных сфер» [Перевод – К.Б.]

точки зрения сленг – не аналогия, он – аномалия (подтверждающая, однако, аналогию). С функционально-прагматической точки зрения (если рассматривать язык как «жизнестроительство») – сленг, это то, что размывает основы, «рисуя» условные граффити на стенах мэрии.

XX век характеризуется смещением парадигмы исследований сленга от простой фиксации лексики к попыткам осознания особенностей психологической мотивации людей к его созданию и использованию через анализ тематических полей аргю, жаргонов и сленга. Так, в частности, Ф.Сехрист утверждал, что: словарь сленга – это не просто проявление наивности мировосприятия или желание развлечься. В его основе – прагматичность и здравый смысл, деньги и обеспечиваемые ими удовольствия. Физические дефекты, глупость, идеализм, снисходительность или излишние проявления чувств для подобного мировосприятия неприемлемы. Равно неприемлемы как излишнее совершенство, так и его полное отсутствие (Sechrist 1913, 423).

Проблема сленга – философско-антропологическая, коррелирующая с «языковым вкусом эпохи» (Костомаров 1999) как ракурсом взгляда человека на бытие. Активизация сленга совпадает с нестабильностью в обществе, непорядочностью и избытком энергии антропосферы, когда этнос «бесится» в антропосфере. Пережив период брожения, сленг не исчезает, он просто перестает волновать этнос. Таким образом, сленг – своего рода выброс избыточной энергии биосферы в речь, пассиолалия (Елистратов 2000, 44).

В отличие от лексического стандарта, который олицетворяет официальную культуру, лексический субстандарт – элемент культуры неофициальной, смеховой. Смеховое мироощущение – это «антимир», а не просто противопоставление миру официальному: «Антимир противостоит не просто обычному миру, а миру идеальному, как дьявол противостоит не человеку, а Богу и ангелам» (Лихачёв 1997, 63). В работах культурологов символом смеховой культуры часто выступает карнавал, главный герой которого – смех, убивающий и одновременно возрождающий (Бахтин 2014). «По сути, смех тождественен жизни с ее смертью и рождением. Рождение и смерть имеют равные права, они амбивалентны, смех делает и равными, уравнивая их. Он позволяет видеть одновременно и одно, и другое: в рождении – жизнь, в убийстве – зачатие» (Елистратов 2000, 23).

Амбивалентность смехового мировосприятия отражается, в том числе, и в энантиосемии, поляризации (сем, семем, коннотем) в границах одного языкового знака (Иващенко 2010), явлении практически рудиментарном в современной (стандартной) лексике. Смех «выворачивает наизнанку» ценности, сленг – слова их номинализирующие. Так, например, лексема *повітря*, означающая в украинском сленге ‘деньги’, в лексическом стандарте означает ‘воздух’, имплицитно – отсутствие чего-либо. Налицо амбивалентное отношение к материальным ценностям: с одной стороны они необходимы, как воздух, с другой – недолговечны и изменчивы. Современный субстандарт предоставляет богатый материал для изучения детабуизации. Так, например, возникают

ироничные, иногда шуточные номинации серьезных болезней, например, укр. *щастя* (рус. – счастье) ‘венерическая болезнь’ или *букет Молдавії* ‘венерические заболевания’, *Henry IV* ‘вирус иммунодефицита человека’, *big casino* ‘any sexually transmitted infection’ (тут и далее примеры сленговых лексем из специализированных словарей украинского и английского сленга (Ставицька 2005; Кондрачук 2006; Аyto 2010; Green 2011; Partridge 2002). Показательным в аспекте детабуизации по национальному признаку является развитие эпитетов с прямо противоположными стандарту значениями: *зефір* ‘представник негроїдної раси’, *harvest moon* ‘a black person’.

Амбивалентное отношение человека к объекту познания (Булаховский 1988) – одна из лингвopsихологических причин появления энантиосемии. Особенно активно подобное явления отражено в лексемах, вошедших в сленг из социолектов закрытых групп, например, жаргонов преступников. Логично предположить, что деятельность таких социальных групп связана с риском, опасностью, что активизирует склонность к набожности и вере в сверхъестественное (Бондаренко 2012). Так, например, концепт тюрьмы ассоциативно и семантически связывается с понятиями учебного заведения: *академія* (рус. академия) ‘тюрма, колонія’, *alma mater* ‘a prison where a criminal has served time’.

Семантический перенос в такого рода случаях частично мотивирован схожестью функций объектов: приобретением в них (криминального) опыта. Однако более значимой причиной, на наш взгляд, следует считать особую социopsихологическую позицию носителя языка (склонности к иронии, высмеиванию итп). Сленг – это речь мифологического трикстера, своего рода «трикстеролект», «любой, говорящий на сленге, употребляющий сленг, словно бы уподобляется трикстеру, участвует в условном ритуале чествования трикстера... это именно выплеск избыточной энергии, пассиолалия» (Елистратов 2000, 44). Так, например, стандартное слово *мутант* в сленге переосмысливается как ‘вундеркинд (человек выдающихся интеллектуальных способностей)’, *сирота* (в стандарте – ‘ребенок без родителей’, имплицитно – ‘лишенный средств к существованию’) в сленге означает ‘толстый человек-охранник’. Особый интерес вызывает перенос в обратную сторону, какофемизация бранной лексики: *чорт* / *чортило* (рус. черт) ‘парень, молодой человек’, *devil* ‘a printer’s apprentice or errand boy’. Как в украинском, так и в английском сленге носители не только детабуизируют темные силы, но и сознательно нейтрализуют до рядовой номинации молодого человека в украинском и человека «на побегушках» в английском сленге.

Как отмечалось выше, факты энантиосемии – это рудименты первобытного развития языка (Смирнова 1976). Так, например, в украинском языке слово *журавель* (рус. журавль) в сознании носителей ассоциируется с *журитися* (рус. грустить, печалиться), поэтому до прихода весны по негласному правилу его не употребляли, заменяя на *веселик*, *веселка* с тем же значением, но прямо противоположной внутренней формой (Иващенко 2010, 677). Однако для сленга подобные тенденции довольно характерны, что служит еще одним доводом

для комплексного рассмотрения его в рамках смеховой культуры: «настоящий смех, амбивалентный и универсальный, не отрицает серьезности, а очищает и заполняет ее. Очищает от догматизма, однобокости, от элементов страха или утрашения, от дидактизма, от наивности иллюзий, от глупой одноплановости и однозначности. Смех не дает серьезности застыть и оторваться от незавершенной целостности бытия» (Бахтин 2014, 137).

Эта мысль кореллирует с мнением украинской исследовательницы сленга Ставицкой, обращавшей особое внимание на необходимость исследования особенностей структурирования сленговым лексиконом национальной языковой картины мира. По словам исследовательницы, сленг создает отдельный мир с особенной понятийной сферой, ценностной иерархией (Ставицька 2005, 12).

О перспективах сравнительных исследований неформальных городских подъязыков говорил еще Ларин, утверждавший, что наименее исследованными на лингвистической карте современной Европы оказываются не провинциальные регионы, а большие города, поскольку из всего их языкового богатства предметом исследований становился практически исключительно стандартный лексикон (Ларин 2003, 175). Labov подчеркивал, что лексический субстандарт – это универсальный лингвистический феномен, существующий во всех языках (Labov 1973, 307). По словам Елистратова, субстандарт предоставляет безупречный материал для сопоставительных исследований, демонстрируя, с одной стороны, схожую образность, с другой – специфику национального мышления (Елистратов 2000). Краеугольным камнем контрастивных исследований должна стать система понятий, инвариантная для сравниваемых языков и лингвокультур: *«Без урахування системних зв'язків та ієрархічних відношень на всіх рівнях аналізу (семному, семемному, лексемному, лексико-семантичних груп і лексико-семантичних полів) не може бути адекватного опису лексико-семантичної системи зіставлюваних мов, бо саме значеннєвість мовної одиниці є основною одиницею контрастивних досліджень, а вона (значеннєвість) визнається місцем мовної одиниці у певній системі»³⁸* (Кочерган 1996, 18).

Классическая теория лексико-семантических полей обеспечивает как надежную основу для адекватной фиксации мультязычного массива единиц, так и удобство и логичность для потенциального пользователя словаря. Согласно этой теории лексико-семантическое поле – это совокупность лексических единиц, объединенных общностью смыслов (ядерной, категориальной семьей) и отражающих понятийную, предметную или функциональную схожесть номинированных явлений. Поле – это сложная система, в которую по иерархическому принципу входят микрополя и лексико-семантические

³⁸ «Без учета системных связей и иерархических отношений на всех уровнях анализа (семном, семемном, лексемном, лексико-семантических групп и лексико-семантических полей) адекватное описание лексико-семантических систем сравниваемых языков невозможно. Именно значение языковой единицы является основной единицей контрастивных исследований, а значение определяется местом определенной лексической единицы в системе себе подобных» [Перевод – К.Б.].

группы, содержащие лексические единицы, пребывающие в гиперо-гипонимических или синонимических отношениях (Кочерган 1996; Trier 2013). Объединения полей составляют своеобразную семантическую карту, смыслы в которой (сконцентрированные в лексико-семантических полях) взаимосвязаны, иерархизованы и минимально подвержены влиянию отдельно взятого языка. Психолингвистические исследования доказали, что имена существительные располагаются в лексической памяти (сознании) человека примерно в таком же виде – смысловых иерархий с элементами, находящимися в отношении соподчинения или равнозначности. Глаголы, прилагательные и наречия располагаются иначе: в виде последовательных цепочек или многомерных гиперпространств, имеющих собственную логику построения (Miller 1990).

С учетом вышеназванных факторов структурирование лексикона максимально сообразно принципам хранения лексической информации в человеческом сознании является наиболее релевантным как для целей сопоставительной лексикологии, так и для лексикографических целей.

2.2. Словарь сленга как реконструкция карнавальная картины мира. Ключевые концепты карнавального мировоззрения

Сленг невероятно тематичен, другими словами, это – лексикон синонимов. Сфера его «интересов» – секс, наркотики, грубость, оскорбление, расизм (Coleman & Green 2012). Это подмечено составителями сленговых словарей в разных языках. Результатом переосмысления сущности сленга становятся словари тезаурусного типа, содержащие в себе списки сленговых лексем определенной тематики.

Украинский сленг, к сожалению, пока не представлен в словарях, основывающихся на иных, нежели алфавитный, принципах представления лексики. Определенным шагом в этом направлении следует считать попытки составителя словаря украинского субстандарта Ставицкой в дополнении к традиционному словарю, созданному по традиционной схеме, предоставить ряд семантических групп типа «Человек», «Избиение», «Действия», «Одежда, обувь, аксессуары», «Деньги», «Жилье, быт», «Транспорт», «Еда, пищевые продукты», «Спиртное», «Секс», «Курение», «Наркотики», «Отдых, развлечения», «Эмоции», «Моральность», «Работа», «Милиция», «Животные» (Ставицька 2005).

Отсутствие двуязычных лексикографических изданий, посвященных субстандарту, в значительной мере изолирует украинский сленг, затрудняет его активное использование в лингвистической деятельности. Значительным шагом к восполнению пробела должен стать выход англо-украинского словаря сленга, авторский проект которого представлен в соответствующей публикации

(Бондаренко 2016), а элементы анализа составляющих словаря, в том числе, его макро- и микрокомпозиции, – в настоящей монографии.

В словаре *Slang Thesaurus* Дж. Грин размещает сленговый лексикон в 13 разделах: «Абстрактные понятия», «Пространство», «Материя», «Анимальное (животное) существование», «Личность», «Интеллект», «Коммуникация», «Воля», «Эмоции», «Мораль и религия», «Отношения между людьми», «Человек» (Green 1986). Словарь *The Oxford Dictionary of Slang* предлагает иное структурирование сленгового лексикона: «Тело и его функционирование», «Люди и общество», «Животные», «Продукты питания, алкоголь, наркотики», «Вещи и субстанции», «Деньги, коммерция, профессия», «Поведение», «Отношения и эмоции», «Мысль и коммуникация», «Искусство, развлечения, массовая информация», «Время и течение событий», «Место и движение», «Абстрактные качества и состояния» (Ayto 2010).

Как видим, в основном, пользователи имеют дело с тематическими группами (разделами словарей), ни сопряженных между собой горизонтально, ни подчиненных вертикально. Более того, разная степень обобщения в номенклатуре словарей, служащей своего рода ключевым словом для поиска, может стать преградой для эффективного пользования словарем. Так, к примеру, в вышеупомянутом *The Oxford Dictionary of Slang* в разделе «Время и течение событий» содержатся такие подразделы, как «Время», «Начало», «Задержка и остановка», «Опыт и его отсутствие», «Мода», «Старость», «Погода», «Температура». Сложно представить рядового пользователя, который в попытке найти лексему, означающую новичка в какой-либо сфере, первым делом обратится к рубрике «Время и течение событий». Логичнее предположить, что интуитивно ключевым словом должен стать «человек», затем – «сфера деятельности», затем – «наличие или отсутствие опыта».

В словаре *Slang Thesaurus* иерархия разделов отсутствует, что также затрудняет поиск нужных единиц. Так, например, нелогичным выглядит выделение отдельных разделов «Коммуникация» и «Отношения между людьми»: вероятнее всего, первое является составляющей второго, что не отражено в структуре и наполнении словаря.

Весомым аргументом для отказа от простого перечисления сленговых синонимов под определенными рубриками является критическая рецензия на один из тезаурусов сленга (Lewin and Lewin 1988): «*Each entry, more typical of Roget than Johnson, consists of a headword followed by undifferentiated list of related subwords*»³⁹ (McArthur 1989, 49). Отсутствие дефиниций не дает возможности получить полное представление о специфике использования конкретной лексической, равно как и выделить ее из ряда себе подобных.

Несомненным достоинством признается возможность легкого подбора сленгового синонима лексеме, относящейся к стандарту. Из существующего

³⁹ Каждый раздел словаря, более напоминающий Роже, чем Джонсона, представляет собой заглавное слово, за которым следует ряд, связанных по значению, но не дифференцированных единиц [Перевод – К.Б.].

арсенала лексикографических средств наиболее подходящим оказывается принцип построения идеографических словарей – семантически организованных конструкторов, отражающих родо-видовые отношения между рубриками.

Идеографические словари разных языков мира: английского – Роже, немецкого – Халлига и Вартбурга, испанского – Касареса, русского – Шведовой, украинского – Соколовской (Roget 2008; Hallig, Wartburg 1963; Casares 1992; Шведова 2007; Соколовська 2002) является отражением соответствующих лингвокультур. Угол обзора вербализированной реальности зачастую отличен. Так словарь Роже делит действительность, номинированную английским языком, на 6 групп: 1. «Абстрактные отношения», 2. «Пространство», 3. «Физика», 4. «Материя», 5. «Ощущения», 6. «Интеллект», 7. «Воля», 8. «Чувства» (Roget 2008). По Халлигу и Вартбургу, лексический состав немецкого языка делится на 3 сферы: «Вселенная», «Человек» и «Человек и вселенная» (Hallig, Wartburg 1963). Касарес основополагающим в классификации считает понятие «Бог»; примыкающим – «Вселенную», состоящую из органической и неорганической материи. Человек рассматривается как часть органической материи в таких сферах, как «Индивид» («Человек как живое существо», «Человек как разумное существо», «Человек как действующее существо») и «Общество» (Casares 1992). Исходным пунктом структурирования действительности в концепции *Русского семантического словаря* под редакцией Шведовой является разделение лексики по частеречному принципу, продиктованному самой структурой языка. Лексика – это «Слова указующие», «Слова именующие», «Слова собственно связующие», «Слова собственно квалифицирующие» (Шведова 2007). Именно квалификация Шведовой и послужила основой структуры нашего словаря (Бондаренко 2016). Согласно проекту, будущий англо-украинский словарь сленга основывается на идеографическом принципе с безусловной часторечной соотносительностью лемм и иерархичностью разделов и словарных групп, в том числе, относительно друг друга. Сленговые единицы украинского и английского языка планируется представить в соответствующих идеографических рубриках, что обеспечит отношения семантической эквивалентности (однойязычной в вертикальной проекции и межъязыковой – в горизонтальной). Украинские и английские лексемы планируется сопроводить полными дефинициями на исходном языке, что, с точки зрения автора, значительно расширит число пользователей и позволит безошибочно идентифицировать значение единиц и сделать выбор в пользу наиболее адекватной контексту (Бондаренко 2016).

В процессе анализа существующих идеографических словарей для конструирования оптимальной структуры словаря, мы убедились в том, что, несмотря на разницу в исходном подходе к структурированию лексики, разделение на органический и неорганический мир, абстрактное и материальное в целом совпадают. Это позволяет говорить об универсальности смыслового континуума для всех этносов и, следовательно, о потенциальной возможности использования идеографических схем для сравнения специфики членения действительности представителями разных лингвокультур.

Мультилингвальный тезаурус – это не просто сумма нескольких монолингвальных. В основе многоязычного тезауруса должна быть единая концептуальная структура, предоставляющая интуитивный доступ к равной по объему семантической информации на представленных языках.

Обоснованием структуры словаря сленга является собственно лексикон сленга в английском и украинском языках, зафиксированный в одноязычных толковых словарях в период 2007–2010 гг. Выстраивая иерархию словарных статей, мы исходили из соображений следующего порядка:

1. Основой сравнения языков, как и основой многоязычного семантического словаря, должен стать *tertium comparationis*, равнозначимый для вовлеченных языков. Следует учитывать, что лексическая система активно функционирует и при этом находится в постоянном развитии, в конечном счете, определяемом жизнью ее подсистем и их взаимодействием.
2. Сленг – фрагмент языка, его лексическая составляющая – это естественная, саморегулирующаяся система, конструкт, состоящий из участков разной степени структурированности, открытости для пополнения. Изменения, происходящие в том или ином участке, его утраты и пополнения прямо или косвенно сказываются на структуре и стимулируют происходящие в ней процессы.
3. Сленг – это универсальный феномен смеховой культуры, онтологическая природа которой предопределена, в первую очередь, проявлением в человеке биологического начала, а уже во вторую – социальных факторов. Сленговый лексикон, каким бы экстраординарным по форме он ни казался, обладает достаточно высокой степенью стабильности: его основные семантические классы (по крайней мере, в английском и украинском языках) на протяжении столетий остаются неизменными. Этническая специфика в этом контексте, практически нивелируется, проявляясь, в основном, на определенных «ветвях» таксономии.
4. Корректно выстроенная иерархия, в основе которой – членение, осуществленное самим языком, позволяет достаточно четко фиксировать характер пополнений и утрат, тенденций развития, обусловленных экстралингвистическими факторами. Кроме того, эквидистантная таксономия позволяет обнаруживать лакуны или гиперлексикализацию в сравниваемых языках.

В собственно лексикографическом контексте это означает, что мы имеем дело с семантически равнозначными в двух языках лексическими объединениями, организованными согласно логике отображения действительности в сознании носителей сленга.

Ввиду отсутствия достаточного количества источников релевантной лексической информации (корпусов специфических текстов с репрезентативным количеством субстандартных единиц), основой словаря стали моноязычные лексикографические труды, датируемые периодом с 2003 по 2006 годы. Учитывая, что для составления мультилингвального словаря исходные лексикографические материалы должны были быть сопоставимы по времени, а с 2006

года украинских словарей сленга не выпускалось, было принято решение действовать именно указанные источники (Ставицька 2005; Кондратюк 2006; Ауто 2003; Partridge 2002). Составленный словник не претендует на полноту, поскольку содержит единицы, доступные на указанный момент в письменных источниках и принятые на основе языковой интуиции автора. Предложенная макроструктура словаря и иерархия словарных статей позволят впоследствии расширять словарь, не разрушая логики его построения. С учетом семантического, смыслового, а не формального, алфавитного принципа составления словаря, полисемические единицы словарей доноров были расщеплены на лексемы, и именно эти, отдельные значения (около 60000 английских и 10000 украинских) послужили минимальными единицами представления в словаре, обретя свое место на «семантической карте» сленга (Бондаренко 2016).

В словарную статью были включены собственно вокабула, пометы, толкование. По умолчанию все сленговые единицы считаются передающими насмешливое (разной степени, вплоть до высмеивания, резкого осуждения) отношение к номинируемому объекту, поэтому пометы из словарей-доноров *жарт*. (рус. *шутливо*), *ірон.* (рус. *иронично*) и подобные не переносились. Однако, с учетом того, что в состав сленга входят и обценная лексика стилистические пометы типа *вульг.*, *vulg.* были сохранены. В большинстве случаев толкования были приняты из словарей-доноров без существенных правок. Беря во внимание очевидное владение лингвистами соответствующими языками, дефиниции к украинским лексемам в словаре предлагаются на украинском, к английским – на английском языке. Следует учитывать разницу метаязыков толкования. Так, например, иногда одну сленговая единица толкуется через другую, усложняя таким образом декомпозицию смыслов, например, *ботан 'сором'язливий хлопцець, заучка-відмінник, якого не люблять в класі'* (рус. – *'скромный мальчик (юноша), заучка-отличник, которого недолюбливают в классе'*). Лексема *заучка* является субстандартной, однако при отсутствии полного эквивалента в стандартном украинском была использована в толковании (Ставицька 2005).

Описание плана содержания сленговых единиц осложнено наличием образного, метафорического компонента, не всегда поддающегося семантической декомпозиции. Так, лексема *anorak* означает *'a studious and obsessive hobbyist widely characterized as boring and unfashionable. From the stereotypical wardrobe of certain groups of hobbyists such as trainspotters'* и весь комплекс компонентов значения призван растолковать лексему как номинацию индивидуума, резко отличающегося от окружающих усидчивостью, старанием, отсутствием внимания к внешнему виду, и оттого – резко осуждаемого и высмеиваемого этим обществом. Расположение лексемы в ряду подобных, например, *dag 'a person who is dull and conservative; a person who has no sense of fashion; an uncool or unhip person'* позволяет уточнить значение (в том числе и коннотативное) конститuentов группы.

Как уже отмечалось, минимальной единицей описания стало отдельное лексическое понятие слова. На самом высоком уровне абстракции – понятие

о предмете (именах существительных), признаке (именах прилагательных), состоянии или процессе (глаголов, наречий). Лексическое значение является языковой семантической категорией, материализованной в слове и его формах (Шведова 2007). На основе общих семантических признаков сленговые лексические единицы английского и украинского языков были объединены в рубрики (разделы словаря). С учетом логики отношений между реалиями, номинированными сленговыми лексическими единицами, рубрики представлены в виде древа с ветвями, которые расходятся от вершин к основанию.

Ниже представлен фрагмент словарной таксономии, охватывающий имена существительные, композиты и субстантивные словосочетания украинского и английского сленга. В результате компонентного анализа сленговых лексем украинского и английского языка было выделено три базовые рубрики:

1. *Живое: человек, животное*
2. *Продукты хозяйственной, технической и социальной деятельности человека.*
3. *Абстрактные понятия: явления, ситуации, события.*

Каждая из рубрик – сложная структура подразделов, в которых и содержатся сленговые единицы соответствующей семантики. Ниже представлена таксономия раздела «Живое: человек, животное».

1. Живое: человек, животное
 - 1.1. Тело, организм, их части, продукты жизнедеятельности
 - 1.1.1. Органы жизнедеятельности
 - 1.1.2. Голова, лицо, органы чувств
 - 1.1.3. Части тела
 - 1.1.4. Волосистой покров
 - 1.1.5. Выделения организма
 - 1.1.6. Болезненные, аномальные образования на теле, поврежденные места
 - 1.2. Люди и животные
 - 1.2.1. Люди, совокупность людей
 - 1.2.1.1. Человек
 - 1.2.1.1.1. Общие обозначения
 - 1.2.1.1.2. Человек с определенными признаками: свойствами, состоянием, отношениями, связями, действием, функцией.
 - 1.2.1.1.2.1. Раса, национальность, по отношению к территории, месту проживания
 - 1.2.1.1.2.1.1. Раса, национальная принадлежность
 - 1.2.1.1.2.1.2. Место, местность, территория проживания
 - 1.2.1.1.2.2. Интеллектуальное, интеллектуально-физическое, интеллектуально-эмоционально-физическое состояние, качество
 - 1.2.1.1.2.2.1. Интеллектуально-эмоциональное отношение к чему-либо, восприятие чего-либо или кого-либо
 - 1.2.1.1.2.2.1.1. Религиозное восприятие действительности
 - 1.2.1.1.2.2.1.2. Мировосприятие, круг интересов

- 1.2.1.1.2.2.1.3. Личное отношение, симпатия, стремление к кому-либо, чему-либо
- 1.2.1.1.2.2.2. Прирожденные или приобретенные интеллектуальные, интеллектуально-эмоционально-физические свойства, качества
 - 1.2.1.1.2.2.2.1. Одаренность, способности, ум, талант, их отсутствие
 - 1.2.1.1.2.2.2.2. Знания, умения, мастерство, опыт, их отсутствие
 - 1.2.1.1.2.2.2.3. Свойства натуры, черты характера, поступки, поведение, обусловленные этими свойствами, чертами
 - 1.2.1.1.2.2.2.3.1. Черты характера
 - 1.2.1.1.2.2.2.3.1.1. Трудлюбие, аккуратность, старательность, заботливость, деловитость
 - 1.2.1.1.2.2.2.3.1.2. Покорность, скромность, простота, наивность
 - 1.2.1.1.2.2.2.3.1.3. Непоседливость, живость, веселость, бойкость, озорство
 - 1.2.1.1.2.2.2.3.1.4. Мелочность, надоедливость, привередливость
 - 1.2.1.1.2.2.2.3.1.5. Деспотизм, своеволие, властолюбие, бунтарство
 - 1.2.1.1.2.2.2.3.1.6. Эгоизм, хвастливость, заносчивость
 - 1.2.1.1.2.2.2.3.1.7. Чужачество, легкомыслие, франтовство, манерность
 - 1.2.1.1.2.2.2.3.1.8. Лениность, праздность, тунеядство
 - 1.2.1.1.2.2.2.3.1.9. Развратность, мотовство, беспутство, пьянство
 - 1.2.1.1.2.2.2.3.1.10. Жадность, скарედность, корыстолюбие,
 - 1.2.1.1.2.2.2.3.1.11. Хитрость, беспринципность, лъстивость, ханжество, подозрительность
 - 1.2.1.1.2.2.2.3.1.12. Лживость, доносительство
 - 1.2.1.1.2.2.2.3.1.13. Безволие, покорность, зависимость, робость, ревнивость, трусость
 - 1.2.1.1.2.2.2.3.1.14. Бездушие, жестокость, злобность, злодейство
 - 1.2.1.1.2.2.2.3.1.15. Невоспитанность, неразвитость, грубость, подлость
 - 1.2.1.1.2.2.2.3.2. Особенности речи, манеры, внешние особенности поведения, отношение к еде
 - 1.2.1.1.2.3. Характерное социальное состояние, действие, функция, личные и общественные связи
 - 1.2.1.1.2.3.1. Вхождение в партии, общественные движения, отношение к общественным движениям
 - 1.2.1.1.2.3.1.1. Общественные , политические, идеологические течения, движения
 - 1.2.1.1.2.3.1.2. Молодежные, детские, неформальные организации, течения
 - 1.2.1.1.2.3.2. Место в социальной среде, экономическое, правовое состояние, состояние собственного господства или зависимости, владение собственностью
 - 1.2.1.1.2.3.2.1. Принадлежность к определенным слоям населения, социальное признание, значимость, авторитет, их отсутствие
 - 1.2.1.1.2.3.2.2. Социально-экономическое состояние, отношение к собственности, средствам существования
 - 1.2.1.1.2.3.2.2.1. Владение собственностью, капиталом, их отсутствию

- 1.2.1.1.2.3.2.2. Социальная устроенность или неустроенность
- 1.2.1.1.2.3.2.2.3. Способ приобретения средств существования
- 1.2.1.1.2.3.2.3. Отношение к социально-экономическим, административно-правовым действиям и обусловленное ими состояние
- 1.2.1.1.2.3.2.3.1. Состояние несвободы
- 1.2.1.1.2.3.2.3.2. Противозаконное действие, преступление
- 1.2.1.1.2.3.3. Окаzionale состояние, обусловленное ситуацией, обстоятельствами, событиями
- 1.2.1.1.2.3.3.1. Состояние – результат действия, поступка, отношения кого-либо
- 1.2.1.1.2.3.3.2. Состояние – результат собственного действия, поступка
- 1.2.1.1.2.3.3.3. Состояние – результат владения или невладения удачей, везением
- 1.2.1.1.2.3.3.3. Состояние по отношению к определенному событию, ситуации
- 1.2.1.1.2.3.4. Личные, общественные отношения, связи
- 1.2.1.1.2.3.4.1. Родство, семейное состояние, брак
- 1.2.1.1.2.3.4.2. Неродственные связи
- 1.2.1.1.2.3.4.2.1. Любовные отношения, ухаживание
- 1.2.1.1.2.3.4.2.2. Дружба, вражда, соперничество
- 1.2.1.1.2.4. Профессия, специальность, род занятий, характер деятельности
- 1.2.1.1.2.4.1. Религия, культуры
- 1.2.1.1.2.4.2. Искусство, творчество
- 1.2.1.1.2.4.3. Наука, образование, медицина
- 1.2.1.1.2.4.4. Власть: служебная, официальная деятельность
- 1.2.1.1.2.4.5. Военная, правоохранительная деятельность
- 1.2.1.1.2.4.5.1. Военные категории, чины, звания
- 1.2.1.1.2.4.5.2. Контрольные, консультативные обязанности в правоохранительных органах
- 1.2.1.1.2.4.5.3. Военная обязанность.
- 1.2.1.1.2.4.6. Хозяйственная и экономическая деятельность
- 1.2.1.1.2.4.6.1. Транспорт. Связь.
- 1.2.1.1.2.4.6.2. Предпринимательство. Торговля. Финансы.
- 1.2.1.1.2.4.6.3. Обслуживание хозяйства. Неквалифицированный рабочий труд.
- 1.2.1.1.2.4.7. Спорт
- 1.2.1.1.2.5. Физическое, физиологическое, психическое состояние, свойство, действие
- 1.2.1.1.2.5.1. Пол. Пол и возраст
- 1.2.1.1.2.5.2. Возраст. Возраст в сочетании с другими характеристиками
- 1.2.1.1.2.5.3. Физическое, физиологическое состояние (рост, сила, полнота)
- 1.2.1.1.2.5.4. Половое состояние, отношение к деторождению
- 1.2.1.1.2.5.5. Состояние здоровья, болезни, отношение к жизни и смерти
- 1.2.1.1.2.5.6. Внешний вид, одежда, внешняя привлекательность или непривлекательность
- 1.2.1.1.3. Оценка или обращения к человеку
- 1.2.1.2. Совокупность людей

- 1.2.1.2.1. Специальные и профессиональные сферы
 - 1.2.1.2.1.1. Религии и культуры
 - 1.2.1.2.1.2. Искусство. Литература
 - 1.2.1.2.1.3. Преступные, антисоциальные объединения.
 - 1.2.1.2.2. Неспециальные, непрофессиональные сферы (общность функций, интересов, социального состояния, отношений)
- 1.2.2. Животные

Названия рубрик представлены словосочетаниями, содержащими основные семантические признаки сленговых единиц. В зависимости от значимости фрагмента действительности для смехового мировоззрения рубрики могут быть как довольно разветвленными (в случае с номинациями человека по его интеллектуальному, интеллектуально-физическому, интеллектуально-эмоционально-физическому состоянию, качеству), так и конечными (номинации по профессиональному признаку), представленными почти исключительно лексико-синонимическими рядами.

Наиболее значимой, помимо собственно семантической идентификации единиц, является способность значения к идентификации посредством единицы того же класса. Благодаря этому при грамотном структурировании лексического массива семантические эквиваленты оказываются расположенными в границах одного поля (словарной рубрики).

Таблица 6

Человек с определенными признаками > Физическое, физиологическое, психическое состояние, свойство, действие. >Физическое, физиологическое состояние (рост, сила, полнота). >Полнота. (фрагмент словаря)

Украинский сленг	Английский сленг
Полнота. Общие обозначения	
<i>батон</i> 'дебела, огрядна людина' <i>бомба</i> 'товста людина' <i>бройлер</i> 'товста людина', <i>центнер щастя</i> 'товста людина' <i>жиртрест</i> 'товста людина' <i>кабан</i> 'товста людина' <i>колобок</i> 'товста людина' <i>хряк</i> 'товста людина' <i>худік</i> 'товста людина'	<i>bloater</i> 'a fat person' <i>jelly belly</i> 'a fat person' <i>chubster</i> 'a overweight person' <i>lard-ass; lard-arse</i> 'an overweight person' <i>salad dodger</i> 'a person who is overweight' <i>tub of lard</i> 'a fat person' <i>pie</i> 'a person who is overweight' <i>gutsy /guts</i> 'an overweight or obese person. A nickname and derogatory term of abuse'
Полнота. Другие физические характеристики.	
Полнота. Другие физические характеристики. Пол.	
Полнота. Другие физические характеристики. Пол. Женщина.	
<i>кабуча</i> 'тіліста дівчина, жінка' <i>кобила</i> 'огрядна дівчина або жінка' <i>м'ясо</i> 'повна жінка' <i>тумба</i> 'товста, огрядна жінка' <i>цитадель розміру XXL</i> 'тіліста дівчина'	<i>heffa</i> 'a stocky girl or woman' <i>whopper with cheese</i> 'a fat woman with thrush'

Украинский сленг	Английский сленг
Полнота. Другие физические характеристики. Пол. Мужчина.	
<i>сальцесон</i> 'дуже товстий чоловік'	<i>bitch tits</i> an overweight male
Полнота. Другие физические характеристики. Возраст.	
<i>матрона</i> 'показна жінка середнього віку, переважно тілиста' <i>ватрушка</i> 'повненька дівчина' <i>колода</i> 'неповоротка дівчина; дівчина без фігури, вайлувата'	<i>battle cruiser; battle</i> 'a formidable older woman'
Полнота. Другие физические характеристики. Рост.	
<i>бубир</i> 'товстий і низький чоловік'	<i>pudge</i> 'a short squat person; someone who is overweight'
Полнота. Свойства натуры, черты характера, поступки, поведение, обусловленные этими свойствами, чертами.	
<i>ракушка</i> 'тілиста дівчина зі слабкими розумовими здібностями' <i>бичка</i> 'огрядна дівчина з обмеженими розумовими здібностями, переважно з села'	<i>slob</i> 'a slovenly person; a fat, lazy person; hence, when the characteristics are applied to the intellect: a simple-minded person, or, when applied to the morals, a delinquent'

«Плодами» таксономического древа, причиной и следствием структурирования действительности являются собственно сленговые лексические единицы двух языков, представленные в виде рядов, условно называемых синонимическими. Синонимию в данном случае следует понимать не как полную тождественность, а как отношения непосредственной семантической близости или непосредственной семантической противопоставленности (Шведова 2007). В словарях Word-Net типа подобные ряды называют синсетамы (*synsets*) и они используются для толкования элементов ряда (Miller 1990).

В нашем словаре такой подход является недостаточно эффективным, поскольку, например, в рубрике «Человек с определенными признаками > Физическое, физиологическое, психическое состояние, свойство, действие. > Физическое, физиологическое состояние (рост, сила, полнота). > Полнота» содержатся лексемы, обозначающие людей, физические характеристики которых (полнота) сопряжены с особенностями восприятия их окружающими. Наличие излишнего (с точки зрения обывателя, а не строгой медицинской нормы) веса в данном случае является одним из ключевых семантических признаков, позволяющих объединять данные единицы. Однако толковать одну подобную единицу с помощью другой из данного ряда не представляется возможным, поэтому все лексемы сопровождаются дефинициями, способными дать более конкретное понятие об объекте, отраженным сквозь призму карнавального мировоззрения. Компонентный анализ лексем не всегда позволяет однозначно решить вопрос отнесенности лексемы к той или иной рубрике, поскольку ядерных сем может быть несколько, как в случае с лексемой *chubby* 'an overweight man as a homosexual object of desire', в которой следует учитывать, в том числе, и нетрадиционную сексуальную ориентацию, и фактор привлекательности физической полноты.

Отдельную сложность составляют примеры энантиосемии, с одной стороны характеризующие саму амбивалентную сущность сленга, с другой – представляющие проблему для лексикографической фиксации. Так, например, как украинский, так и английский сленг представлен существительными, категориальной семьей в которых является оценочная. При этом значения, выражаемые этими лексемами, могут варьироваться от абсолютно положительного до резко отрицательного, что, безусловно, должно быть отражено в локализации таких единиц в словаре. Лексема *торба* (рус. – ‘сумка’) может означать ‘1. безвыходная ситуация, крах’ и ‘2. что-то, достойное восхищения’; *кіно* ‘1. смешная, комическая ситуация’ и ‘2. Странная, непредсказуемая и неприятная ситуация’; *endsville* означает ‘1. the best’ и ‘2. the worst’; *mare* ‘1. something good that is hard to believe, a dream’ и ‘2. something undesirable’; *вляпуватись* ‘1. Попасть в неприятную ситуацию’ и ‘2. Влюбляться’; *rush* ‘1. to charge for goods or services, especially to overcharge or cheat’ и ‘2. to be infatuated with someone’; *фраєрнутися* ‘1. Похвастаться, сделать что-то такое, чтоб привлекло внимание или восхищение к субъекту’ и ‘2. Оказаться в неудобном положении (из-за собственной хвастливости)’; *flash* ‘1. to show off’ и ‘2. to commit a social gaffe’. На основании анализа семантики «пограничных» случаев было решено отнести подобные единицы сразу в несколько лексических подмножеств с учетом ближайших синонимических отношений и непосредственных противопоставлений (Бондаренко 2013).

Особого внимания при классифицировании требовали лексические единицы, семантика которых отягощена дополнительными коннотациями, нередко вытесняющими основные семантические компоненты. Часто это случаи тех или иных отклонений от физических или физиологических норм, которые в сознании носителей прямо или опосредованно начинают соотноситься со свойствами натуры, чертами характера. К такого рода случаям можно, к примеру, отнести номинации людей, употребляющих алкоголь в излишних количествах. Принимая во внимание размытость понятия «излишнего», в одном ряду, исходя из дефиниций в словарях, могут оказаться как номинации хронических алкоголиков, так и людей, не являющихся зависимыми, но относящихся к распитию спиртных напитков как к обязательной составляющей досуга: *спиртометр* ‘алкоголик, пьяница’, *lush puppy* ‘a young person who drinks to excess’, *lushwell* ‘a drunkard’.

Ряды близких по значению сленговых единиц, являющимися семантически эквивалентными как в пределах одного языка, так и в сопоставительно с другим, имеют не только прикладное значение для лингвистов, получающие доступ к максимально большому количеству синонимов. Лексемы, объединенные на такой основе, дают доступ к тому, что можно назвать «слайдом» жизни – фрагментом реальной действительности, преломленным сквозь призму смехового (карнавального) мироощущения. По словам Шведовой, в этой связи реальна триада: 1) лексическая система – языковая картина мира, 2) конечное или предконечное подмножество лексического класса – реальное представление некоего участка бытия и 3) синонимический ряд как собственно языковое,

семантическое отношение слов, ближайшим образом связанных друг с другом (Шведова 2007, XI). Обоснованием для выводов лингвокультурного плана послужили работы Карасика, Воркачёва, согласно которым семантическая плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименований, выделение смысловых оттенков является сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта – предмета, процесса или понятия (Карасик 2001; Воркачёв 2001).

Поразительно схожим в украинской и английской карнавальных картинах мира выглядит концепт *дурень* / *a fool*, отраженный в лексемах с соответствующим семантическим компонентом. Как в украинских, так и в английских лексикографических источниках толкования таких лексем часто не дифференцированы: *чурка* ‘идиот, недалекий, умственно отсталый человек’, *гот* ‘*a foolish, awkward person; a simpleton; an idiot*’, *jackass* ‘*a fool, an idiot*’. Истоки этой неоднозначности лежат, на наш взгляд, в размытости компонентов дефиниций (Бусурина 2004; Гусева 2007). Так, украинская стандартная лексема *ідіот* используется в таких значениях: ‘1) человек, болеющий идиотизмом 2) ^{рус.} Дурак, недалекий человек’ (Бусел 2005). Английское стандартное *idiot* означает: ‘1. *a person with severe mental retardation* 2. *a foolish or senseless person*’ (Collins 2004), то есть, совершенно эквивалентно украинскому. При этом в «Random House Dictionary» значения располагаются следующим образом: ‘1) *Informal. An utterly foolish or senseless person.* 2. *Psychology. (no longer in technical use; considered offensive) a person of the lowest order in a former and discarded classification of mental retardation, having a mental age of less than three years old and an intelligence quotient under 25*’ (House 1989). Этимологические словари подтверждают, что значения, связанные со слабостью умственных способностей (обусловленные в том числе и недостаточностью жизненного опыта) возникли первыми: ‘1250–1300; *Middle English* < *Latin idiōta* < *Greek idiotēs private person, layman, person lacking skill or expertise*’ (<http://www.etymonline.com/>).

Слово *дурень*, используемое для толкования украинских сленговых единиц, означает ‘умственно отсталый, недалекий человек’ (Бусел 2005). Английское *fool* полисемично и используется в отношении: ‘1. *a silly or stupid person; a person who lacks judgment or sense.* 2. *a professional jester, formerly kept by a person of royal or noble rank for amusement: the court fool.* 3. *a person who has been tricked or deceived into appearing or acting silly or stupid: to make a fool of someone.* 4. *an ardent enthusiast who cannot resist an opportunity to indulge an enthusiasm.* 5. *a weak-minded or idiotic person*’ (<http://dictionary.reference.com>). Этимология слова связана со старофранцузским *fol* ‘ненормальный человек, негодяй, шут’ (<http://www.etymonline.com>), что позволяет допустить первичность (не)успешности социальных взаимодействий или (не)адекватного поведения над собственно интеллектуальными способностями.

Неоднозначность исходного компонента толкования приводит к избыточной синонимии в дефинициях: *chop* ‘1. *a silly or stupid person; a person who lacks judgment or sense*), *an idiot*; 2. *a weak-minded or idiotic person, a fool, chump*’ 1. *a fool*;

a naive person who is easily duped 2. a person who has been tricked or deceived into appearing or acting silly or stupid' (House 1989). Очевидно проблема не столько в качестве лексикографических источников, сколько в сложности и взаимообусловленности нарушений динамики умственной деятельности (как отклонения от медицинской нормы), маркированной определениями типа 'замедленная реакция', 'умственная отсталость' в украинских и 'mental retardation' в английских словарях, и отклонения от интеллектуальной нормы или нормы выражения эмоций (способности к социальной адаптации) с маркерами типа *дурень, йолоп, fool, dolt*.

С учетом вышеприведенных особенностей лексические единицы с такими толкованиями были отнесены в разделы «Человек с определенными признаками: физическое, физиологическое, психическое состояние, свойство, действие» (рубрика «Состояние здоровья, болезни, отношение к жизни и смерти»); «Человек с определенными признаками: интеллектуальное, интеллектуально-физическое, интеллектуально-эмоционально-физическое состояние, качество» (рубрика «Состояние здоровья, болезни, отношение к жизни и смерти») и «Человек с определенными признаками: характерное социальное состояние, действие, функция, личные и общественные связи» (рубрика «Принадлежность к определенным слоям населения, социальное признание, значимость, авторитет, их отсутствие»).

В рамках первого из упомянутых разделов в числе прочих фиксируются единицы типа *гальмо* 'человек с замедленной реакцией, дурак', *ручник* 'дурак, человек с замедленной реакцией', *клавесин* 'ненормальный человек, дурак'; *dimwit* 'a slow-witted fool', *gooney bird* 'a foolish or dim-witted person'. Семантика таких единиц прямо или опосредованно указывает на нарушения динамики умственной деятельности – лабильность и инертность мышления. У таких больных повышена «реактивность», проявляющаяся в склонности вносить в собственные суждения любые, зачастую случайные раздражители из окружающей среды, разрушающие целенаправленность действий и ассоциаций: *bedbug* 'a person who is somewhere between amusingly eccentric and alarmingly disturbed', *ernie* 'a fool, especially one who does not concentrate'. Инертность мышления характеризуется замедленностью переключения с одного вида деятельности на другой, осложненностью изменения способа выполнения задания: *товстолюбий* 'человек со сниженными умственными способностями, замедленной реакцией', *плуг* 'человек с замедленной реакцией, умственно недоразвитый', *birk* 'a mentally slow person', *bacon bonce* 'a slow-witted person'. Сложность дифференциации состоит в том, что заболевания, характеризующиеся нарушениями умственной деятельности (олигофрения, слабоумие), следует отличать от собственно психических заболеваний типа шизофрении. Хотя за состояние психики в организме отвечает нервная система и мозг как регулирующий орган, больной с клиническими нарушениями психики сохраняет формальные способности интеллекта – память, полученные знания. Частично это отражено в следующих номинациях: лексемы *дебіл, ідіот* чаще номинируют человека с определенными интеллектуальными

недостатками, а псих, шизік – человека, не соответствующего норме в эмоциональном плане.

К следующей группе были отнесены единицы, категориальной семей в которых была не '(не)соответствие медицинской норме', а '(не)соответствие интеллектуальной норме', представленную номинациями типа *каліч* 'дурак', *кацка* 'глупенькая девушка', *альоша* 'дурак', *гумовець* 'тупой человек, дурак', *да-уніто* 'дурак'; *balloon head* 'an empty-headed, dim-witted dolt', *cementhead* 'a stupid person', *suckoo* 'a fool; a crazy person', *dimelow*; *dinelow*; *dinelo* 'a fool, an idiot'. (Не)соответствие интеллектуальной норме оценивается с учетом возраста человека, а соответственно, наличия / отсутствия / недостаточности жизненного опыта. Не случайно коэффициент интеллектуального развития (IQ – англ. intellectual quotient) определяется соотношением умственного возраста к действительному хронологическому возрасту человека, что до определенной степени объясняет специфику коннотаций лексем данной рубрики. Люди младшего возраста невысокого интеллектуального уровня, например, *bimbette* 'a young, mindless, attractive woman', оцениваются менее негативно, чем люди старшего возраста, для которых отсутствие определенного уровня интеллекта безотносительно причин считается большим несоответствием норме: *duffy* 'a doltish old man'.

Как говорилось выше, иногда *дураком* называют человека, имеющего проблемы с адекватной самореализацией в социуме. Эта характеристика, судя по сленговым единицам украинского и английского языков, оценивается наиболее негативно, что подтверждается соответствующими коннотациями, отраженными в виде лексикографических помет '*презрительно*', '*неодобрительно*', '*уничижительно*' в украинских словарях и элементах значений '*annoying*', '*contemptuous*', '*obnoxious*' в английских словарях. Среди единиц такого типа украинские *йо неодобрительно*. '*глупый, упертый человек*', *тундра* *иронично, неодобрительно* '*глупый, бестолковый человек*', *бульо-мульо* *иронично, уничижительно*. '*недалекий человек, часто из села*', *імбецил* *презрительно* '*умственно отсталый человек, дурак*'; *drop-kick* '*a fool, especially an annoying or contemptible fool*', *dub* '*an incompetent and inferior person*', *egg* '*a fool, especially an obnoxious fool*', *fart arse* '*a fool, a useless person. Contemptuous*', *dickface* '*contemptible fool*'.

Как украинский, так и британский лингвосоциумы склонны отождествлять с глупостью такие черты характера, как наивность или смирение: *вівця* *уничиж..* '*недалекая, покорная женщина*', *горніст* '*глупый, наивный человек*', *gink* '*a naive rustic; a dolt*'. Традиционно позитивные (особенно с позиций официального христианства) черты характера оцениваются как недостатки, влияющие на выживание и самореализацию человека в социуме сквозь призму инстинктов, лежащих в основе смехового мировоззрения вообще и сленга как его отражения, в частности (Бондаренко 2012).

Говоря об отражении действительности особым подъязыком, сленгом, следует осознавать «особенность» номинируемой действительности в сравнении с реальностью, вербализированной стандартными лексемами, зафиксированными в соответствующих словарях. Скорее всего речь идет не о разных

«реальностях», поскольку очевидно, что носители не могут постоянно пребывать в состоянии карнавала и видеть мир исключительно из-под шутовской маски. Вероятно, эти две картинки, два мироощущения восполняют друг друга. Сравнение двух «Видений» одного и того же объекта сквозь различные призмы приводит к достаточно ощутимым результатам не только в области лингвистики. Очень показательной, к примеру, является отчетливая диспропорция в номинировании фрагментов действительности, традиционно подпадающих под политику полтикорректности. Речь о номинациях человека по национальному, расовому, гендерному признаку, определенным физическим или физиологическим особенностям их детабуизации сленгом.

Для сравнительного анализа был выбран раздел словаря «Человек с определенными признаками» *Физическое, физиологическое, психическое состояние, свойство, действие*», конкретнее – подразделы «Человек с определенными признаками: физическое, физиологическое, психическое состояние, свойство, действие» *Возраст. Возраст в сочетании с другими характеристиками*); «Человек с определенными признаками: физическое, физиологическое, психическое состояние, свойство, действие» *Физическое, физиологическое состояние (рост, сила, полнота)*»; «Человек с определенными признаками: физическое, физиологическое, психическое состояние, свойство, действие» *Внешний вид, одежда, внешняя привлекательность или непривлекательность*). Для объективности оценки номинализации данных фрагментов действительности смеховой и официальной лингвокультурами была использована статистика подобных контрастивных исследований на материале стандартной лексики (Бондаренко 2005).

По данным общих словарей английского и украинского языков (Random 2018; Бусел 2005) микрополе «Человек с определенными признаками: физическое, физиологическое, психическое состояние, свойство, действие» *Возраст. Возраст в сочетании с другими характеристиками*) представлено такими единицами, как *стара панна* ‘старая дева, немолодая, незамужняя женщина’, *старий сич* ‘о старом человеке, ведущем отшельнический образ жизни’; *beldam* ‘an old woman, especially an ugly one; hag’. Что касается субстандарта, то как в украинских, так и в английских словарях содержится практически в два раза большее количество соответствующих единиц типа: *пацанка* ‘хулиганистая девушка-подросток’, *ильоцик* ‘непослушный мальчик’; *Essex girl* ‘used as a stereotype for jokes, an Essex girl is brash, vulgar, trashy, sexually available, deeply unintelligent and, allegedly, from Essex’, *boot* ‘a woman, especially an unattractive woman’.

Еще более разительная диспропорция наблюдается в микрополе «Человек с определенными признаками: физическое, физиологическое, психическое состояние, свойство, действие» *Физическое, физиологическое состояние (рост, сила, полнота)*. Стандарт представлен такими единицами, как: *доробало* ‘о неповоротливом, толстом человеке, преимущественно мужчине’, *цибань* ‘длинноногий мужчина’, *видра* ‘о слишком худощавой женщине’, *пампушечка* ‘толстая, пышнотелая женщина или ребенок’; *carl* ‘a strong, robust fellow, especially a strong

manual laborer, *Tom Thumb* 'an extremely small person', *virago* 'woman of strength or spirit', *ladykin* 'a little lady'. Сленг номинирует этот фрагмент жизни в два раза активнее: *шафа* 'крепкий, мускулистый человек (двохдверна / трьохдверна шафа – в сложном слове количество дверей указывает на степень тучности)', *кіндер-сюрприз* 'толстый лысый мужчина', *параліч* 'очень худой человек', *кабуча* 'девушка «в теле», *тюлька* 'высокая, без выраженных женских форм девушка', *salad dodger* 'an overweight person', *beef to the heels* 'a muscular male', *skinny malink* 'a very thin person, especially a woman', *BBW* 'a fat woman. An abbreviation of 'big, beautiful woman'.

Микрополе «Человек с определенными признаками: физическое, физиологическое, психическое состояние, свойство, действие > Внешний вид, одежда, внешняя привлекательность или непривлекательность» представлено украинскими стандартными лексемами типа *жовтяк* 'о худом, обессилевшем, большом мужчине, имеющем жёлтый цвет лица', *кряля* 'красивая женщина'; английскими лексемами типа *Valentino* 'good-looking romantic man', *crow* 'an ugly woman'. В сленге количество лексем с соответствующим семным составом практически в два раза больше: *хусточка* 'красивая девушка', *чума* 'некрасивая женщина или девушка', *мен* 'красивый, представительный мужчина', *красава / красавела / красанета* 'нижон, фронт, стилияга'; *bobfoc* 'a girl with a beautiful body but an ugly face', *clotheshorse* 'a man who pays a great deal of attention to fashions and the clothing they wear', *scampi* 'a very attractive man', *fancy Dan* 'an elegant, conceited man'.

Как видно, несмотря на взятие курса на полтиткорректность в Украине (так, например, 19.12.2017 был принят закон N 2249-VIII «Об основах социальной защиты», в котором, в числе прочего, запрещается использование термина «инвалид» по отношению к людям с физическими недостатками) и устоявшиеся традиции в Великобритании, количество «неполиткорректных» единиц как в украинском, так и в английском языках довольно значительно. Совершенно очевидно, что сленг, как неконтролируемая языковая стихия, демонстрирует реальное отношение к указанным фрагментам действительности, детабуизируя их. Как говорилось выше, сленг, как фрагмент смеховой культуры, сконцентрирован на «отклонениях» от нормы. Отметим, что понятие нормы в данном случае значительно уже нормы в медицинском или социальном понятии. Резко осуждаемым, поднимаемым на смех (и соответственно активно номинированным) является то, что хоть немного отличается от среднестатистического портрета жителя региона, потенциально способного «размыть» уникальность общности, глобализировать ее.

Принадлежность к женскому полу для смехового мироощущения тоже является определенной девиацией. По всей видимости, это связано с тем, что мужчины более склонны к субстандартизации своей речи. Женщины более консервативны, что позволяет им сохранять и передавать традиции, в том числе, и языковые, сохраняющие взаимопонимание разных поколений. И если саму субстандартизацию речи уже нельзя считать гендерно обусловленной, то «производство» лексем, вероятно, остается сугубо мужской прерогативой. Это отражено в собственно семантике лексем соответствующих лексико-семантических

полей. Так, например, общее количество украинских и английских лексем, обозначающих особей женского пола, примерно на треть больше. Сквозь призму первобытного смехового мироощущения наибольшей ценностью для женщины, по всей видимости, является физиология (отсутствие более или менее значимых девиаций, способных повлиять на репродукцию биологического вида). Это, кстати, подтверждается и результатами сопоставительного анализа других лексических групп. Так, например, в подрубрике «*Прирожденные или приобретенные интеллектуальные, интеллектуально-эмоционально-физические свойства, качества*», содержащей наименования человека по признаку одаренности, наличия таланта, ума, знаний, умений, мастерства, опыта, количество номинаций женщин ничтожно. Вероятно, наличие интеллектуальных способностей, авторитета, высокого социального статуса для женщин является не только несущественным, но и часто нежелательным, о чем часто свидетельствуют и негативные коннотации лексем с соответствующим семантическим значением.

Возвращаясь к вопросу о политкорректности, можем констатировать, что последняя вступает в конфликт с человеческой психологией в любом лингвосоциуме. Языком, как отдельно взятым человеческим существом, несмотря на культурные традиции (исторически обусловленные или насаждаемые искусственно), движут в первую очередь инстинкты самосохранения и самовоспроизводства. Поэтому возникновение и функционирование «неполиткорректных» лексем, обозначающих людей с физическими недостатками или просто отклонениями от нормы в бытовом, наивном ее понимании, является неизбежным. Искусственное табуирование указанных фрагментов действительности, выведение соответствующих номинаций за пределы реламентированного дискурса (в том числе и масс-медиа), на наш взгляд, не способно существенно повлиять на восприятие социумом таких явлений и изменить отношение к ним.

Как отмечалось выше, сленг – это фрагмент смеховой культуры, культуры карнавала (Бахтин 2014; Лихачёв 1997; Елистратов 1995; Химик 2000; Ставицька 2005). По Бахтину, краеугольным камнем этой культуры является досуг во всех его проявлениях: пьянстве, развлечениях. Этот фрагмент действительности в культурологии часто называют симпозием (от греческого *symposion*: *syn* вместе + *posis* распитие).

В украинском и британском лексическом стандарте указанный фрагмент действительности представлен довольно незначительным количеством номинаций (Караванський 1995; <http://thesaurus.reference.com>). В сленге картина иная: номинации алкогольных напитков, людей, которые употребляют их в излишнем количестве, процессов распития и последствий пьянства представлены в виде длинных синонимических рядов.

Наибольшее количество сленговых лексем с ядерной семьей ‘*распитие алкогольных напитков*’ содержат следующие рубрики словаря: «*Алкогольные напитки*» (раздел «*Продукты хозяйственной, технической и социальной деятельности человека*»); «*Свойства натуры, черты характера, поступки,*

поведение, обусловленные этими свойствами, чертами» (раздел «Человек с определенными признаками: с прирожденными или приобретенными интеллектуальными, интеллектуально-эмоционально-физическими свойствами, качествами»); «Поведение, поступки, не соотносящиеся с конкретной чертой характера» (раздел «Абстрактные понятия: явления, ситуации, события»).

Рубрика «Алкогольные напитки» представлена лексическими группами «Напитки и их компоненты» и «Количество алкогольных напитков». Первая группа представлена 110 украинскими и 43 английскими единицами типа *катанка* 'дешевое вино низкого качества', *ряжанка* 'водка', *гнуво* 'пиво', *смага* 'самогон', *велосипед* 'коктейль "пиво+ водка"; *buvare* 'anything drinkable', *tart fuel* 'bottled alcopop (branded alcoholic beverage with the characteristics of a soft drink) or other alcoholic drinks deemed to be for feminine consumption. A fashionable drink amongst young women who will, when inebriated, it is suggested/hoped by the coiner of this term, relax their moral standards and behave promiscuously', *fizz* 'any sparkling wine', *pimple and wart* 'port (wine)'.

Преобладающее количество украинских сленговых единиц, по всей видимости, отражает традиции национальной симпозиции и обусловлено рядом факторов. В первую очередь, национальными традициями угощения: умирал или рождался человек, заглядывал уважаемый гость, отдавали дочку замуж или женили сына – во всех этих случаях не обходилось без спиртного (Скуратівський 2006). Дополнительным фактором, повлиявшим на избыточную лексикализацию данного фрагмента действительности следует считать социально-экономические условия 90-х годов, негативно повлиявшие на уровень материального достатка жителей и переход на «бартерную» систему отношений: «*Без горілки важко було обійтися і у будні – зорав присадибну ділянку, привіз з лісу дрова чи заколов кабанця, або ж починив сусід старий тин – без могорича не обійтися....*⁴⁰» (Скуратівський 2006, 27). Предмет «бартера» часто изготавливался самостоятельно, вследствие чего практически треть номинаций данной группы – алкоголь, изготовленный в домашних условиях.

В отличие от сленга стандартные названия алкогольных напитков – это зачастую номенклатурные названия разновидностей алкоголя: *горілка*, *шампанське*, *liquor*, *wine*, реже – евфемизмы типа *ледащиця*, *живиця*, *зелений змії*, *скляний бог*; *oil*, *cocktail*, *spirits*. С достаточной долей вероятности можно утверждать, что последние в прошлом были сленгизмами, о чем свидетельствует, например, сосуществование современной сленговой лексемы *молоко від скаженої корови* в значении 'самогон' (Ставицька 2005) со стандартной лексемой с тем же значением *скажене молоко* (Скуратівський 1995).

Рубрика «Количество алкогольных напитков» также неравномерно представлена украинским и английским материалом. В украинском сленге это лексемы типа *стограм* 'сто граммов спиртного', *монографія* 'бутылка водки, гусак

⁴⁰ «Без водки было сложно обойтись и в будни: вспахали участок возле дома, привезли из лесу дрова или закололи кабанчика, починил сосед покосившийся забор – без могорыча (угощения алкогольным напитком: прим. наше – К.Б.) не обойтись» [Перевод – К.Б.].

'трехлитровая банка водки'; в английском – *gun-shot 'a single measure of chilled After Shock™ cinnamon or peppermint liqueur imbibed through a straw in a single action'*. Подтверждением значимости симпозиции для украинской лингвокультуры выступает, в частности, и тот факт, что соответствующие сленгизмы становятся названиями марок алкогольных напитков: «*П'ять крапель*», «*Сотка*».

Рубрика «Человек с определенными признаками» Склонность к пьянству» содержит примерно одинаковое (23 та 21 соответственно) количество лексем типа: *бухарик, чомошник, хронидло, бормотолог* 'алкоголик, пьяница'; *alky, booz-er 'a drinker of alcohol; a habitual drinker; an alcoholic', piss artist 'a heavy drinker'*. Несмотря на то, что лексический стандарт тоже представлен рядом единиц со схожей семантикой: *пияка, п'яниця, пиворіз, заливаха, брагун, не-минай-корчма*; англ. *drunkard, drunk, rummy, inebriate*, их количество по меньшей мере в два раза меньше, чем в сленге.

Весьма показательными в аспекте национальной специфичности симпозиции являются наблюдения известной украинской журналистки и писательницы Светланы Пыркало: «*В Україні за п'ятику звільняють, тут це не хвороба, а аморалка. Це на Заході алкоголізм вважається хворобою, і вас не те що звільнити не мають права, а пошлють до реабілітаційного центру. Тут же, якщо не можеш бухати як мужик, «як всі», якщо «не вмієш пити», іди на фіг⁴¹*» (Пиркало 2007, 200).

По словам В.С. Елистратова, процесс «симпозиции» уже давно вынесен за границы цивилизованного общения, на Западе этот процесс строго регламентирован по времени и месту (Елистратов 1995). Вероятно поэтому полных эквивалентов украинским лексемам *горніст* 'тот, кто пьет спиртное с горлышка бутылки' или *операція "кришталь"* 'сдача пустых бутылок в приемный пункт стеклотары, обычно после неумеренного распития алкогольных напитков накануне', скорее всего, не найдется. Как уже отмечалось, любой украинский праздник, начиная со свадьбы, заканчивая получением зарплаты, сопровождается употреблением спиртного, отсюда и соответствующие номинации: *ставити браму* 'наливать рюмку каждому, кто приезжает на свадьбу и проходит через ворота', *бутильок 'шахтер накануне отпуска, норму за которого выполняет бригада, которую он угощает спиртным (бутылем водки)'*.

Украинская (шире – славянская симпозиция), в отличии от британской, не ограничена временем и местом:

Коротка подорож від Лондона до Полтави: спершу о другій годині дня в літаку масово починають напиватися твої співвітчизники та співвітчизниці – фарбовані блондинки з візерунками на нігтях. Потім – засилля біль-бордів з рекламою бухла по дорозі від Борисполя до Києва. Потім ти зустрічаєш друзів і йдеш до ресторану – де

⁴¹ «В Украине за пьянство увольняют, тут это не болезнь, а аморалка. Это на Западе алкоголизм считают болезнью, и вас не то, что уволить не имеют права, а пошлют в реабилитационный центр. Тут же, если не можешь бухать как мужик, «как все», иди на фиг» [Перевод – К.Б.].

ти пиячиши скільки в тебе влізе, бо ресторан працюватиме до останнього клієнта. Цей останній клієнт не борщ з галушками замовляє, звичайно. Сівши на денний потяг Київ–Полтава, ти проводиєш поглядом перон вокзалу з усіма ханурами та кіосками з пивом – твою увагу привертає якийсь витончений ханурик: у нього склянка вина. У потязі, відійшовши замовити чаю, ти виявляєш, що на твоєму місці сидить і читає твій глянцеви́й журнал п'яненський, хоч і неагресивний, мужчина. Окидаєш оком вагон: таких третина. У решти чоловіків середнього віку – червоні прожилки на носі та вилицях⁴² (Пиркало 2007, 198).

Поведение во время симпозиции отражено в рубрике «*Поведение, поступки, не соотносящиеся с конкретной чертой характера*» и представлено лексемами типа *опохмелятор* 'прием алкогольных напитков с целью снятия алкогольно-абстинентного синдрома', *автопілот* 'способность контролировать себя в состоянии алкогольного опьянения', *танго навприсядки* 'танцы пьяной пары'; *liquid lunch* 'drinking, especially at midday', *submarine* 'an afterhours drinking session in a Rugby club'. В украинском и английском стандарте лексем с подобной семантикой не фиксируется.

Контрастивный анализ подразделов словаря сленга и сравнение данных с материалом словарей стандарта позволяет выделить особенности номинализации определенных фрагментов действительности, которые «не замечаются», игнорируются официальной культурой. При этом избыточность семантических рядов (в большей степени – украинских, в меньшей – английских) свидетельствует об их значимости в сознании носителей языков.

2.3. Смеховая культура: универсальные и национально специфичные черты

Самым уязвимым аспектом лексикографической работы является, безусловно, релевантность и актуальность фактического материала. Это особенно критично в отношении сленга, живого языкового нерва, «*який є навдивовижу*

⁴² «Короткое путешествие: из Лондона в Полтаву: вначале в два часа дня в самолете начинают массово пить твои соотечественники и соотечественницы – крашенные блондинки с узорами на ногтях. Потом – засилие бордов с рекламой бухла по дороге из Борисполя в Киев. Потом ты встречаешь друзей и идешь в ресторан – где ты пьешь, сколько в тебя влезет, поскольку ресторан работает до последнего клиента. И этот последний клиент не борщ с галушками заказывает, конечно. Сев на дневной поезд Киев – Полтава, ты провожаешь взглядом перрон вокзала со всеми его ханурами и киосками с пивом. Твое внимание привлекает какой-то утонченный ханурик: у него стакан вина. В поезде, отойдя заказать чаю, ты обнаруживаешь, что на твоём месте сидит и читает твой глянцеви́й журнал п'яненський, хоть и неагресивний мужчина. Окидываешь взглядом вагон: таких треть. У остальных мужчин среднего возраста – красные прожилки на носу и на висках» [Перевод – К.Б.].

геніальним індикатором людського буття, настільки тонко і точно розкриває найдрібніші нюанси нашого переживання світу, його сприйняття та передачі. Мова матеріалізує глибинні структури нашого мислення, тому кожне нервово запалення в мовному тілі, як і в людському організмі, свідчить про внутрішні негаразди, посилає сигнал про активну внутрішню протидію або попереджує про небезпеку⁴³» (Кондратюк 2006, 5). Фиксация импульсов этого нерва в динамике – само по себе вызов, а постоянная апробация уже зафиксированного материала – насущная необходимость. Полевые исследования, в том числе, и материала масс медиа, в этой связи особо значимы. Особенно показательным является лингвистический материал ситкомов и его адаптация для разных лингвокультур.

Ситком (*комедия ситуаций*, от англ. sitcom – situation comedy) – это комедийный телевизионный сериал с постоянными основными персонажами, связанными общей историей, местом действия и, как правило, сюжетом, который имеет логичную развязку каждой серии (эпизода). Основной акцент – на комичной стороне повседневной жизни, бытовых проблемах и семейных делах (Newcomb 2014). Как видно, сюжет ситкомов, как элемента смеховой культуры, сконцентрирован на тех же тематиках, что и сленг. Комическое возникает вследствие совмещения двух модусов – реального и нереального, двух взаимоисключающих ассоциативных контекстов во время восприятия комических текстов (Attardo 1994; Raskin 2012).

В качестве материала для исследования универсальной карнавальной природы ситкомов и национальной специфики, проявляющейся при переводе сериалов был выбран ситком “Misfits” (в украинском прокате «Покидьки»), в центре сюжета которого – группа юных правонарушителей, отбывающих наказание. Натана, Келли, Саймона, Алишу и Кёртиса поражает молния, и они обретают сверхспособности – так, буквально с первых минут фильма происходит столкновения реального и нереального модусов. Перед нами персонажи, один из которых оживляет картинки, второй – доводит своих противников до бешенства, третий – манипулирует собственной половой принадлежностью, четвертый – воспринимает жизнь как видеоигру, пятый – подчиняет людей своей воле. По словам критиков, в фильме очень правдиво отражены стереотипы о современных подростках: чавы в спортивных костюмах, компьютерные гики – их речь грязна, существование – бесцельно, и, обладая сверхспособностями, они вовсе не горят желанием спасти мир.

Количество сленговых единиц в сериале весьма значительно (271 случаев в 6 проанализированных эпизодах). Как уже отмечалось, сленг – лингвистическое средство высвобождения карнавального смеха (Елистратов 1995).

⁴³ «являющегося гениальным индикатором человеческого существования, тонко и точно раскрывающего самые незначительные нюансы восприятия мира. Язык материализует глубинные структуры мышления, поэтому каждое нервное воспаление в языковом теле, как и в человеческом организме, свидетельствует о внутренних проблемах, посылает сигнал о внутреннем противодействии или предупреждает об опасности» [Перевод – К.Б.].

Онтологически сленг обусловлен желанием индивида выделиться «инаковостью» или юмором-гротеском. Карнавальное мировоззрение – это осмеяние и низложение доминирующей системы ценностей, языковое восстание против официальной иерархичности и ограничений (Бахтин 2014). Все эти факторы и лежат в основе сленгизации сериала.

Анализ стереотипного лингвистического поведения человека – ключ к его оценке как личности (Culpeper 2014). Наиболее активной в субстандартизации речи является Келли, персонаж, являющийся буквально олицетворением вызова обществу. Келли – типичная подросток- «чав» из рабочей семьи, характеризующаяся грубым поведением, особой манерой одеваться (обычно в спортивную одежду), ярким макияжем.

Келли артикулирует слова особым образом, однако и лексические средства, выбираемые для общения, весьма специфичны и дополнительно характеризуют персонажа:

Kelly: Get your hands off me you prick!

Келли: Лани свої від мене прибери, виродок!

Kelly: I'm so sick of seeing scum like you?

Келли: Та мене нудить від таких виродків, як ти!

Как видно, две различные сленговые лексемы *prick* и *scum* на украинском были переданы как *виродок*. Это отнюдь не свидетельствует о недостаточном количестве эквивалентов в украинском сленге, что подтверждается, в частности, вариативностью в переводе: лексема *shut up* передается в переводе как *закрийся, завались, заткнись, заглохни, закрой хавало; bastard* – как *дебіл, виродок, вилупок, засранець, гівнюк, козел; wanker* – как *ідіот, придурок, козел, задрот*. Причины вариативности, на наш взгляд, в том, что кроме собственно лингвистической составляющей, переводчику аудиовизуального продукта следует учитывать и другие параметры: длину реплики, время, отведенное для нее на экране, а использование синонимичных вариантов позволяет обеспечить и эти требования без семантических и стилистических потерь.

Функция сленгизмов в *Misfits* – не только портретирование персонажей. Субстандартные лексемы описывают собственно мир сериала, сконцентрированного на традиционных для смеховой картины мира ценностях. Так, большинство из зафиксированных лексем описывают человеческую физиологию, эмоции и социальную реализацию.

Наиболее часто встречающимися являются номинации женщин легкого поведения или (чаще) такие, в которых сема 'легкодоступность, склонность к промискуитету' имплицитна: *slag, whore, slut, slutfuck, tart*. Названия частей тела – это преимущественно выделительные или репродуктивные органы: *pussy, bollocks, dick, dickhead, tits, ass*. Номинации человека – в основном, оценочные названия резко уничижительного характера: *bastard, wanker, mental case, prick,*

homeless, freak, scum, cunt, headcase, touchy, bitch, dog, badass, jezza, joker, screw-ups, arse-kisser, chick, knob, nuts, butch.

Что касается собственно перевода, то в первую очередь следует отметить, что 70% англо-украинских соответствий являются семантически эквивалентными. В 30% случаев соответствие отсутствует или заменяется культурным эквивалентом. Наиболее характерным случаем лингвокультурной трансформации является концепт *chav*, отраженный в образе Келли.

Концепт *chav* (в нашем случае *chavette*) – это комплекс социальных, физических и интеллектуальных характеристик. У *chavette* обычно обесцвеченные гидроперитом волосы, донельзя туго собранные в хвост разноцветными резинками, и серьги-кольца; она носит темно-синий спортивный костюм с белыми лампасами, огромный пуховик и белые кроссовки. Чавы – выходцы из рабочих семей, их речь полна обценнизмами и неправильна с грамматической точки зрения (например: “*What I don’t know nothing about*”).

При переводе на украинский лингвисты столкнулись с целым рядом проблем: отсутствием культурного концепта *chav*, лингвистическим портретом героини (фонетическими особенностями речи, набором лексических средств). Проблема была решена комплексно: был предложен культурный эквивалент, близкий и понятный украинскому зрителю как на визуальном, так и на лингвистическом уровне.

В украинском языке полный эквивалент лексемы *chav* отсутствует. Гипотетическая транслитерация, традиционно применимая при переводе реалий, затруднила бы восприятие из-за специфической фонетической формы (ассоциация со словом *чавкати* ‘есть, издавая громкие, неприятные звуки’) и невозможности адекватного спряжения. С учетом этого переводчики передавали номинацию лексемами, ядерными семами в которых выступали ‘отсутствие хороших манер’, ‘вульгарность’, ‘низкий интеллектуальный уровень’, ‘легкодоступность’, ‘склонность к промискуитету’, ‘принадлежность к низшим социальным слоям’:

She’s such a chav.

Вона така лохівня.

Oh my God I’m thinking about shagging a chav.

О Боже, я хочу натягнути цю шмару

Дефиниции и синонимические ряды, в которых фиксируются использованные переводчиком лексемы, свидетельствуют о грамотном подборе соответствий: лексемы *лохівня* и *лоховка* – производные от *лох* ‘недалекий человек, часто из провинции’; *шмара* – ‘1) женщина легкого поведения; проститутка; 2) Девушка, женщина’; *бидло* – ‘человек низкой духовной культуры, плохо воспитанный’ (Ставицька 2005; Кондратюк 2006). Естественно, что в таких случаях речь о полной семантической эквивалентности не шла, однако частично эти утраты были компенсированы другими средствами.

В украинской лингвокультуре также существует концепт недалекого человека, выходца из провинции, характеризующегося грубыми манерами, отсутствием вкуса в одежде, часто жадностью или излишней наивностью, доходящей до глупости. В стандарте соответствующие номинации отсутствуют, в сленге же – это *жлоб*, *лох* и их производные. Языковой характеристикой этой категории можно считать суржик – смесь русского и украинского языков, на котором разговаривает преимущественно урбанизованный двуязычный рабочий класс малообразованных выходцев из сел (Bilaniuk 2004). Решение вложить суржик в уста Келли, на наш взгляд, совершенно верное, поскольку производит тот же эффект на украинских зрителей, что и *chavspk* (язык чавов) на британскую аудиторию:

Kelly: What makes you think you are better than us?

Nathan: What is that accent?

Kurtis: Is that for real?

Kelly: What, are you trying to say something.

Nathan: That's just a noise. Are we supposed to be able to understand her?

Келли: А ти чо думаєш краще за другіх?

Натан: Що це за мова?

Кертис: Ти це серйозно?

Келли: Хочеш щота сказати – гаварі.

Натан: Це... це просто шум. Як ми маємо її розуміти?

Анализ использования и перевода сленговых единиц в ситкомах, в целом, подтверждает данные лексикографической работы. Распределение сленговых лексем в тексте ситкома и в идеографическом словаре сленга, в-общем, соотносимо: в обоих случаях номинализируются фрагменты действительности, связанные с физиологией, социальными интеракциями. Отсутствие сколь угодно серьезных проблем с подбором украинских семантических эквивалентов исходным английским означает достаточный уровень развития украинского лексического субстандарта. Наличие культурных соответствий – свидетельство универсальности восприятия социальных, физических или интеллектуальных девиаций и схожие тенденции номинирования их сленгом в обеих лингвокультурах

Сленг как языковой феномен является одним из наиболее значимых фрагментов карнавального мировоззрения. Сформированная карнавальная картина мира – свидетельство социальной общности, нивелирующей статусные различия. Равенство карнавала – это, с одной стороны – воспроизводство свободы, творчество и инициативность, с другой – выход ассоциальных желаний, снятие напряженности, обеспечивающие стабильность социальных норм. Семантическое картирование сленга позволяет реконструировать карнавальное мировоззрение, четко выделяя ценностные приоритеты, равно как и абсолютно нерелевантные для него фрагменты бытия. Сопоставительный анализ сленговых

лексиконов, осуществляемый на основе идеографической классификации лексических массивов, позволяет выделить алломорфные и изоморфные характеристики, обусловленные, с одной стороны, универсальностью человеческой природы, с другой – ее преломлением сквозь призму национальной культуры.

Глава 3. «Недетские» проблемы перевода: табу и детабуизация в семейном праве и детской мультипликации

3.1. Табуизация в юридическом языке (С. Гась)

Неоднократно подчеркивалось, что проблематика табу является междисциплинарной. Все чаще в работах современных лингвистов наблюдается уход от традиционной узкой трактовки термина *табу* как языкового, или словесного, явления к более широкой *коммуникативное табу*. Если языковое табу – это запрет на употребление определенных слов и выражений в определенной социальной группе или обществе в целом (ср. Dąbrowska i Pasięka 2009, 243; а также Leszczyński 1988, Walczak 1988), то коммуникативным табу является «коммуникативная традиция избегать определенных языковых выражений или затрагивания определенных тем общения в тех или иных коммуникативных ситуациях» (Стернин 2000, 13). Таким образом, понятие *коммуникативное табу* шире и включает в себя словесное табу. В данной главе под табу мы будем подразумевать именно коммуникативное табу, а под детабуизацией – снятие или нарушение ограничений в употреблении определенных слов и затрагивания тем.

Табу всегда культурно и ситуативно обусловлено (Кашкин и Смоленцева 2005) и имеет выраженную «жанровую специфику» (Тульнова 2010, 176). В связи с этим юридическому языку⁴⁴ как языку для специальных целей также присущи процессы табуизации и детабуизации. В юридическом языке табу на лексическом уровне, например, проявляется в запрете на употребление вульгаризмов (Zieliński 2010, 186) и в использовании эвфемизмов наряду с прямыми наименованиями.

3.1.1. Эвфемизмы в языке нормативных актов как проявление табу

Теоретики права неоднократно отмечали, что юридическому языку присуща эвфемия (Zieliński 1999). Считается, что эвфемизмы в нормативных актах – это проявление общезыкового табу (Zieliński 2010, 186). В качестве примеров Зелински приводит следующие термины: *zabór cudzego mienia w celu przywłaszczenia* ('хищение чужого имущества'), *kara pozbawienia wolności* ('наказание в виде лишения свободы'), *współżycie* ('половые отношения', букв. 'сожитительство') и др.,

⁴⁴ В данной главе рассмотрим лишь язык нормативных документов. Подробнее о разграничении терминов *юридический язык, язык закона, язык юристов* и др. В трудах польских и российских исследователей (Wróblewski 1948, Zieliński 1999, Gizbert-Studnicki 1972, Hałas 1995, Lizisowa 2016, Голев 2003).

которые относятся к общезыковым табуированным сферам (Zieliński 2010, 186). Для юристов факт наличия в нормативных актах эвфемизмов означает, что при интерпретации «*znaczenia eufemistycznego poszczególnych zwrotów nie wolno z góry odrzucać*⁴⁵» (Zieliński 2010, 186). Однако, как показали последующие исследования, ученые переоценили масштаб данного явления в языке нормативных актов. Более того, если рассматривать эвфемизмы как синонимы, употребляемые вместо прямых наименований табуированных сфер, можно рискнуть предположить, что эвфемия нежелательна в текстах нормативных актов, которым свойственна однозначность терминов. И несмотря на эту «нежелательность», законодатель нередко стремится к смягчению некоторых формулировок, заменяя их синонимичными однословными эвфемизмами или эвфемистическими перифразами.

Частотность появления эвфемизмов в нормативных актах напрямую зависит от отрасли права. Так, Лесьник на примере польского языка доказывает, что эвфемизмы встречаются чаще в Уголовном кодексе, чем в Семейном кодексе (Leśnik 2011). По ее мнению, так на лексическом уровне находит свое отражение основной принцип уголовного судопроизводства современного общества – презумпции невиновности (Leśnik 2011, 123). В свою очередь, Гортых-Михаляк видит причину большей частотности эвфемистических выражений в Уголовном кодексе в «дискомфортной природе уголовного права» (Gortych-Michalak 2017, 170). Мы же разделяем точку зрения Матулевской, связывающей асимметрию в употреблении эвфемизмов в разных типах нормативных актов с табуизацией определенных сфер (Matulewska 2017). Несомненно, в языке нормативных документов затрагиваются традиционно табуированные в обществе темы, которые запрещаются на законодательном уровне, а противоправные действия наказываются в соответствии с законом. Именно поэтому в актах уголовного права лексика табуированных сфер встречается чаще:

Legal texts are burdened with a significant number of terms that belong to that category. A wide variety of euphemisms may be found in criminal law, especially, names of sexual crimes. There are not so many of them in civil law mostly due to the fact that the matters regulated by that specific branch of law rarely may be considered taboo (Matulewska 2017, 101)⁴⁶.

Табуизация в языке всегда связана с экстралингвистическими факторами: изменениями в обществе, динамикой норм поведения его членов, особенностями

⁴⁵ «<...> не следует заранее отбрасывать эвфемистическое значение определенных выражений» [Перевод – С.Г.] (Zieliński 2010, 186).

⁴⁶ «Правовые тексты содержат значительное количество терминов, относящихся к данной категории. Большое разнообразие эвфемизмов можно найти в текстах уголовного права, особенно, наименования преступлений в половой сфере. Незначительное количество эвфемизмов функционирует в гражданском праве, главным образом в связи с тем, что отношения, регулируемые этой специфической отраслью права, редко относятся к табуированной сфере» [Перевод – С.Г.] (Matulewska 2017, 101).

культуры данного общества. Если новые виды табу появляются очень медленно, то процессы детабуизации, или сужения границ нетабуированных сфер, в начале 21 века весьма активны (Dąbrowska 2008). Законодатель, регулируя общественные отношения, вынужден реагировать на изменения в этих отношениях. Например, могут появляться новые законодательные термины, призванные заменить некоторые выражения, дискриминирующие определенную группу людей. Нередко эти термины являются результатом общественных дискуссий:

It seems that this process is linked to a growing social awareness on one hand and to political correctness and striving to use neutral (inclusive) language that does not discriminate against particular groups on the other. It should be remarked that changes of this type are often accompanied by a social discussion in which various attitudes towards the pejorative or discriminating character of particular words or its absence, in both legal and general language, are voiced (Nowak-Michalska 2017, 108)⁴⁷.

Частотность употребления эвфемизмов в текстах нормативных актов разных языков может существенно отличаться. Так, в греческом языке гражданского права эвфемизмы встречаются намного реже, чем в польском языке гражданского права (Gortych-Michalak 2017, 177). В свою очередь, в тексте Гражданского кодекса Республики Польша эвфемизмы, касающиеся табуированных тем «Рождение» и «Смерть», употребляются чаще, чем в Гражданском кодексе Венгрии (Kaczmarek 2017, 80)⁴⁸.

3.1.2. Табуизация в российском и польском кодексах семейного права

В настоящее время одной из сфер, где активизируются как процессы табуизации, так и детабуизации, является сфера «Семья»⁴⁹. Новые модели семьи, от-

⁴⁷ «Как нам кажется, этот процесс связан, с одной стороны, с повышением информированности общества, а с другой стороны, с политкорректностью и тенденцией использовать нейтральный (инклюзивный) язык, не дискриминирующий определенную группу лиц по отношению к другой. Следует подчеркнуть, что изменения в данной сфере всегда сопровождаются общественными дискуссиями, в которых затрагиваются разные взгляды на наличие или отсутствие пейоративной или дискриминирующей окраски того или иного слова в юридическом или общелитературном языке» [Перевод – С.Г.] (Nowak-Michalska 2017, 108).

⁴⁸ Разницу в частотности употребления эвфемизмов в польских и венгерских нормативных актах исследователь объясняет следующим образом: «One of the reason may be that Hungarian codes were created in the last few years, and the authors aimed to formulate them taking into consideration communicational needs of recipients» (Kaczmarek 2017, 82). «Одной из причин является то, что венгерские кодексы были созданы несколько лет назад, поэтому составители стремились сформулировать текст, учитывая коммуникативные нужды адресата» [Перевод – С.Г.]. Не следует связывать данную причину с общими тенденциями детабуизации и вульгаризации языка. Дисфемизмы не свойственны юридическому языку. Более того, если в нормативном акте составитель текста использует многозначное слово, одно из значений которого имеет дисфемистическую окраску, юрист не должен принимать во внимание это значение (Zieliński 2010, 186).

⁴⁹ Динамику изменений табу анализирует Домбровска. Несмотря на то, что польская исследовательница не выделяет тему «Семья, отношения внутри семьи» как отдельную сферу табуизации, однако

ношения между членами семьи постепенно перестают быть табуированы⁵⁰. Во внутреннем законодательстве различных государств по-разному отражаются эти изменения в моделях семейных отношений. В связи с деликатностью темы в нормативных актах нередки случаи эвфемизации. Гортых-Михаляк в качестве примеров приводит юридические термины *ustalenie pochodzenia dziecka* ('установление происхождения ребенка') и *ustalenie ojcowstwa* ('установление отцовства'), которые по сравнению с общелитературным словосочетанием *uznanie dziecka* ('признание ребенка') имеют эвфемистическую окраску (Gortych-Michalak 2017, 174–175). Эффект смягчения исследователь объясняет тем, что вышеуказанные юридические термины не сформулированы *ad personam* (Gortych-Michalak 2017, 176).

Развитие медицины, кроме возможности родить ребенка тем людям, которые по медицинским показаниям ранее не могли стать родителями, привело и к активному обсуждению в обществе данных вопросов и соответственно к деатабуизации традиционно табуированных сфер «беременность» и «роды». Более того, достижения современной медицины требуют соответствующего правового урегулирования. Законодатель вынужден в какой-то степени реагировать на новые изменения в системе общественных отношений, в том числе на изменения в традиционно табуированных сферах. На лексическом уровне это проявляется в употреблении терминов: собственно прямых наименований и эвфемизмов – в текстах нормативных актов.

Выявленная в разделе 3.1. асимметрия в частотности и особенностях употребления эвфемизмов в нормативных актах в разных языках является в определенной степени вызовом для переводчиков и лексикографов. Особую трудность составляет поиск наиболее полного эквивалента. Одним из эффективных методов определения эквивалентов для лексических единиц юридического языка является метод сравнения параллельных или сопоставимых текстов. В юридической лингвистике *параллельные тексты* в узком понимании – это текст на исходном языке и его официальный перевод (например, *Венская конвенция о дипломатических сношениях* на русском языке и ее перевод на польский язык) или тексты нормативных документов, создаваемые одновременно на двух или более языках (Šarčević 2000). В широком смысле под термином *параллельные тексты* понимаются тексты, принадлежащие одному и тому же жанру (Neubert 1996). В научной литературе все чаще в качестве синонима термина *параллельные тексты sensu largo* используется термин *comparable texts* (пол. *teksty porównywalne*), который еще не получил должного распространения в российской лингвистике⁵¹. В данном исследовании мы остановим свой выбор на варианте термина *сопоставимые тексты*.

рассматривает эту категорию в рамках других сфер (Dąbrowska 2008, 191–193). Процесс деатабуизации как результат глобализации рассматривает Тульнова (Тульнова 2010).

⁵⁰ Ср. деатабуизация категории «Внебрачные дети» (Dąbrowska 2008, 191–193).

⁵¹ В российской лингвистике встречаются четыре варианта данного термина: *сопоставимый корпус*, *сопоставительный корпус*, *сравнимый корпус*, *сравниваемый корпус* (Мельник 2015, Добровольский 2015).

Для целей нашей монографии мы решили проанализировать табуизацию и детабуизацию в двух сопоставимых текстах: *Kodeks rodzinny i opiekuńczy RP* (далее: КРО) и *Семейный кодекс Российской Федерации* (далее: СК). Данные тексты относятся к одному и тому же жанру, касаются схожих отраслей права, поэтому могут стать основой для сопоставления выбранных терминов с целью выявления лексических соответствий, а также определения частотности эвфемии. Что немаловажно, и СК, и КРО совпадают по временным рамкам: при анализе мы выбрали варианты кодексов с изменениями и дополнениями 2018 года.

Анализ подтверждает выводы Лесьник о том, что в правовых нормативных актах эвфемизмы встречаются крайне редко (Leśnik 2011, 123). Однако если рассматривать явление табу в рамках коммуникативного поведения, то не только наличие собственно системных эвфемизмов, но и отсутствие/наличие в нормативных актах прямых наименований, перифразы, гиперонимы и аббревиатуры могут свидетельствовать об активных процессах табуизации и детабуизации в юридическом языке.

3.1.2.1. Наименования членов семьи

Избранные термины поля «Семья» в КРО и СК РФ, а также частотность их употребления представлены в Таблице 7 *Лексемы поля «Семья» в КРО и СК и их частотность словоупотребления*.

Таблица 7

Лексемы поля «Семья»¹ в КРО и СК и их частотность словоупотребления

Лексемы в КРО (в порядке возрастания)	Количество словоформ в КРО	Лексемы в СК (в порядке возрастания)	Количество словоформ в СК
<i>Dziecko</i> (,ребенок'), w tym <i>pochodzenie dziecka</i> (,происхождение ребенка')	322, w tym 3	Ребенок	729
<i>Małżonek</i> (,супруг'), w tym <i>małżonek rozwiedziony</i> (,разведенный супруг')	237, w tym 7	Родители	314
<i>Rodzic</i> (,родитель')	152 (чаще во множественном числе)	Супруг	265
<i>Małżeństwo</i> (,брак, супружество')	116	Брак	241
<i>Matka</i> (,мать'), w tym <i>matka dziecka</i> (,мать ребенка')	85, w tym 6	Мать	29

Лексемы в KRO (в порядке возрастания)	Количество словоформ в KRO	Лексемы в СК (в порядке возрастания)	Количество словоформ в СК
<i>Ojcostwo</i> (,отцовство'), w tym 1) <i>uznanie ojcostwa</i> (,признание отцовства'), 2) <i>zaprzeczenie ojcostwa</i> (,отрицание отцовства'), 3) <i>ustalenie ojcostwa</i> (,установление отцовства')	72, w tym 1) 30, 2) 13, 3) 6	Отцовство	26
<i>Ojciec</i> (,отец'), w tym <i>ojciec dziecka</i> (,отец ребенка')	30, w tym 10	Отец	25
<i>Mężczyzna</i> (,мужчина')	30	Брат	15
<i>Mąż</i> (,муж'), w tym <i>mąż matki</i> (,муж матери')	26, w tym 15	Сестра	14
<i>Kobieta</i> (,женщина')	19	Материнство	12
<i>Macierzyństwo</i> (,материнство'), w tym 1) <i>zaprzeczenie macierzyństwa</i> (,отрицание материнства'), 2) <i>ustalenie macierzyństwa</i> (,установление материнства'), 3) <i>uznanie macierzyństwa</i> (,признание материнства')	17, w tym 1) 7, 2) 5, 3) 0	Бабушка	9
<i>Rodzeństwo</i> (,братья и сестры')	16	Дедушка	9
<i>Dawca 'np.komórki'</i> (,донор, например, клетки')	3	Женщина	7
<i>Żona</i> (,жена'), w tym <i>żona ojca</i> (,жена отца')	3, w tym 2	Мачеха	5
<i>Zarodek</i> (,эмбрион')	1	Отчим	5
<i>Brat</i> (,брат')	1	Падчерица	5
<i>Dziadkowie</i> (,бабушка и дедушка')	1	Пасынок	5
<i>Siostra</i> (,сестра')	1	Мужчина	4
-	-	Жена	4
-	-	Эмбрион	4
-	-	Муж	2

¹ Здесь данное лексико-семантическое поле мы понимаем широко, поэтому включаем, например, лексемы *мужчина*, *женщина*, употребляемые в кодексах семейного права в контексте правового регулирования семейных отношений и родительских прав.

Как видим из таблицы, частотность употребления лексем в СК и КРО отличается существенным образом. Высокочастотные в польском кодексе лексемы *dziecko* (‘ребенок’ в значении ‘ребенок родителей’), *małżonek* (‘супруг’), *rodzic* (‘родитель’), *małżeństwo* (‘брак, супружество’) и среднечастотные имена существительные *matka* (‘мать’), *ojcostwo* (‘отцовство’), *ojciec* (‘отец’), *mężczyzna* (‘мужчина’), *kobieta* (‘женщина’), *macierzyństwo* (‘материнство’) отражают традиционную модель семьи с ролями *муж – отец, жена – мать, ребенок*. Для наименования внебрачных отношений и урегулирования происхождения детей, рожденных вне брака, а также рожденных благодаря достижениям современной медицины, польский законодатель применяет следующие термины: (1) *pochodzenie dziecka* (‘происхождение ребенка’), (2) *uznanie/zaprzeczenie/ustalenie ojcostwa* (‘признание/отрицание/установление отцовства’), (3) *zaprzeczenie/ustalenie macierzyństwa* (‘отрицание/установление материнства’), *dawstwo partnerskie* (‘партнерское донорство’), *dawca komórki rozrodczej* (‘донор репродуктивной клетки’), *zarodek* (‘эмбрион’). По мнению Гортых-Михалаяк, терминосочетания (1), (2), (3) являются примером эвфемизмов, которые призваны смягчить окраску, избегая при этом личностного аспекта (Gortych-Michalak 2017, 174–175). Если даже согласиться с аргументами исследователя, то следует подчеркнуть, что в польском кодексе прежде всего более частотны термины *ad personam* (*matka dziecka* ‘мать ребенка’, *żona ojca* ‘жена отца’, *ojciec dziecka* ‘отец ребенка’). В анализируемом тексте нами не зафиксированы термины, обозначающие собственно внебрачные отношения. Кроме того, нами не обнаружены такие общелитературные слова, как *konkubent* (‘сожитель’) и *zdrada małżeńska* (‘супружеская измена’), что также можно отнести к проявлению табуизации. Вместо этого польский законодатель использует эвфемистический глагол *obcować* (‘иметь отношения’, подразумевается ‘иметь половые отношения’):

Art. 85. § 1. Domniemywa się, że ojcem dziecka jest ten, kto obcował z matką dziecka nie dawniej niż w trzechsetnym, a nie później niż w sto osiemdziesiątym pierwszym dniu przed urodzeniem się dziecka<...>

§ 2. Okoliczność, że matka w tym okresie obcowała także z innym mężczyzną, może być podstawą do obalenia domniemania tylko wtedy, gdy z okoliczności wynika, że ojcostwo innego mężczyzny jest bardziej prawdopodobne (KRO RP).

В кодексе Российской Федерации к высокочастотным лексемам анализируемого поля относится четыре имени существительных: *ребенок, родители, супруг/супруги, брак* – которые также соответствуют культурно обусловленной модели семьи, но без указания на гендерные различия в ролях (то есть *мать, отец, дочь, сын*).

В Семейном Кодексе Российской Федерации, кроме таких наименований членов семьи, как *муж, жена, отец, мать, бабушка, дедушка, брат, сестра*, польские эквиваленты которых также появляются в польском кодексе КРО,

зафиксированы такие лексемы как *мачеха*, *отчим*, *пасынок*, *падчерица*, лексических соответствий которых нет в польском тексте KRO. По нашему мнению, это пример прямых наименований, которые могут в определенном контексте обретать негативную окраску. Несмотря на это, российский законодатель использует вышеуказанные имена существительные:

Статья 97. Обязанности пасынков и падчериц по содержанию отчима и мачехи

1. Нетрудоспособные нуждающиеся в помощи отчим и мачеха, воспитывавшие и содержавшие своих пасынков или падчериц, имеют право требовать в судебном порядке предоставления содержания от трудоспособных совершеннолетних пасынков или падчериц, обладающих необходимыми для этого средствами, если они не могут получить содержание от своих совершеннолетних трудоспособных детей или от супругов (бывших супругов).
2. Суд вправе освободить пасынков и падчериц от обязанностей содержать отчима или мачеху, если последние воспитывали и содержали их менее пяти лет, а также если они выполняли свои обязанности по воспитанию или содержанию пасынков и падчериц ненадлежащим образом (СК Российской Федерации).

В кодексе семейного права Республики Польша (KRO) вместо прямых наименований *pasierb* ('пасынок'), *pasierbica* ('падчерица'), *machocha* ('мачеха'), *ojczym* ('отчим'), имеющих культурно обусловленную отрицательную коннотацию (ср. фольклорные мотивы), употребляются эвфемистические перифразы *żona ojca dziecka, niebędąca matką dziecka* ('жена отца ребенка, не являющаяся матерью ребенка') и *mąż matki dziecka, niebędący jego ojcem* ('муж матери ребенка, не являющийся его отцом'):

Art. 144. § 1. Dziecko może żądać świadczeń alimentacyjnych od męża swojej matki, niebędącego jego ojcem, jeżeli odpowiada to zasadom współżycia społecznego. Takie samo uprawnienie przysługuje dziecku w stosunku do żony swego ojca, niebędącej jego matką.

§ 2. Mąż matki dziecka, niebędący jego ojcem, może żądać od dziecka świadczeń alimentacyjnych, jeżeli przyczyniał się do wychowania i utrzymania dziecka, a żądanie jego odpowiada zasadom współżycia społecznego. Takie samo uprawnienie przysługuje żonie ojca dziecka, niebędącej matką dziecka.

§ 3. Do obowiązku świadczeń przewidzianego w poprzedzających paragrafach stosuje się odpowiednio przepisy o obowiązku alimentacyjnym między krewnymi⁵² (KRO RP).

⁵² В связи с тем, что отсутствует официальный перевод кодекса семейного права Республики Польша, мы будем цитировать фрагменты на польском языке без перевода на русский язык.

Хочется напомнить, что перифраза является одним из средств образования эвфемизмов (см. Глава 1), к которому часто обращаются составители текстов нормативных актов (Gortych-Michalak 2017). Как нам кажется, употребление эвфемистических выражений в польском тексте является примером проявления табу «из деликатности» (Ullmann 1962).

3.1.2.2. Беременность и рождение ребенка

Беременность и рождение ребенка, с одной стороны, традиционно относятся к табуированным сферам (Dąbrowska 1993, Szymczak-Rozlach 2014). Так, в различных традиционных культурах существовала система запретов по отношению к беременной женщине и роженице (Геннеп 1999). В современном обществе, особенно в средствах массовой информации, прослеживается тенденция сужения границ табуизации: такие темы, как *аборт*, *внебрачный ребенок*, *беременность* и *роды*, – все чаще встречаются на страницах журналов и газет (Dąbrowska 2008, 192).

Как российский, так польский законодатель не избегают тем, связанных с беременностью, родами и медицинскими репродуктивными технологиями, законодательно регулируя данные вопросы. На лексическом уровне это находит отражение в единичных употреблениях прямых наименований (пример 1 и 2), а также эвфемизмов (пример 3).

Пример 1

Жена в период беременности

Статья 89. Обязанности супругов по взаимному содержанию 1. Супруги обязаны материально поддерживать друг друга. 2. В случае отказа от такой поддержки и отсутствия соглашения между супругами об уплате алиментов право требовать предоставления алиментов в судебном порядке от другого супруга, обладающего необходимыми для этого средствами, имеют: нетрудоспособный нуждающийся супруг; жена в период беременности и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка <...> (СК РФ)

Беременность жены/матери

Статья 17. Ограничение права на предъявление мужем требования о расторжении брака

Муж не имеет права без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка (СК РФ).

Статья 48 <...>

При наличии обстоятельств, дающих основания предполагать, что подача совместного заявления об установлении отцовства может

оказаться после рождения ребенка невозможной или затруднительной, родители будущего ребенка, не состоящие между собой в браке, вправе подать такое заявление в орган записи актов гражданского состояния во время беременности матери (СК РФ).

Пример 2

zajść w ciążę ('забеременеть')

§ 4. Jeżeli kobieta zaszła w ciążę, jej mąż nie może żądać unieważnienia małżeństwa z powodu braku przepisanego wieku (KRO RP).

ciąża ('беременность'), *poród* ('роды')

Art. 141. § 1. Ojciec niebędący mężem matki obowiązany jest przyczynić się w rozmiarze odpowiadającym okolicznościom do pokrycia wydatków związanych z ciążą i porodem oraz kosztów trzymiesięcznego utrzymania matki w okresie porodu (KRO RP).

Пример 3

Dziecko poczęte ('зачатый ребенок'), *dziecko już poczęte* ('уже зачатый ребенок'), *dziecko poczęte, lecz nieurodzone* ('зачатый, но еще не родившийся ребенок')

Art. 75. § 1. Można uznać ojcostwo przed urodzeniem się dziecka już poczętego <...> (KRO RP).

Art. 182. Dla dziecka poczętego, lecz jeszcze nieurodzonego, ustanawia się kuratora, jeżeli jest to potrzebne do strzeżenia przyszłych praw dziecka. Kuratela ustaje z chwilą urodzenia się dziecka (KRO RP).

По мнению Качмарек, польское слово *poczęty*, активно используемое в гражданском праве Республики Польша, является архаизмом и выполняет функции эвфемизма (Kaczmarek 2017, 69).

Отдельную группу составляют лексемы, относящиеся к лексико-семантическому полю «Медицинские репродуктивные технологии»⁵³. Прежде всего, следует отметить несовпадение терминов данного поля в польском и российском кодексах. Так, в Семейном кодексе РФ нами зафиксированы такие термины как: *метод искусственного оплодотворения, имплантация эмбриона*⁵⁴, *импланта-*

⁵³ Лексемы лексико-семантической группы «Медицинские репродуктивные технологии» Dąbrowska (2008) относит к табуированной сфере «Сексуальная жизнь», которая в настоящее время претерпевает активную детабуизацию (Dąbrowska 2008, 21).

⁵⁴ Лица, состоящие в браке и давшие свое согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, в случае рождения у них ребенка в результате применения этих методов записываются его родителями в книге записей рождений <...> (СК РФ).

ция эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, суррогатная мать⁵⁵. Лексических соответствий в польском кодексе нами не обнаружено.

Российский законодатель, регулируя в правовом отношении вопросы, связанные с развитием медицинских репродуктивных технологий, использует медицинские термины иноязычного происхождения, которые, с одной стороны, позволяют смягчить формулировку (ср. Крысин 1994), а с другой, добиться однозначности трактовки.

Польский законодатель также употребляет медицинские термины, например, *komórki rozrodcze* ('репродуктивные клетки'), *medycznie wspomagana prokreacja* ('вспомогательная репродукция'), *zarodek* ('эмбрион'), но кроме этого, прибегает к перифразам, косвенно свидетельствующим о табуированности данной темы (например, *przeniesieniem do organizmu kobiety komórek rozrodczych pochodzących od anonimowego dawcy* (букв. 'перенесение в организм женщины репродуктивных клеток от анонимного донора')):

Art. 751. § 1. Uznanie ojcostwa następuje z dniem urodzenia się dziecka także wtedy, gdy przed przeniesieniem do organizmu kobiety komórek rozrodczych pochodzących od anonimowego dawcy albo zarodka powstałego z komórek rozrodczych pochodzących od anonimowego dawcy albo z dawstwa zarodka mężczyzna oświadczy przed kierownikiem urzędu stanu cywilnego, że będzie ojcem dziecka, które urodzi się w następstwie procedury medycznie wspomaganej prokreacji z zastosowaniem tych komórek albo tego zarodka, a kobieta ta potwierdzi jednocześnie albo w ciągu trzech miesięcy od dnia oświadczenia mężczyzny, że ojcem dziecka będzie ten mężczyzna. § 2. Oświadczenia są skuteczne, jeżeli dziecko urodziło się w następstwie procedury medycznie wspomaganej prokreacji, o której mowa w § 1, w ciągu dwóch lat od dnia złożenia oświadczenia przez mężczyznę (KRO RP).

3.1.2.3. Болезни

Следующей традиционно табуированной сферой являются заболевания. Табуирование болезней – это пример культурного и коммуникативного табу, вызванного прежде всего страхом, а также желанием уйти от неприятного разговора (Dąbrowska 1993, 84). Табуирование таких болезней как *алкоголизм, наркомания, ВИЧ, СПИД, психические расстройства* особенно активно в личном общении, однако в средствах массовой информации перестает быть запретной темой (Dąbrowska 2008, 19).

В анализируемых кодексах семейного права зафиксированы наименования некоторых болезней, причем в российском Семейном кодексе список более

⁵⁵ Лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери) (СК РФ).

подробный. Возможно, что лаконичность польского законодателя также связана с культурно обусловленной табуизацией данной сферы.

В КРО Республики Польша нами обнаружены только три словосочетания лексико-семантической группы «Болезни», а именно: *choroba psychiczna* ('психическое заболевание'), *zaburzenie psychiczne* ('психическое расстройство'), *niedorozwój umysłowy* ('слабоумие')⁵⁶. Первые два словосочетания – это гиперонимы по отношению к конкретным психическим болезням и заболеваниям, при этом польский законодатель ограничивает круг психических заболеваний до тех, которые являются препятствием для заключения брака и угрозой для здоровья будущих детей (Art. 12). Третье словосочетание – *niedorozwój umysłowy* – это термин, традиционно используемый в гражданском праве Республики Польша. Префиксация как способ образования имени существительного *niedorozwój* указывает на эвфемистическую окраску слова, однако в современном польском языке данное словосочетание начинает приобретать негативную коннотацию и выражение воспринимается как дискриминирующее определенную группу людей (Zima-Parjaszewska).

В Семейном кодексе Российской Федерации также употребляются лексемы, называющие различные заболевания, освобождающие в правовом аспекте от обязанности содержать супруга, являющиеся препятствием для заключения брака или усыновления детей или считающиеся основанием для институционального расторжения брака: *хронический алкоголизм*, *хроническая наркомания*⁵⁷, *венерическая болезнь*, *ВИЧ-инфекция*⁵⁸, *психическое расстройство*⁵⁹, *хроническое заболевание*⁶⁰. Хочется повторить, что вышеуказанные словосочетания относятся к табуированной сфере, поэтому уже сами формулировки подвергаются эвфемизации⁶¹ (например, аббревиатура, гиперонимы). Более того, в российском кодексе используется эвфемистическая перифраза, синонимичная словам *алкоголизм*, *наркомания*, – *злоупотребление спиртными напитками*, *злоупотребление наркотическими средствами*.

⁵⁶ Art. 12. § 1. Nie może zawrzeć małżeństwa osoba dotknięta chorobą psychiczną albo niedorozwojem umysłowym. Jeżeli jednak stan zdrowia lub umysłu takiej osoby nie zagraża małżeństwu ani zdrowiu przyszłego potomstwa i jeżeli osoba ta nie została ubezwłasnowolniona całkowicie, sąd może jej zezwolić na zawarcie małżeństwa. § 2. Unieważnienia małżeństwa z powodu choroby psychicznej albo niedorozwoju umysłowego jednego z małżonków może żądać każdy z małżonków. § 3. Nie można unieważnić małżeństwa z powodu choroby psychicznej jednego z małżonków po ustaniu tej choroby (KRO RP).

⁵⁷ Статья 69. Лишение родительских прав.

⁵⁸ Статья 15. Медицинское обследование лиц, вступающих в брак <...> 3. Если одно из лиц, вступающих в брак, скрыло от другого лица наличие венерической болезни или ВИЧ-инфекции, последнее вправе обратиться в суд с требованием о признании брака недействительным (СК РФ).

⁵⁹ Статья 14. Обстоятельства, препятствующие заключению брака.

⁶⁰ Статья 73. Ограничение родительских прав <...> Ограничение родительских прав допускается, если оставление ребенка с родителями (одним из них) опасно для ребенка по обстоятельствам, от родителей (одного из них) не зависящим (психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и другие) (СК РФ).

⁶¹ Как отмечает Гадрян, следует определить, какие эвфемизмы в юридических текстах воспринимаются таковыми носителями языка (Hadryan 2017, 201).

3.1.2.4. Расторжение брака

Кодексы семейного права, регулирующие семейные отношения, определяют порядок заключения брака, его расторжения или признания недействительным. В связи с деликатностью темы (особенно в случае прекращения брака) законодатель прибегает к языковым способам смягчения. Так, например, в СК Российской Федерации *verbum propria* развод употребляется лишь 2 раза⁶². Вместо этого слова используется синонимичное словосочетание *расторжение брака*⁶³. По мнению Гортых-Михаляк, многокомпонентные терминосочетания обладают большим смягчающим эффектом, чем односоставные термины, однако исследователь не приводит результаты семантического анализа или анкетирования (Gortych-Michalak 2017, 169–178). Кроме вышеуказанных слов, в Семейном кодексе РФ нами обнаружены словосочетания *расторгнуть/расторгать брак, расторгнутый/нерасторгнутый брак, прекратить семейные отношения*.

В польском кодексе семейного права, наоборот, частотными являются слова *rozwód* ('развод'), *rozwidziony małżonek* ('разведенный супруг'), *rozwiązanie małżeństwa przez rozwód* ('расторжение брака посредством развода').

В Семейном кодексе Российской Федерации российский законодатель для обозначения (1) внебрачных отношений, (2) однополого брака, а также (3) брака, заключенного не с целью создания семьи, использует такие словосочетания: (1) *лица, не состоящие между собой в браке*, (2) *лица, состоящие в союзе, заключенные между лицами одного пола*⁶⁴, (3) *фиктивный брак*⁶⁵. Схожих эквивалентных конструкций в KRO Республики Польша нами не обнаружено.

3.1.2.5. Происхождение ребенка

Последнее лексико-семантическое поле, на которое мы хотим обратить внимание читателя, – это «Происхождение ребенка». В прошлом темы, связанные с рождением ребенка от неизвестных родителей или с рождением детей в результате внебрачных отношений, комментировались шутками, насмешками или намеками. В коммуникативном плане это могло выражаться в употреблении дисфемизмов или умалчивании.

⁶² Статья 23. Расторжение брака в судебном порядке при взаимном согласии супругов на расторжение брака 1. При наличии взаимного согласия на расторжение брака супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей, а также супругов, указанных в пункте 2 статьи 21 настоящего Кодекса, суд расторгает брак без выяснения мотивов развода (СК РФ).

⁶³ Статья 25. Момент прекращения брака при его расторжении 1. Брак, расторгаемый в органах записи актов гражданского состояния, прекращается со дня государственной регистрации расторжения брака в книге регистрации актов гражданского состояния, а при расторжении брака в суде – со дня вступления решения суда в законную силу <...> (СК РФ).

⁶⁴ Статья 146 <...> лица, состоящие в союзе, заключенном между лицами одного пола, признанном браком и зарегистрированным в соответствии с законодательством государства, в котором такой брак разрешен, а также лица, являющиеся гражданами указанного государства и не состоящие в браке (СК РФ).

⁶⁵ Статья 29 <...> 3. Суд не может признать брак фиктивным, если лица, зарегистрировавшие такой брак, до рассмотрения дела судом фактически создали семью (СК РФ).

В современном обществе темы *внебрачные дети* и *дети с одним родителем* (так называемая *неполная семья*) уже не являются табуированными из *соблюдения приличия* (Ullmann 1962). Однако, по нашему мнению, сохраняется табу из *деликатности* (Ullmann 1962).

В правовом аспекте установление происхождения ребенка является основанием для возникновения родительских прав и обязанностей⁶⁶. Польские и российские законодатели применяют следующие термины: *установление отцовства/материнства*, *оспаривание отцовства/материнства* – *ustalenie ojcowstwa/macierzystwa, zaprzeczenie ojcowstwa/macierzyństwa*, о которых мы упоминали выше. В контексте теории перевода данные словосочетания могут рассматриваться как функциональные эквиваленты.

Еще большей деликатности требует законодательная защита по отношению к детям, которые остались без родителей. Хочется обратить внимание на общелитературное слово *сирота* и его польский эквивалент *sierota*. Если в польском языке одним из значений многозначного слова *sierota* ('сирота') является значение '*dziecko bez rodziców*' ('ребенок без родителей')⁶⁷, при этом 'смерть родителей или родителя' является дополнительной семой, то в значении русской лексемы *сирота* важной семой является 'смерть родителя'. В российском кодексе лексема *сирота* употребляется исключительно в наименовании учреждения *организация для детей-сирот*. В польском кодексе нами не обнаружены случаи словоупотребления слова *sierota* ('сирота').

Для смягчения прямого наименования в Семейном кодексе Российской Федерации применяется эвфемистическое терминосочетание *дети, оставшиеся без попечения родителей*. В польском кодексе нами зафиксировано словосочетание *dziecko pozbawione opieki i wychowania rodziców* ('ребенок, лишенный попечения и воспитания родителей'), которое также имеет эвфемистическую окраску. В данном случае вышеуказанные словосочетания также являются функциональными эквивалентами.

Подведем итоги. Хочется еще раз отметить, что эвфемизмы свойственны текстам нормативных актов. В польском и российском кодексах семейного права наряду с прямыми наименованиями употребляются эвфемизмы, которые призваны смягчить формулировку из *деликатности* (Ullmann 1962). Частотность эвфемизмов в анализируемом сопоставимом корпусе различна, тем не менее можно выделить функциональные лексические соответствия. При этом следует подчеркнуть, что при выявлении эквивалентов важное значение имеют темпоральные рамки сопоставимых текстов, которые следует учитывать при переводе и и указывать в словарных статьях.

⁶⁶ Статья 47. Основание для возникновения прав и обязанностей родителей и детей. Права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке <...> (СК РФ).

⁶⁷ www.wsjp.pl/index.php?id_hasla=5238&id_znaczenia=1895932&l=23&ind=0 (29.12.2010)

3.2. Табу и деатабуизация в современной детской мультипликации: лингвистический и переводческий аспекты (К. Бондаренко)

Телевидение и кино – это полисемиотическое пространство, смыслы которого воплощаются одновременно в нескольких измерениях: изображении, слове, музыке. Время, проводимое детьми в возрасте до 12 лет за просмотром мультипликационных фильмов, составляет в среднем 30 часов в неделю, а практически половина из них делает это без контроля родителей (Habib & Soliman 2015). Современный аудиовизуальный продукт – невероятный мощный и влиятельный инструмент передачи ценностей, идей и информации (Cintas 2018).

3.2.1. Индексация фильмов как акт табуизации

Ввиду специфики аудитории анимационные фильмы для детей – особый вид искусства, отличающийся как философией, так и изобразительными средствами. Так, например, *The Walt Disney Company* разработала формулу составляющих успешного контента мультфильмов: эмоциональность, присутствие компаньонов-трикстеров (часто – животных), вносящих юмористическую струю в повествование, влюбленность (чаще юношеская), неременная победа добра над злом.

Современная мультипликация – нарядно упакованная, питательная, а главное – «не вредная» еда, предназначенная для потребления в комфортном и безопасном месте (Ward 2002). Однако при ближайшем рассмотрении питательность и безвредность продукта можно подвергнуть сомнению. Учитывая охват аудитории и время, проводимое целевой аудиторией за просмотром, мультипликационный дискурс как отражение идей, стереотипов, предубеждений вполне способен формировать мировоззрение целых поколений детей. Тревогу критиков и психологов, в частности вызывают отраженные в мультфильмах гендерные (Papalia, Gross, & Feldman, 2003), расовые стереотипы (Towbin, Haddock, Zimmerman, Lund., Tanner 2004), нетерпимость к пожилым людям (Robinson 2007), людям с увечьями. Одной из причин нарушений табу на обсуждение вышеупомянутых проблем в детском кино является расширение аудитории, продиктованное, в первую очередь, маркетинговыми интересами, во вторую, общей либерализацией телевизионного и кинематографического пространства (Lugo-Lugo, Carmen 2009).

Как и в отношении любого аудиовизуального продукта, выход детских мультипликационных фильмов на экран предваряется их индексацией. В США, где производится значительное количество такой продукции, градация выглядит следующим образом: *G (General Audiences) – All Ages Are Admitted*; *PG (Parental Guidance Suggested) – Some Material May Not Be Suitable For Children*; *PG-13 (Parents Strongly Cautioned) – Some Material May Be Inappropriate For Children*

Under 13; R (Restricted) – Under 17 Requires Accompanying Parent Or Adult Guardian; NC-17 (Adults Only) – No One 17 and Under Admitted (<https://www.mpa.org/film-ratings>).

В постановлении Кабинета Министров Украины от 2 декабря 2015 года «Про внесення змін до Положення про державне посвідчення на право розповсюдження і демонстрування фільмів» указывается, что во время государственной регистрации каждый фильм индексируется с учетом зрительской аудитории и условий распространения и демонстрации фильмов. Индекс должен быть указан в прокатном удостоверении: «ДА» (детская аудитория), «ЗА» (общая аудитория), а также категории «12», «16» и «18» (<http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/1143-2015-%D0%BF>). Критериями для индексации выступают тематическая, визуальная и собственно лингвистическая составляющая произведения.

Категория «ДА» (детская аудитория) в Украине присваивается фильмам, специально созданным для детей и доступным по сюжету для детского восприятия. Такие произведения характеризуют отсутствие грубости, насилия, жестокости, неприличных выражений в любой форме. Категория такого рода в американской киноиндустрии отсутствует, а продукция, отвечающая данным характеристикам, индексируется как G (*General Audiences*) – *All Ages Are Admitted*, практически коррелируя с украинским индексом «ЗА». Такой индекс присваивается фильмам для семейного просмотра, поднимающим темы, одинаково интересные и понятные для большинства зрителей независимо от возраста. Реалии сложной действительности должны быть представлены максимально условно. Исключаются сцены, содержащие натуралистическую демонстрацию жестокости, насилия, физиологических процессов. Для американского проката требования к схожей категории фильмов более конкретны:

A G-rated motion picture contains nothing in theme, language, nudity, sex, violence or other matters that, in the view of the Rating Board, would offend parents whose younger children view the motion picture. The G rating is not a “certificate of approval,” nor does it signify a “children’s” motion picture. Some snippets of language may go beyond polite conversation but they are common everyday expressions. No stronger words are present in G-rated motion pictures. Depictions of violence are minimal. No nudity, sex scenes or drug use are present in the motion picture⁶⁸ (filmratings.com, 9).

⁶⁸ «В фильмах, относящихся к категории G, не содержится сцен, которые своей тематикой, языком, изображением обнаженного тела, сексуальных отношений, актов жестокости, могли бы, по мнению Рейтинговой Комиссии, быть неприемлемыми для родителей, смотрящих фильм с маленькими детьми. Допускается использование выражений, неприемлемых для формального общения, но являющихся общеупотребительными. Употребление бранной лексики в фильмах категории G недопустимо. Количество сцен с актами жестокости – короткое по хронометражу. Воспрещается изображение обнаженного тела, сексуальных сцен или процесса приема наркотических веществ» [Перевод – К.Б.].

Условно соотносимыми можно считать индексы «12» в Украине и «PG (Parental Guidance)–13» в США. Индекс «12» предполагает, что в фильме содержатся некоторые сцены, которые могут считаться родителями неподходящими для самостоятельного просмотра детьми. Допустимы сцены, содержащие короткие и эпизодические изображения обнаженного тела, эпизодическое использование ненормативной лексики, если последнее подчеркивает принадлежность персонажей к определенным слоям общества, присутствует в оригинале и необходимо для развития сюжета. Такие сцены должны быть короткими по хронометражу, сняты с использованием средств художественной выразительности, а их необходимость обусловлена логикой сюжета. В фильмах с американским индексом PG-13 допускается изображение сцен жестокости без излишнего реализма и преднамеренности. Допускается единичное употребление сниженной лексики сексуального характера, однако исключительно в функции эксплетивного слова (filmratings.com).

Индексация художественных фильмов – своего рода табуирование тем и художественных средств для определенного круга людей (в нашем случае – преимущественно детской аудитории). Объектом табу могут выступать как элементы сюжета аудиовизуального произведения, так и его визуальная и собственно лингвистическая составляющая. Для украинской и американской детских аудиторий табуированными являются темы человеческой физиологии (уже – сексуальной деятельности, демонстрации наготы), насилия и симпозиции (акта приема наркотических или алкогольных веществ).

3.2.2. Деатабуизация запретных тем в современных мультфильмах для детей

Аудиовизуальная продукция, послужившая основой для анализа в данной работе: *Hotel Transylvania* (2012), *Hotel Transylvania 2* (2015), *Toy Story* (1995), *Toy Story 2* (1999), *Toy Story 3* (2010), в стране-производителе (США) индексируется G (*General Audiences*), что допускает ее просмотр любой категорией зрителей, в том числе, детьми без присутствия взрослых. Под запретом – сцены насилия, сексуальных отношений и употребления наркотических веществ. По умолчанию табуированным должны быть расизм, нетерпимость к любого рода физическим, интеллектуальным, социальным отклонениям, несоответствиям, их осмеяние, вступающее в противоречие с декларируемой в цивилизованных странах толерантностью.

Следует, однако, учитывать, что залогом рыночного успеха анимационного продукта является карнавальность действия на экране, его комичность как на визуальном, так и на текстовом уровне. Расширение зрительской аудитории предполагает наличия юмора «для взрослых», подтексты, поддающиеся декодированию взрослыми, но все еще не нарушающие норм для детской аудитории.

Универсальными знаменателями вербально выраженного юмора называют сексуальные отношения, несоответствие физической, интеллектуальной, социальной норме (как следствие – низкий социальный статус, вызывающий насмешки, сарказм) и абсурдность ситуаций: несоответствие обычному состоянию вещей, образу жизни, стандартам поведения (Chiario 2006). Налицо противоречие: содержание и форма детских фильмов четко регламентированы, однако строгое соблюдение регламента приводит к снижению маркетинговой ценности продукта, его привлекательности для целевой аудитории, к которой, как уже говорилось, относятся, в том числе, и взрослые зрители.

В сюжете анализируемых мультфильмов, какими бы фантастическими они не казались, при ближайшем рассмотрении легко угадываются классические персонажи, аллюзии на знакомые истории, легенды. Так события анимационного фильма *Toy Story*, а также сиквелов *Toy Story 2* и *Toy Story 3* связаны с жизнью игрушек Энди, маленького мальчика в первой части и юноши, поступающего в колледж, в заключительной серии. В фильмах четко прослеживаются темы взросления, ответственности, привязанности, дружбы и взаимопомощи. Главные герои – игрушка-ковбой Вуди, космический рейнджер Базз, в разное время являющийся соперником, соратником, а то и идеологическим врагом Вуди, девушка-ковбой Джесси, а также многочисленные второстепенные персонажи. Основным фактором, влияющим на существование игрушек, являются люди, привязанность или ненависть которых является определяющей: “– *What matters is that we're here for Andy when he needs us*”⁶⁹. Исследователи находят параллели между образами Дон Кихота и космического рейнджера Базза: документальное подтверждение происхождения (в случае с Баззом – инструкция на упаковке): “– *Oh, really? I'm from Playskool. – And I'm from Mattel. Well, I'm not really from Mattel. I'm actually from a smaller company that was purchased in a leveraged buyout*”, претензии на высший статус (при отсутствии заявленных опций, как то умения летать): “– *That wasn't flying. That was falling with style*”, присутствие Санчо (в мультфильме – девушки-ковбоя, развеивающей иллюзии рейнджера относительно его исключительности) (Burningham 2000). Подтекстом к детскому сюжету являются проблемы воскрешения и духовного перерождения (Askergman 2005): куклы «оживают» лишь в отсутствие владельцев (детей); игрушки «живы» не только в интеллектуальном и эмоциональном, но и в физическом смысле (они испытывают боль, потребность в физических отношениях): “– *Why didn't you yell for help? – Well, I tried squeakin'. But I'm still broken. No one could hear me. Besides, the dust aggravates my condition. What's the point in prolonging the inevitable?*” Перерождение из злодеев в героев и наоборот напрямую зависимо от социума, как людского, так и «игрушечного»: “– *We're all just trash, waiting to be thrown away! That's all a toy is!*”

⁶⁹ Тут и далее, во избежание смысловых потерь, неизбежных при переводе, используется оригинальная (английская) версия реплик мультипликационных фильмов.

В основе фабулы мультфильма *Hotel Transylvania* – столкновение мира людей и мира потусторонних сил, представленных вампирами, монстрами, демонами. Главные герои – вампиры граф Драко и его дочь Мэвис, а также Джонатан, человек, случайно попавший в замок Драко, преобразованный в роскошный отель. Критики считают *Hotel Transylvania* пастишем готических романов с полным переосмыслением готического универсума (Faktorovich 2016). Как и в *Toy Story*, человеческое общество – лишь резонатор событий, происходящих в фантастическом мире. В картине мира обитателей *Hotel Transylvania* человек – сила, пытающаяся навредить или уничтожить: “– *Welcome to Hotel Transylvania! Human-free since 1898*”, “– *It’s meant to be an exit if humans ever invade*”. Традиционная для готических романов триада «злодей – жертва – спаситель» переиначивается: злодеем объявляется человек, жертвами – монстры и вампиры, спасителем, вероятно, следует считать Джонатана, а позже его сына – дитя вампира и человека – Денни. Как и в *Toy Story* герои мультфильма динамичны: наибольшие метаморфозы, своего рода духовное перерождение испытывает граф Драко, через которого сообщество вампиров освобождается от уз предубеждений: “– *Papa Drac, I’m a vampire and a superhero. Am I cool now? – Now? Dennis, you were always cool. Human, vampire, unicorn, you’re perfect no matter what!*”

Как видно, интертекстуальность современных анимационных фильмов является одним из факторов их привлекательности для широкой аудитории. Еще одним из таких факторов становится дестабуизация сакральных для общества или неприемлемых для детской аудитории тем. При этом очевидно, что запреты и ограничения затрагивают лишь формальные аспекты: собственно изображение и прямую номинацию. Сами же понятия выступают мощным источником комического, делающего аудиовизуальный продукт привлекательным для потребителя.

Религиозная терпимость – это то, что декларируется в большинстве демократических государств. Тем не менее, даже в детских мультфильмах налицо десакрализация религиозных концептов. Так, например, восклицание-обращение к высшим силам, содержащее компонент *Holy*, означающее ‘*dedicated or devoted to the service of God, the church, or religion*’, служит основой для новообразований согласно с тематикой мультфильмов. Так в *Toy Story* это *holy cow* или *holy moly guacamole*, в *Hotel Transylvania* – *holy smokes, holy rabies*, в фильме *The Cars* – *holy shoot*. В мультфильме *Toy Story* в эпизоде с куклами из автомата по захвату игрушек высмеиваются концептуальные понятия буддизма: “*He has been chosen. – He must go. Hey! Nirvana is coming. The mystic portal awaits.*”

Сегрегация по расовому и национальному признаку – еще одно табу для современного общества. Опосредованно оно нарушается и в современной мультипликации (Benhamou 2014). Несмотря на то, что внутренний конфликт *Hotel Transylvania* завязан на межвидовых противоречиях (миром людей и вампиров): “– *You! You let your daughter marry a human and have a human kid? – We don’t hate humans anymore, and they don’t hate us*”, а счастливый конец обусловлен снятием этих противоречий, демонстрацией толерантности, в отдельных случаях

в фокусе комического оказываются именно подобные признаки: “– *Oh, you’re European. It’s called deodorant. – Nothing like insulting an entire continent, Linda!*”

Гендерные особенности персонажей мультфильмов часто становятся предметом обсуждения как критиков, так и исследователей (England, Descartes & Collier-Meek 2011). Кинематографическая индустрия для детей реагирует на запросы общества, все чаще изображая персонажей женского пола в качестве субъектов, а не объектов повествования. Так, если в *Toy Story* персонаж Джесси все же зависим, а Барби, в значительной мере соответствует консервативным представлениям о роли женщины: “– *I wanna be with you, Ken, I do. In your Dream House. Please take me away from this! Take me away!*”, то в *Hotel Transylvania* дочь графа Драко Мэвис – независима, открыта к инновациям и переменам. Несмотря на это, идеи феминизма в их крайнем проявлении (в частности, уклонение от выполнения обязанностей по дому) выступают объектом высмеивания: “– *Cause once I graduate business school and start running a company, you’re not gonna get home-cooked meals like this anymore!*”

Одним из универсальных знаменателей комичного, как отмечалось, являются сексуальные отношения, отражение которых в фильмах данной категории категорически запрещено. Тем не менее, аллюзии и намеки на физическую сторону отношений между особями мужского и женского пола, присутствуют: “– *Yes, I know it’s your honeymoon. I apologize. Go back to doing what you were doing*” (*Hotel Transylvania*). В соответствующем визуальном сопровождении нейтральные реплики типа: “– *You’re cute when you care*” или “– *You got a little keeper yourself, didn’t you, Ken?*” воспринимаются с определенным сексуальным подтекстом, четко отраженным в украинском переводе: “– *Люблю, коли ти хвилюєшся*” и “– *Зате ти знайшов собі кралечку, а, Кен?*”

Тема смерти также перестает быть табуированной. В *Toy Story* речь не только о смерти в физическом смысле (игрушки ломаются, из них извлекают батареи, перепрограммируют), но и метафизическом: после «смерти» игрушки могут попасть в небытие (мусороперерабатывающий завод): “– *Orderly? Don’t you get it? We’re done! Finished! Over the hill!*” или отправиться на чердак (рай в условной картине мира), где возможно гипотетическое возрождение в качестве игрушек для новых членов семьи: “– *You’ll never be outgrown or neglected, never abandoned or forgotten*”. В *Hotel Transylvania* темы физической смерти, в частности, процесса похорон, служат основой активной метафоризации и переосмысления в авторских неологизмах: “– *Thank you, coffin cake* (– *Дякую, трунявочко*)”; “– *What happened to Michael Row Your Corpse Ashore?* (– *Де наше: тихо по морю трупики пливе?*)”

Как видим, объектами комического в современных мультфильмах выступают зачастую все те же темы табу, о которых писали Андерссон и Традгилл: сексуальные отношения, религия, физические или интеллектуальные недостатки, болезни или смерть (Andersson & Trudgill 1990). На визуальном уровне нарушений табу практически не отмечено. В большинстве случаев детабуизация осуществляется на вербальном уровне посредством использования субстандартной лексики, аллюзий.

3.2.3. Сниженная лексика в современных мультфильмах как инструмент деатабуизации

Как отмечалось выше, среди требований к фильмам, предназначенных для детского просмотра, собственно лингвальная составляющая выделена особо. Так для украинского кинопроката абсолютно недопустимыми (табуированными) в категории «ДА», являются «неприличные выражения в любой форме», частично допустимым («ЗА», категория «12») – эпизодическое использование ненормативной лексики, если последнее подчеркивает принадлежность персонажей к определенным слоям общества, присутствует в оригинале и необходимо для развития сюжета. В американском прокате допускается использование выражений, неприемлемых для формального общения, но являющихся общепотребительными (категория G) и единичное употребление сниженной лексики сексуального характера, однако исключительно в функции эксплетивного слова (категория PG 13).

Налицо стремление оградить детскую аудиторию от ненормативного, нестандартного, неприличного языка, однако определение границ этой нестандартности достаточно размыто как в украинском, так и в американском законодательстве. В результате мультфильмы перенасыщены субстандартной лексикой (сленгом, профессиональными жаргонизмами), которая, не являясь частью нормы, языкового стандарта, все же не выходит за рамки вежливого общения и часто (хоть и не во всех случаях) подчеркивает принадлежность персонажей к определенным слоям общества.

В результате анализа аудиовизуальных продуктов, созданных разными студиями на разную тематику в довольно широкой временной амплитуде, удалось установить определенные закономерности в использовании субстандартных единиц в повествовании. Такие закономерности касаются, в первую очередь, семантики единиц, чаще всего используемых в мультфильмах, во вторую очередь, непосредственно персонажей, активно использующих подобную лексику.

Большая часть сленговых лексем в проанализированных мультипликационных фильмах – антропонимы с квалифицирующим компонентом (интеллектуальными, интеллектуально-эмоциональными особенностями): “– *Oh, yeah? Well, good riddance, ya loony*” (*loony* ‘a madman’), “– *Hey! Put me down, you moron!*” (*moron* ‘a stupid person, a fool’); “– *Dude ruined everything. Suck my blood!*”; “– *So, then I see these goofy-looking dudes on fire*” (*dude* ‘a regular fellow’), “– *Are you nuts? Mavis, you’re a blast*” (*blast* ‘an extremely enjoyable time; a party, especially a loud and raucous one’), “– *Kakie. What a wussbag!*”, “– *I’m not a hippie. I’m a slacker!*” (*slacker* ‘a person who avoids work, study and responsibility’). Большой частью упомянутые сленговые единицы – это инвективы разных частей речи, в основе которых намек на недостаточный уровень интеллекта, призванный унижить, оскорбить или высмеять собеседника: “– *Is his mom losin’ her marbles?*” (*lose one’s marbles* ‘to

become insane, to lose your mind'), "– Has your mind been melded?"; "– Wayne? Are you nuts?" (*nuts* 'a crazy person, an eccentric, a crank') (*Hotel Transylvania*).

Части тела, в том числе и табуированные, активно номинируются сленговыми лексемами как в анализируемых мультфильмах: "– And then the shea butter on his tush before his PJs" (*tush*; *tushie*; *tushy* 'the backside, the buttocks'), "– Looks like my grandmother's boobies" (*booby*; *boobie* 'a female breast') (*Hotel Transylvania 2*), так и в других аудиовизуальных продуктах студий (*Madagascar 2*, *Kung Fu Panda*, *Open Season*): "– Yeah, like when you beat me on the butt?"; "– There's an arrow in your butt!"; "– And I'm here to rescue my lady, kick butt and take names" (*butt* 'the buttocks, the posterior; used in many senses and phrases as a replacement for 'arse' or 'ass'); "– Well, I have to save my ass" (*ass* 'the buttocks, the posterior').

В сюжете мультфильмов *Hotel Transylvania* и *Toy Story* не предполагается непосредственного обсуждения межполовых физических отношений, однако в других аудиовизуальных продуктах для детей эта тематика раскрывается достаточно широко, в основном, имплицитно, посредством использования лексем с нейтральным значением в стандартном английском и переосмысленных в сленге: "– Oh, and, Giselle, there's still some time... if you'd rather be served some beefcake instead of the pansy-loaf..." (*Madagascar 2*). В сленге *beefcake* означает 'a muscular man', а *pansy* – 'a male homosexual; an effeminate man'. Обе лексемы в первом значении связаны с темой пищи, что коррелирует с универсальным механизмом переосмысления сексуальных отношений через домен «Пища». По мнению Гоутли, механизмом переноса служит (неосознанное) стремление мужчины воспринимать женщину как блюдо для утоления аппетита, как объект, а не субъект действия (*Goatly 2007*).

Среди других моделей, метафорически переосмысленных в сленге и использованных авторами мультфильмов для деатабуизации сексуальных отношений, перенос «животное > человек»: "– You know what? While you have been off doing prancing pony with the new pussy I have been having pretty much the worst day of my life, OK?" (*Madagascar*). Обе сленговые лексемы (*pussy* и *pony*) использованы для номинации женщины как объекта сексуальных отношений, однако в прямом значении (которое, как предполагается, будет единственным в восприятии главной целевой аудитории – детей) звучит вполне нейтрально.

Довольно значительно количество сленговых лексем, обозначающих активные действия, в том числе, жестокость или насилие: "– Just shut up, you idiot!" (*shut up* 'to cease talking; to stop making a noise'), "– They, uh, must have kicked him out early this year", "– Got your butt kicked by a girl, Batman" (*kick* 'to use force, to beat up').

Как видно, сленговые единицы чаще всего номинируют сферы человеческого бытия, табуированные в мультфильмах для детей. Особый социалистический статус сленга позволяет активно использовать его в подобных аудиовизуальных продуктах без особых ограничений, привнося в повествование динамику и карнавальность без прямого нарушения норм общественной морали.

Ключевым для перевода аудиовизуального продукта для детей является учет идеологического (мировоззренческого), лингвокультурного, собственно лингвистического и технического факторов. Идеологический и лингвистический факторы в общем виде отражены в критериях индексации фильмов и должны учитываться при выборе стратегии перевода. Однако, как показывает анализ, учитываются далеко не всегда, что обусловлено как лингвокультурными, так и экстралингвальными причинами.

3.2.4. Эквивалентность в переводе сниженной лексики в мультфильмах для детей на украинский язык

Согласно закону Украины *Про кінематографію*, аудиовизуальная продукция, выходящая в прокат или на киноэкраны, должна быть дублирована (озвучена или сопровождаться субтитрами) на украинском языке (<http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/9/98-%D0%B2%D1%80>). Большая часть мультипликационных фильмов для детей, выходящих на экраны, озвучивается, что максимально доместифицирует исходный продукт. Доместификация (одомашнивание) – это перевод, просеиваемый сквозь максимально тонкое стиливое сито, минимизирующее «инаковость» исходного текста (Munday 2001). Одомашнивание, по сути, ассимилирует иностранные реалии, лишая целевую аудиторию важных элементов исходной культуры (Hutcheon 2012). Так, например, при отсутствии в Украине традиций цивилизованного избавления от старых или ненужных вещей, значительная часть лексем остаются безэквивалентными: “– *We been dumped, donated, yard-saled, secondhanded*” – *Нас забули, пожертвували, поламали, а то і просто пожбурили геть*” (*Toy Story*)⁷⁰. Как видно, в переводе семантику ненужности удалось передать лишь частично.

Помимо собственно лингвистических и лингвокультурных проблем, связанных с необходимостью отражения концептов исходного текста в тексте перевода, требуется синхронизация (качественная и количественная) артикуляции, а также глубинная синхронизация, предполагающая учет визуального ряда (покачивания головой, удивленно поднятых бровей) (Herbst 1997). Примером удачной синхронизации в исследуемом материале, может служить, например, перевод следующей реплики: “– *It’s at a hotel? Fancy schmancy! – Це в готелі? Люкси-шмукси*” (“*Hotel Transylvania*”). Как видно, переводчику пришлось «сузить» значение *fancy schmancy* ‘a term used to describe something expensive and impressive’ до лексемы *люкси*, номинирующей высокий статус отельного номера, сохранив при этом ритмику и особенности артикуляции исходных лексем.

Основой анализа стали исходный (английский) и переведенный (украинский) тексты аудиовизуальных продуктов компаний «Sony Pictures Animation»

⁷⁰ Тут и далее реплики приводятся на языке оригинала (английском) и на языке перевода (украинском) в версиях, официально рекомендованных к использованию в прокате. Использование языка-посредника (русского), по нашему мнению, значительно затруднило бы идентификацию лингвистических особенностей исходного и переводного текста.

и «The Walt Disney Company» *Hotel Transylvania* (2012), *Hotel Transylvania 2* (2015), *Toy Story* (1995), *Toy Story 2* (1999), *Toy Story 3* (2010). В фокусе – особенности перевода субстандартной лексики на украинский язык. Количество сленговых лексем в *Toy Story* (1995), *Toy Story 2* (1999), *Toy Story 3* (2010) составило 58 единиц, в *Hotel Transylvania* (2012), *Hotel Transylvania 2* (2015) – 49 соответственно.

В 68% случаев в *Toy Story* и 85% в *Hotel Transylvania* лексемы исходного текста и текста перевода можно считать эквивалентными как на семантическом, так и на стилистическом уровне.

Таблица 8

Семантическая эквивалентность в исходном и переведенном текстах анимационных фильмов *Toy Story* и *Hotel Transylvania*

Исходный текст	Текст перевода
– Eh, very good, Woody. That's using the <u>old noodle!</u> <u>noodle</u> 'intelligence'	– Поважаю, Вуді, <u>варить казанок</u> у ковбоя! <u>казан</u> 'голова, мозг'
– Moving on? You're going <u>AWOL</u> ? <u>AWOL</u> 'missing'. Military coinage, from 'absent without leave'	– Вирушаєте? У <u>самоволку</u> ? <u>самоволка</u> 'самовольная отлучка из воинской части'
– I am so <u>blown away</u> right now <u>blow away</u> 'to impress or astonish someone; hence, to be impressed or astonished'	– Твоя музика просто <u>виносить мозок</u> " <u>виносити мозок</u> 'поражать; также докучать, надоедать'
– Hey, speaking of awesome, that cape thing is <u>killing it</u> <u>kill</u> 'to excite, to please, to thrill; to excel'	– До речі, про кльове: ваш плащик – це <u>нереальний жир</u> " <u>жир</u> 'что-то невероятное, прекрасное'
– And I was just Mountain climbing with some <u>dudes</u> and heard this story about a <u>spooky forest</u> " <u>dude</u> 'used as a term of address, young male to young male'	– Я тут з <u>пацанами</u> лазив по скелях і почув історію про <u>стрьомний ліс</u> <u>пацан</u> 'парень, молодой человек' <u>стрьомний</u> 'небезопасный, вызывающий страх'
<u>spooky</u> 'difficult or unpredictable'	

В 40% случаях в *Toy Story* и 15% в *Hotel Transylvania* английские сленгизмы были переданы стандартными лексемами с использованием стратегии стилистической компенсации. Компенсация – это стратегия, применяемая при отсутствии полного эквивалента (в том числе и с учетом стилистической и прагматической составляющей). Желаемый уровень достигнутой эквивалентности – цель и обоснование компенсации (Zabalbeascoa 2008). Компенсация может быть семантической, когда за счет таких средств, как адаптация (парафраз, присоединение, упущение), замена, развернутое объяснение, вытеснение, перестановка восполняется семантический смысл (Hervey, Loughridge, Higgins 2006). Другим вариантом компенсации является стилистический, когда отсутствие полного эквивалента восполняется с помощью других лексем нужного социостилистического регистра: “– He ain't the sharpest knife in the place where they keep the knives. – Він такий тупий, як сибірський босоніжок”. В переводе семантический компонент ‘отсутствие ума, глупость’ (особенно в сравнении с подобными качествами у других: “in the place where they keep the knives”)

передано сленгизмом-аллюзией: *тупий, як сибірський валянок*. Замена одного из компонентов другим (*валенка – босоножкой*) вызывает эффект неожиданности и усиливает комический эффект высказывания.

В таких случаях говорить о достижении полной эквивалентности не приходится, однако, учитывая размытость границ между коллоквиализмами, просторечием и сленгом (Harrison 2013), а также то, что в большинстве случаев, визуальный ряд дополняет ощущение неформальности, такая стратегия может считаться допустимой.

Таблица 9

Частичная эквивалентность в исходном и переведенном текстах анимационных фильмов *Toy Story* и *Hotel Transylvania*

Исходный текст	Текст перевода
<p>– <i>Just <u>shut up</u>, you idiot!</i> <i>shut up!</i> ‘used as a humorous, kind, even flirtatious way to change the subject’ (Ayto, Simpson 2010)</p> <p>– <i>You got that, <u>sport</u>?</i> <i>sport</i> ‘used as a term of address, usually male-to-male; a self-conscious term that conveys a jocular feeling’ (Ayto, Simpson 2010)</p>	<p>– <i>Мовчати! <u>Стули</u> свою <u>пельку</u>!</i> <i>стуляти пельку</i> (вульг.) ‘заставлять замолчать’ (Бусел 2004)</p> <p>– <i>Тобі ясно, <u>герой</u>?</i> <i>герой</i> ‘человек, который чем-то отличился, привлек к себе внимание’ (Бусел 2004)</p>

Дубляж и озвучка иностранной аудиовизуальной продукции способствует укреплению национального языка, его политического, экономического и культурного влияния в границах существования нации (Danan 1991) значительно сильнее субтитрирования. Безусловно, причины необходимости укрепления статуса национального языка могут быть разными. В Италии во времена фашистского режима курс на дубляж был обусловлен стремлением оградить Италию и итальянцев от влияния извне (Paolinelli, Di Fortunato 2005). Активизация дубляжа аудиовизуальной продукции на каталонский в 90-е годы XX века привел к повышению статуса языка. Увеличение объема высококачественного переведенного контента, в том числе, и аудиовизуальных произведений, привело, в первую очередь, к популяризации языка в средствах массовой информации и утверждению его как средства официальной и художественной коммуникации, во вторую, к повышению статуса перевода и переводчиков (Zabalbeascoa 2008).

3.2.5. Дисфемизация в переводе как показатель либерализации общества

Как говорилось выше, большая часть аудиовизуальной продукции для детей, выходящей на экраны в Украине, дублируется. Причиной, вероятно, следует считать отсутствие традиций субтитрирования фильмов в Советском Союзе и низкий уровень владения исходными языками (в большинстве случаев английским) аудиторией. В связи с этим особенный интерес вызывают особенности этого

дубляжа, которые опосредованно свидетельствуют о процессах либерализации и деатабуизации, характерных для современного украинского медиапространства. В подобных исследованиях на примере дубляжа на итальянский язык налицо противоположная тенденция: часть оригинальных шуток утрачивает налет вульгарности, аллюзии сексуального характера нивелируются за счет парафраза, а стандартные лексемы, использованные в переводе в качестве эквивалента субстандартным, делает часть шуток несмешными (Iaia 2011).

Процессы излишней (отсутствующей в оригинале) субстандартизации в переводе, по мнению исследователей, характерны скорее для создателей неофициальных, любительских переводов и являются следствием карнавализации, игры с аудиовизуальным контентом. Альтернативный перевод (как процесс и результат) – инструмент, который может использоваться как для развлечения, так и в качестве вызова системе культурных и политических ограничений (Cintas 2018). С подачи Брунса появился термин *produsage* ('production' + 'usage'), номинирующий процесс со-участия в создании массмедийного контента посредством интернет-технологий (Brunns 2006). Речь, в первую очередь, о том, что на смену пассивному восприятию аудиовизуальной продукции идет активное создание альтернативных субтитров или переозвучка уже вышедшего на экран. Перевод, получаемый в итоге, – *fansubs* – результат переводческой деятельности сообщества людей, увлеченных конкретным аудиовизуальным продуктом. Как правило, такого рода деятельность не оплачивается, совершается на добровольной основе и имеет целью популяризацию собственного творчества, поиск единомышленников. Более радикальным (и осмысленным) является феномен *Guerrilla subtitles*, цель которого – вызов общественной морали, отраженной в официальных, подцензурных переводах. Подобного рода продукт реализуется на интерактивных площадках AJ+ (www.ajplus.net), *J'ai un doute* (<https://jaiundoute.com>), [hartos.org](http://www.hartos.org) (www.hartos.org).

Такая переводческая деятельность – современное переосмысление карнавала с его аффективностью, зрелищностью, нарушением табу и свободой творчества. Культура карнавала – это не разрушение официальной культуры, это – антикультура, движущая сила, стимулирующая творчество в утопическом ощущении грядущего освобождения от ограничений и цензуры (Cintas 2011). Отсутствие зримых границ в интернет-пространстве расширяет круг частных, стирая социальные, гендерные или национальные условности. Полученный продукт на лингвистическом уровне субстандартизирован не только посредством лексических, но и орфографических и орфоэпических средств (неправильное произношение, нередко пародирование диалектов), неверное написание (буквальная транскрипция слов и пренебрежение правилами). В украинских переводах это часто транслитерирование русских слов, аллюзия на суржик, используемый, как правило, малообразованными слоями населения: “*Неу. You don't need a mannequin. Не чинай тьомтю*” (*Toy Story*) или диалекты преимущественно сельских областей: “*Oh, right. You got it, buddy. О, пойняв, усьо зара буде*” (*Cars 3*).

Вопреки тому, что проанализированный нами материал не относится к категории *funsubs*, в целом, тенденции карнавализации в официальном переводе для украинского кинопроката довольно сильны. Иногда это персональный выбор переводчика, иногда – актера, осуществляющего непосредственную озвучку:

Тачки – це колективна робота. Я створив канву, а сиділа повна студія людей і на ходу все міняли: “Це не так смішно – давайте смішніше”. Тому що це була командна робота, а не тільки мій переклад. Мені не подобається, коли Сирник визирає на дорогу й каже: “Ітіть-колотіть”. Це придумав актор Юрій Коваленко на ходу. Він багато дотепного придумав для фільму, проте від «ітіть-колотіть» мене коробить. Чесно кажучи, щодо комбайна Валери в мене теж були сумніви⁷¹. (Ященко 2008).

Субстандартные лексемы в переводе часто являются семантическими эквивалентами стандартным лексемам исходного текста, отличаясь лишь социостилистической сниженностью.

Таблица 10

Дисфемизация в переводе анимационных фильмов на украинский язык

Исходный текст	Текст перевода
– Oh, <u>money</u> , baby.	– <u>Баблосики</u> мої. (бабло ‘деньги’)
– Say, <u>little missy</u> , you notice any <u>trouble</u> around these parts?	– Хей, мала, ти часом <u>бандюків</u> тут не помічала? (<u>бандюк</u> ‘бандит, злодей’)
– Where do you think you’re <u>going</u> ?	– Куди це ми <u>намилились</u> ? (<u>милитись</u> ‘собираться куда-то, что-то планировать’)
– Okay, you’ll <u>pay</u> for that.	– Так, ти <u>нариваєшся</u> ! (<u>нариватися</u> ‘попадать в неприятности, провоцировать кого-то’)
– Whoa, look at my <u>face</u> .	– Вау, ох у мене і <u>ника</u> ! (<u>ника</u> ‘лицо’)
– Oh, <u>man</u> . This place is <u>amazing</u> .	– Ого <u>чувак</u> , у вас <u>нехилий</u> замок (чувак ‘мужчина, режисер – друг; нехилий ‘неплохой’)
– Here come <u>good times</u> !	– О, який <u>кайф</u> ! (<u>кайф</u> ‘удовольствие, наслаждение’)
– But when the moon comes out, the real monster <u>fun begins</u> .	– Коли місяць у повній, всі монстри йдуть у <u>відрив</u> (відриватися ‘отдыхать’)
– You’re <u>awesome</u> ! Can we take a picture? Is that okay?	– Чувак, ти <u>крутезний</u> . Можна зробити селфі? (крутезний ‘модный, современный, красивый’)

Количество «добавленного» (отсутствующего в исходном тексте) субстандарта практически приближается к наличествующему в оригинальной текстовой

⁷¹ «Тачки – это коллективная работа. Я создал канву, а сидела целая студия людей и на ходу все меняли: Это не так смешно, давайте смешнее... Мне не нравится, когда Сырник выглядывает на дорогу и говорит: *Ітіть-колотіть*. Это придумал актер Юрий Коваленко на ходу. Он много остроумного придумал для фильма, но от *Ітіть-колотіть* меня коробит. Чесно говоря, по поводу комбайна Валери у меня тоже были сомнения» [Перевод – К.Б.].

версии, что позволяет трактовать подобный способ как своеобразную тенденцию, продиктованную, очевидно экстралингвистическими факторами.

Карнавализация украинского аудиовизуального перевода – это не столько противодействие официальной культуре с ее предписаниями и существующей иерархией и культом «соловьиного дискурса», сколько возрождение национальной (народной, неофициальной) культуры:

Історія української мови у ХХ (і не тільки) столітті – то безстанна боротьба національної еліти за те, щоб не дати умерти мові – так борються у реанімації за життя важкохворого. ... не всі здатні на жертвне спілкування із важкохворими – тікають на свіже повітря, до сонця, сміху і... чужої мови. ... Страх за мову, відповідальність за неї породили особливий жертвно-месіянський комплекс у „правильних” мовців і надмірну серйозність, особливу цнотливість нашої мови – цнотливість підстаркуваті панни, до ніхто не залицявся, не жартував⁷² (Андрусів 1995).

Посредством карнавала самоощущение нации освобождается от диктата официальных истин (не обязательно ложных, но часто – устаревших и не современных тому обществу, которому они навязываются). Карнавализация противопоставляется так называемой шароварщине: упрощенной репрезентации Украины в искусстве посредством использования стереотипных образов: сала, вареников, гопака, предметов национальной одежды (вышиванок, шароваров).

Игра со словом и в слова на современном этапе развития украинской культуры – это своеобразный подростковый период с попыткой пробовать на вкус табуированные элементы взрослой жизни посредством языка. В результате такой разрядки национальное самосознание становится более глубоким, осознанным и всеобъемлющим.

Перевод мультипликационной продукции для детей осложнен несколькими факторами: возрастом целевой аудитории и сопряженными с этим ограничениями; маркетинговой составляющей, диктующей необходимость обходить ограничения, не вызывая нареканий органов контроля; собственно лингвокультурными особенностями оригинала; переводческими традициями страны целевого языка и тенденций на современном этапе развития перевода аудиовизуальной продукции.

Специфика целевой аудитории обуславливает закрытость, табуированность определенных тем в сюжете мультфильмов и ограничивает авторов и переводчиков в использовании лексических средств сниженного социостилистического

⁷² «История украинского языка в ХХ веке – это бесконечная борьба украинской национальной элиты за то, чтоб не дать языку умереть – так борются в реанимации за жизнь тяжелобольного. Не все способны на жертвенное общение с тяжелобольным – убегают на свежий воздух, к солнцу, смеху и ... чужому языку... Страх за язык, ответственность за него породили особенный жертвенный комплекс и излишнюю серьезность – девственность старой девы, с которой никто не заигрывал, над которой никогда не подшучивали» [Перевод — К.Б.]

регистра. Эти ограничения, в основном, зафиксированы в документах специализированных органов, допускающих фильмы в прокат и присваивающих им определенную категорию. Индексация фильмов, по сути, является элементом государственного контроля над формой и содержанием аудиовизуальной продукции.

Эффект комического, являющийся залогом коммерческого успеха аудиовизуальной продукции такого типа, основывается на эксплуатации традиционных для смеховой, карнавальной картины мира тем: физического или интеллектуального несовершенства, человеческой физиологии и сексуальных отношений, расовых, национальных, социальных особенностях (отличных от преобладающих в том или ином обществе). Как правило, это сферы деятельности человека, которые напрямую (сексуальные отношения) или опосредованно (акты насилия, проявления нетерпимости к отличиям или особенностям) запрещается раскрывать в категории фильмов, предназначенных для детской аудитории. В визуальной составляющей эти темы практически не отражены, а эффект смешного достигается путем привлечения лексем сниженных, но все еще «цензурных» – главным образом сленга, а также жаргонизмов, элементов просторечья.

Перевод детских мультфильмов на украинский язык – это, чаще всего дубляж, характеризующийся максимальным одомашниванием, натурализацией контента. Сленговые лексические единицы, в основном, номинирующие табуированные темы, в большинстве случаев переданы с сохранением семантической и социостилистической составляющей. Случаев смягчения, повышения регистра, нейтрализации сленга зафиксировано не было.

Тенденцией, выбивающейся из общей парадигмы перевода аудиовизуальной продукции для европейского рынка, является карнавализация, субстандартизация официальных переводов на украинский язык. Это, в частности, подтверждает активное введение субстандартных лексем в качестве эквивалентов стандартным единицам в исходном тексте. В странах Европы, Азии, подобные тенденции субстандартизации, карнавализации, в основном характерны для фанатских (любительских) переводов субтитров и часто являются вызовом чрезмерной регламентации, запретам или цензуре. В современной Украине подобные тенденции, вероятно, сопряжены со стремлением укрепить позиции национального языка, демаргинализировать его посредством модернизации языковой среды.

Заключение (К. Бондаренко)

Конец XX – начало XXI века – период, сопряженный с попытками расширить границы того, что ранее считалось неприличным, непечатным или невысказанным, с одновременными призывами к терпимости и толерантности. В приоритете – приятие и равноправие людей, отличающихся цветом кожи, расовой принадлежностью, сексуальной ориентацией, особенностями внешности, поведения, социальной реализации от преобладающих на той или иной территории.

Парадокс в том, что темы, делающие человека уязвимым или управляемым, традиционно были и остаются табуированными. Человеческая физиология, естественные процессы, которые не принято афишировать, всевозможные «отклонения» от того, что принято было считать «нормальным», – некоторые из этих тем, в частности, сексуальные отношения и физиологические особенности человека, детабуизируются, значительная же часть остается закрытой.

Стремление к демократизации и обсуждению традиционно закрытых тем сталкивается с необходимостью уважения к частной жизни, что вызывает к жизни необходимость использования соответствующих языковых средств. Иначе говоря, общество по большей части готово обсуждать “закрытые” ранее темы, однако тональность их обсуждения, равно как и набор лингвистических инструментов должен быть четко регламентированы.

Поскольку словари были и остаются наиболее авторитетными источниками информации о функционировании языковых средств, в первой части монографии авторы пытались отразить особенности фиксации дисфемизмов в словарях стандартной и субстандартной лексики. Несмотря на неупорядоченность систем помет, маркирующих соответствующую лексику, отсутствие систематических исследований о предпочтениях потенциальных пользователей относительно фиксации сниженной лексики, данные русских и польских словарей общего пользования, в целом, подтверждают сокращение табуированных сфер. Более того, анализ семантических полей эвфемизмов и дисфемизмов по материалам русских и польских словарей общего пользования опосредованно указывает на те сферы деятельности, которые активнее всего номинируются лексическим субстандартом английского и украинского языков.

Смерть, болезнь, физические и умственные недостатки, пороки людей, национальная принадлежность, религия, религиозные ритуалы – обсуждение этих тем требует максимальной деликатности, которая наиболее четко отражена в нормативных актах. Так, например, в польском и российском кодексах семейного права наряду с прямыми наименованиями употребляются эвфемизмы, которые призваны смягчить номинации семейных отношений, не вписывающихся в рамки среднестатистических, деликатно назвать детей,

появившихся на свет в результате искусственного оплодотворения и тому подобное. Совершенно очевидно, что современные реалии, достижения науки, терпимость общества к отклонениям от патриархальных ценностей приводит к необходимости фиксации изменений и на законодательном уровне, однако используемые языковые средства не всегда способны адекватно восполнить данную потребность.

Ровно те же темы, «деликатно» отраженные в законодательстве, являются наиболее излюбленными для современных масс-медиа. Детабулизация затрагивает даже кинематографическую продукцию для детей, традиционно цензурируемую и тщательно просеиваемую сквозь сито идеологии и общественной морали. Эффект комического, являющийся залогом коммерческого успеха аудиовизуальной продукции, основывается на эксплуатации табуированных тем. Государства пытаются регламентировать их использование посредством индексации, напрямую или опосредованно контролирующей процесс детабулизации. Компромисс между создателями аудиовизуальной продукции и государственным регулированием достигается за счет отсутствия визуализации запретных тем, однако, привлечением сниженных, но все еще «цензурных» лексических единиц соответствующей семантики.

Процесс детабулизации, по мнению авторов, едва ли конечен: налицо дихотомия между биологической сущностью человека и цивилизационным слоем, включающим этику, мораль, религиозные и нравственные установки. Последнее, вероятно, и должно стать мерилем оптимального соотношения дозволенного и запретного в современном обществе.

Предметный указатель

- вульгаризм 9, 13, 15, 20–22, 31, 67
детабуизация 7–9, 29, 31, 35, 67, 70, 81, 83, 85–86, 98
дисфемизация 9, 11, 91, 93
дисфемизм 7, 9, 10–11, 14–16, 22–23, 26–28, 33, 69, 79, 97
идеографический словарь 43, 64
интертекстуальность 85
какофемизм 10
карнавальная картина мира 8, 41, 52, 64, 95
лексикография 7–9, 15–16, 20–26, 29–31, 33, 36
лексико–семантическая группа 40–41, 76, 78
лексико–семантическое поле 40–41, 56–57, 72, 76, 79
лексический стандарт 38, 57, 59
лексическое значение 112
матизм 9, 31, 33
переводной словарь 9, 15–16, 23–24
политкорректность 57, 69
пометы (в словаре) 15–23, 25–26, 28–29, 33, 45, 54, 97
грамматические пометы 25
стилистические пометы 20, 22–23, 25–26, 29, 33, 45
экспрессивные пометы 16–17, 20, 33
семантическая эквивалентность 43, 63, 90
сленг 7–8, 15, 35–42, 44–46, 49–51, 54–62, 64, 87–88, 91, 95
словарь сленга 8, 33, 38, 41, 43–45, 64
сниженная лексика 9, 21, 23, 29, 33, 83, 87, 89, 97
сопоставимый корпус 70, 80
субстандарт 35, 37–38, 40–41, 55, 64, 93, 97
табу 7–8, 35, 67, 69, 71, 80–81, 83, 85–86, 92
коммуникативное табу 67, 77
языковое табу 9, 67
табуизация 7–10, 1, 32, 67–69, 71, 73, 75, 78, 81
табуированная сфера 7, 9, 26, 28–29, 31, 33, 68, 70, 75–78, 88, 97
тезаурус 23, 42, 44
эвфемизация 9, 11–14, 31, 33, 70, 78
эвфемизм 7–17, 20–23, 26–29, 33, 67–71, 73, 75–76, 78, 80, 97
эквивалент 16, 24, 26–31, 45, 49, 59, 62–64, 70, 73, 80, 90, 92–93, 95
энантиосемия 38–39, 51
юридический язык 8, 67, 69–71
языковая картина мира 40, 51
euphemism 9–12, 14–16, 68
comparable texts 70
dysphemism 10–11, 15
kwalifikator 17–18, 25
orthophemism 10–11
teksty porównywalne 70

Список таблиц

Таблица 1. Виды эвфемизмов и их функции по Burr ridge (2012, 67–71)	12
Таблица 2. Экспрессивные пометы в <i>USJP</i> и <i>WSJP</i>	17
Таблица 3. <i>Пометы в WSPR</i>	25
Таблица 4. Эвфемизмы и дисфемизмы в <i>WSPR</i>	27
Таблица 5. Частотные имена существительные в русской устной речи (Ляшевская и Шаров 2009) и их отражение в Интернет-словаре <i>babla</i>	32
Таблица 6. Человек с определенными признаками > Физическое, физиологическое, психическое состояние, свойство, действие. >Физическое, физиологическое состояние (рост, сила, полнота). >Полнота. (фрагмент словаря)	49
Таблица 7. Лексемы поля «Семья» в KRO и СК и их частотность словоупотребления.	71
Таблица 8. Семантическая эквивалентность в исходном и переведенном текстах анимационных фильмов <i>Toy Story</i> и <i>Hotel Transylvania</i>	90
Таблица 9. Частичная эквивалентность в исходном и переведенном текстах анимационных фильмов <i>Toy Story</i> и <i>Hotel Transylvania</i>	91
Таблица 10. Дисфемизация в переводе анимационных фильмов на украинский язык.	93

Библиография

- Ackerman, Alan. 2005. "The spirit of toys: Resurrection and redemption in Toy Story and Toy Story 2". *University of Toronto Quarterly*. 74.4: 895–912.
- Adamska-Sałaciak, Arleta. 2016. „Explaining meaning in bilingual dictionaries”. In: *The Oxford Handbook of Lexicography*, ed. P. Durkin, 144–160. Oxford: Oxford University Press.
- Allan, Keith. 2008. „The connotations of English colour terms: Colour-based X-phemisms”. *Journal of Pragmatics*, 41: 626–637. doi: 10.1016/j.pragma.2008.06.004
- Allan, Keith, Burridge, Kate. 2006. *Forbidden Words: Taboo and the Censoring of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Andersson, Lars-Gunnar, Trudgill, Peter. 1990. *Bad language*. London: Penguin Books.
- Attardo, Salvatore. 2010. *Linguistic theories of humor*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Ayto, John & Simpson, John. 2010. *Oxford dictionary of modern slang*. Oxford: Oxford University Press.
- Benhamou, Eve. 2014. "From the Advent of Multiculturalism to the Elision of Race: The Representation of Race Relations in Disney Animated Features (1995–2009)". *Exchanges: the Warwick Research Journal*, 2(1): 153–167.
- Brown, Lesley. 1993. *The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles*. Oxford: Clarendon Press.
- Bruns, Axel. 2006. "Towards produsage: Futures for user-led content production". In: *Cultural Attitudes towards Communication and Technology*, ed. Sudweeks, Fay, Hrachovec, Herbert, & Ess, Charles. 28 June – 1 July, Tartu, Estonia.
- Burningham, Bruce. 2000. "Walt Disney's Toy Story as Postmodern Don Quixote". *Cervantes: Bulletin of the Cervantes Society of America* 20.1: 57–174.
- Burridge, Kate. 2012. „Euphemism and Language Change: The Sixth and Seventh Ages”. *Lexis. Journal in English Lexicology*, 7: 64–92. doi: 10.4000/lexis.355
- Casares, Julio. 1992. *Introducción a la lexicografía moderna*. Madrid: Editorial CSIC-CSIC Press.
- Casas Gómez, Miguel. 2009. "Towards a new approach to the linguistic definition of euphemism". *Language Sciences*, 31: 725–739. doi: 10.106/j.langsci.2009.05.001
- Chiaro, Delia. 2006. *The language of jokes: Analyzing verbal play*. New York: Routledge.
- Cintas, Jorge. 2018. "Subtitling's a carnival: New practices in cyberspace". *The Journal of Specialised Translation*, 30: 127–149.
- Coleman, Julie. Green, Jonathon. 2012. "Green's dictionary of slang". *English Language & Linguistics*, 16.1: 193–199.
- Collins, Harper. 2004. *Collins English Dictionary*. Glasgow: HarperCollins.
- Culpeper, Jonathan. 2014. *Language and characterisation: People in plays and other texts*. New York: Routledge.
- Danan, Martine. 1991. "Dubbing as an Expression of Nationalism". *Meta: Journal des traducteurs/ Meta: Translators' Journal*, 36(4): 606–614.
- Dąbrowska, Anna. 1991. „Kwalifikowanie eufemizmów przez niektóre współczesne słowniki języka polskiego”. W: *Języka a Kultura*, pod red. J. Anusiewiczza, J. Bartmińskiego, t.1, 130–136. Wrocław: Wiedza o Kulturze.
- Dąbrowska, Anna. 1993. *Eufemizmy współczesnego języka polskiego*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Dąbrowska, Anna. 1998. *Słownik eufemizmów polskich: czyli w rzeczy mocno, w sposobie łagodnie*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

- Dąbrowska, Anna. 2008. „Zmiany obszarów podlegających tabu we współczesnej kulturze”. *Język a Kultura*, 20: 173–196.
- Dąbrowska, Anna, Pasięka, Małgorzata. 2009. „O czym ma milczeć cudzoziemiec. Tematy i słownictwo nieobecne w podręcznikach języka polskiego jako obcego”. *Język a Kultura*, 21: 241–257.
- Doroszewski, Witold (red.). 1958–1969. *Słownik języka polskiego*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Dubisz, Stanisław. 2011. „Kwalifikatory w słowniku – problem nie tylko leksykograficzny”. *Prace Filologiczne*, LX: 99–108.
- Dubisz, Stanisław (red.). 2008. *Uniwersalny słownik języka polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- England, Dawn Elizabeth, Descartes, Lara, Collier-Meek, Melissa. 2011. “Gender role portrayal and the Disney princesses”. *Sex roles*, 64.7–8: 555–567.
- Faktorovich, Anna. 2016. “Hotel Transylvania 2: An Adult Cartoon with a PG Rating”. *Cinematic Codes Review* 1.1: 14.
- Fras, Janina. 2009. „Mediatyzacja komunikacji politycznej a przekraczanie tabu językowego”. *Język a Kultura*, 21: 317–326.
- Giroux, Henry. 1997. “Is Disney good for your kids? How corporate media shape youth identity in the digital age”. In *Kinderculture: The corporate construction of childhood*, edited by S. R. Steinberg. 73–93. Boulder: Westview Press
- Gizbert-Studnicki, Tomasz. 1972. „Język prawny a prawniczy”. *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego – Prace prawnicze*, 55: 219–233.
- Goatly, Andrew. 2007. *Washing the brain—metaphor and hidden ideology*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Gortych-Michalak, Karolina. 2017. *In Search of Equivalents in Legal Translation: A Parametric Approach to the Comparison of Legal Terminology in Polish and Greek*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe CONTACT.
- Green, Jonathon. 1986. *The slang thesaurus*. London: Elm Tree Books.
- Grochowski, Maciej. 1994. *Słownik polskich przekleństw i wulgaryzmów*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Habib, Khaled, Soliman, Tarek. 2015. “Cartoons’ effect in changing children mental response and behavior”. *Open Journal of Social Sciences*, 3.09: 248.
- Hadryan, Milena. 2017. *Polish-Swedish Translation: A Parametric Approach to Comparison of Legal Terminology*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe CONTACT.
- Hallig, Rudolf und Wartburg, Walter. 1963. *Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie*. Berlin: Veröffentlichungen des Instituts für Romanische Sprachwissenschaften. Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin.
- Hałas, Bożena. 1995. *Terminologia języka prawnego*. Zielona Góra: WSP.
- Harrison, Charles. 2013. *Difficulties of translating humour: From English into Spanish using the subtitled British comedy sketch show “Little Britain” as a case study*. Verlag: Anchor Academic Publishing.
- Herbst, Thomas. 1997. “Dubbing and the dubbed text—Style and cohesion: Textual characteristics of a special form of translation”. In *Text typology and translation*, edited by Anna Trosborg, 291–308. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Hervey, Sándor, Higgins, Ian, Loughridge, Michael. 2006. *Thinking German Translation*. New York: Routledge.
- Holder, R.W. 1989. *The Faber Dictionary of Euphemisms*. London, Boston: Faber&Faber.
- House, Random. 1989. *Webster’s encyclopedic unabridged dictionary of the English language*. New York.
- Hudon, Michèle. 1997. “Multilingual thesaurus construction—integrating the views of different cultures in one gateway to knowledge and concepts”. *Information services & use*, 17.2–3: 111–123.

- Hutcheon, Linda. 2012. *A Theory of Adaptation*. New York: Routledge.
- Iaia, Pietro Luigi. 2011. "Adaptation processes of taboo-words in the Italian dubbing of Family Guy". *Lingue e Linguaggi*, 5: 173–180.
- Kaczmarek, Karolina. 2017. *Investigating Equivalents in Polish-Hungarian Translation: Contrastive Parametric Study of Legal Terminology*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe CONTACT.
- Krawczyk-Tyrpa, Anna. 2001. *Tabu w dialektach polskich*. Bydgoszcz: Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej.
- Kurkiewicz, Juliusz. 2007. „Kwalifikatory w *Wielkim słowniku języka polskiego*”. W: *Nowe studia leksykograficzne*, pod red. P. Żmigrodzkiego, R. Przybylskiej, 29–45. Kraków: Lexis.
- Labov, William. 1973. *Language in the inner city: Studies in the Black English vernacular*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Lannoy, Vincent. 2009. „Free Online Dictionaries: Why and How?” In: *eLexicography in the 21st Century. New Challenges, New Applications. Proceedings of eLex 2009. Louvain – la Neuve, 2224 October 2009*. eds. Granger S., Paquot M., 173–181. Louvain: UCL Presses Universities De Louvain.
- Leszczyński, Zenon. 1988. *Szkice o tabu językowym*. Lublin: Wydawnictwo KUL.
- Leśnik, Anna. 2011. „Eufemizmy w tekstach polskich aktów prawnych”. *Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny*, LXXIII, z.4: 119–129.
- Lewin, Esther & Lewin, Albert. 1989. *The Random house thesaurus of slang*. New York: Random House.
- Lewinson, Jacek. 1999. *Słownik seksualizmów polskich*. Warszawa: Książka i Wiedza.
- Lizisowa, Maria. 2016. *Komunikacyjna teoria języka prawnego*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe CONTACT.
- Lugo-Lugo, Carmen R., Bloodsworth-Lugo, Mary K. 2009. “Look out new world, here we come”? Race, racialization, and sexuality in four children’s animated films by Disney, Pixar, and Dream-Works”. *Cultural Studies? Critical Methodologies*, 9.2: 166–178.
- Matulewska, Aleksandra. 2017. *Contrastive Parametric Study of Legal Terminology in Polish and English*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe CONTACT.
- McArthur, Thomas. 1989. “Thingamajig is dead”. *English Today*, 5(1): 49–53.
- McKnight George Harley. 1969. *English Words and Their Background*. New York: Gordian Press.
- Miller, George. 1990. “Introduction to WordNet: An on-line lexical database”. *International Journal of Lexicography*, 3.4: 235–244.
- Munday, Jeremy. 2001. *Introducing Translation Studies: Theory and Practice*. Great Britain: Routledge.
- Neaman, Judith, Silver, Carole. 1985. *Kind Words: a Thesaurus of Euphemisms*. New York etc.: McGraw-Hill.
- Neubert, Albrecht. 1996. „Textlinguistics of Translation: The Textual Approach to Translation”. In: *Translation Horizons Beyond the Boundaries of Translation Spectrum. Translation Perspectives IX*, ed. M. Gaddis Rose, 87–106. Binghamton: Center for Research in Translation.
- Newcomb, Horace. 2014. *Encyclopedia of television*. New York: Routledge.
- Nowak-Michalska, Joanna. 2017. *Polish-Spanish Legal Translation: A Parametric Approach*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe CONTACT.
- Paolinelli, Mario, Di Fortunato, Eleonora. 2005. *Tradurre per il doppiaggio. La trasposizione linguistica dell'audiovisivo: teoria e pratica di un'arte imperfetta*. Milano: Hoepli.
- Papalia, Diane E., Gross, Dana Lynn, Feldman, Ruth Duskin. 2003. *Child development: A topical approach*. New York: McGraw-Hill Humanities, Social Sciences & World Languages.
- Partridge, Eric. 2006. *A dictionary of slang and unconventional English*. New York: Routledge.
- Partridge, Eric. 2015. *The world of words: an introduction to language in general and to English and American in particular*. New York: Routledge.
- Rabab'ah, Ghaleb, Al-Qarni, Ali M. 2012. “Euphemism in Saudi Arabic and British English”. *Journal of Pragmatics*, 44: 730–743. dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2012.02.008

- Raskin, Victor. 2012. *Semantic mechanisms of humor*. Berlin: Springer Science & Business Media.
- Robins, Robert Henry. 2013. *A short history of linguistics*. New York: Routledge.
- Robinson, Tom. 2007. "The portrayal of older characters in Disney animated films". *Journal of Aging Studies*, 21.3: 203–213.
- Roget, Peter Mark. 2008. *Roget's International Thesaurus*. New Delhi: Oxford and IBH Publishing.
- Sapir, Edward. 2004. *Language: An introduction to the study of speech*. North Chelmsford, MA: Courier Corporation.
- Sechrist, Frank K. 1913. „The psychology of unconventional language”. *The Pedagogical Seminary*, 20.4: 413– 459.
- Sojda, Sylwia. 2012. „Kontrasty eufemistyczno-dysfemistyczne w lingwistyce słowackiej i polskiej”. *Linguarum Silva*, 1: 123–134.
- Stępiak-Szeptyńska, Jadwiga. 2015. *Tabu językowe w ludowych pieśniach ukraińskich*. Kraków: Wydawnictwo „Sceptum”.
- Strenstrom, Anna-Brita. 2006. “Taboo words in teenage talk: London and Madrid girls’ conversations compared”. *Spanish in Context*, 3: 115–138.
- Szymczak, Mieczysław (red.). 1978–1981. *Słownik języka polskiego*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Szymczak-Rozlach, Mariola. 2014. *Eufemizmy we współczesnym języku słowackim*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Šarčević, Susan. 2000. *New Approach to Legal Translation*. The Hague, London, Boston: Kluwer Law International.
- Tokarski, Ryszard. 1984. *Struktura pola znaczeniowego: studium językoznawcze*. Warszawa: Wydawnictwo PWN.
- Towbin, Mia Adessa, Haddock, Shelley, Zimmerman, Tony, Lund, Lori, Tanner, Litsa. 2004. “Images of gender, race, age, and sexual orientation in disney feature-length animated films”. *Journal of feminist family therapy*, 15(4): 19–44.
- Trier, Jost. 2013. *Aufsätze und Vorträge zur Wortfeldtheorie*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Ullmann, Stephen. 1962. *Semantics: An Introduction to the Science of Meaning*. Oxford: Blackwell.
- Weisbergs, Andrejas. 2000. Euphemisms in General (Monolingual and Bilingual) Dictionaries. In: *Proceedings of the Ninth Euralex International Congress: Euralex 2000, Stuttgart, Germany, August 8th–12th, 2000*. ed. Heid U., Evert S., Lehmann E., Rohrer C., 773–780. Stuttgart: Universitat Stuttgart.
- Walczak, Bogdan. 1988. „Magia językowa dawniej i dziś”. W: *Język zwierciadłem kultury, czyli nasza codzienna polszczyzna*, pod red. H. Zgólkowej, 54–68. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.
- Ward, Annalee. 2002. *Mouse morality: The rhetoric of Disney animated film*. Austin: University of Texas Press.
- Wawrzyńczyk, Jan. 2005. *Wielki słownik polsko-rosyjski*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Widlak, Stanisław. 1968. „Zjawisko tabu językowego”. *Lud*, 52: 7–26.
- Wróblewski, Bronisław. 1948. *Język prawny i prawniczy*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności.
- Zabalbeascoa, Patrick. 2008. “The nature of the audiovisual text and its parameters”. *The didactics of audiovisual translation*, 7: 21–37.
- Zieliński, Maciej. 1999. „Języki prawne i prawnicze”. W: *Polszczyzna 2000. Orędownie o stanie języka na przełomie tysiącleci*, pod red. W. Pisarka, 50–74. Kraków: Ośrodek Badań Prasoznawczych.
- Zieliński, Maciej. 2010. *Wykładnia prawa. Zasady, reguły, wskazówki*. Warszawa: LexisNexis.
- Zima-Parjaszewska, Monika. Brak roku. „Niepełnosprawność intelektualna jako przesłanka dyskryminacji” [zasób internetowy]: www.tea.org.pl/userfiles/file/Seminaria/Niepelnospraw-nosc_%20Intelektualna_MZima_TEA.pdf (26.11.2018)
- Zwoliński, Przemysław. 1978. „O pewnym typie eufemizmów we współczesnej polszczyźnie mówionej”. W: *Z zagadnień słownictwa współczesnego języka polskiego*, pod red. M. Szymczaka, 251–257. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

- Żmigrodzki, Piotr. 2012. „Wulgarizmy jako problem dla leksykografa (nie tylko w związku z pracami nad *Wielkim słownikiem języka polskiego PAN*)”. *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia de Cultura*, IV: 123–131.
- Żmigrodzki, Piotr (red.), Bańko, Mirosław (red.), Batko-Tokarz, Barbara (red.), Bobrowski, Jakub (red.), Czelakowska, Anna (red.), Grochowski, Maciej (red.), Przybylska, Renata (red.), Wania-kowa, Jadwiga (red.), Węgrzynek, Katarzyna (red.). 2018. *Wielki słownik języka polskiego PAN. Geneza, koncepcja, zasady opracowania*. Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN.
- Андрусів, Стефанія. 1995. „Страх перед мовою як психокомплекс сучасного українця”. *Сучасність*, № 7–8: 150–151.
- Арапова, Наталья. 1990. „Эвфемизм” В: *Лингвистический энциклопедический словарь*, под ред. В. Ярцевой, 590. Москва: Советская энциклопедия.
- Арсентьева, Елена, Арсентьева, Юлия. 2010. „Словари эвфемизмов: общие принципы составления и представленность в них фразеологического фонда английского и русского языков”. *Ученые записки Казанского университета*, 152/2: 61–69.
- Баранов, Анатолий, Добровольский, Дмитрий. 2008. *Аспекты теории фразеологии*. Москва: Знак.
- Баранов, Анатолий (ред.), Добровольский, Дмитрий (ред.). 2009. *Фразеологический объяснительный словарь русского языка*. Москва: Эксмо.
- Бахтин, Михаил. 2014. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура ренессанса*. Москва: Эксмо.
- Бондаренко, Екатерина. 2016. “Первый англо-украинский словарь сленга: семантико-идеографический подход”. В: *Badania nad językiem i kulturą. Tom 1. Tradycja i współczesność w języku i literaturze*, под редакcją Swietlany Gaś, Doroty Kalecińskiej, Sandry Wawrzyniak, 131–139. Poznań: Wydawnictwo Rys.
- Бондаренко, Катерина. 2013. „Явище енантіосемії в українському й англійському субстандарті”. *Наукові записки КДПУ. Серія: Філологічні науки (мовознавство)* Вип. 119: 35–38.
- Бондаренко, Катерина. 2012. „Лінгвокультурна специфіка концепту “Дурень” в українській та англійській сміхових мовних картинах світу (на матеріалі лексичного субстандарту)”. *Наукові записки. Серія: філологічні науки (мовознавство)*. Випуск 104 (2): 101–106.
- Бондаренко, Олександр. 2005. Концепти “чоловік” і “жінка” в українській та англійській мовних картинах світу. (автореферат дис. ... канд. філол. наук). Донецьк.
- Булаховский, Леонид. 1988. „Энантисемия. Развитие противоположных значений”. *Русская речь*, (2): 68–70.
- Бусел, Вячеслав. 2004. *Великий тлумачний словник сучасної української мови*. Київ: Перун.
- Бусурина, Екатерина. 2004. Лингвокультурема «дурак» в русской языковой картине мира (автореферат дис. ... канд. филол. наук). Москва.
- Вепрева, Ирина. 2008. «Я ненавижу это слово», или О конфликте между словом и человеком”. *Slavica Helsingiensia*, 34: 43–62.
- Воркачев, Сергей. 2001. „Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании”. *Филологические науки* 1: 64–72.
- Геннеп, Арнольд. 1999. *Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов*. Москва: Издательская фирма „Восточная литература” РАН.
- Голев, Николай. 2003. *Взаимодействие естественного и юридического языка как базовая проблема юрислингвистики*. [электронный ресурс] lingvo.asu.ru/golev/articles/z09.html (25.11.2018)
- Гусева, Светлана. 2007. „Дурацкая литература” и карнавалы «Праздник дураков»: особенности интерпретации традиций, мотивов и образов”. *Проблемы истории, филологии, культуры*: 18–24.

- Добровольский, Дмитрий. 2015. Какие задачи решают параллельные корпуса текстов? (электронный ресурс) <https://lenta.co/параллельные-корпусы-текстов-22317>
- Елистратов, Владимир. 1995. *Арго и культура*. Москва: Издательство МГУ.
- Елистратов, Владимир. 2000. „Сленг как пассиолалия”. *Вестник МГУ*, 19: 43–48.
- Елистратов, Владимир. 2000. *Словарь русского арго: материалы 1980–1990 гг.: около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений*. Москва: Русские словари.
- Ефремова, Татьяна. Ред. 2000. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва: Русский язык.
- Земская, Елена. 2006. *Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения*. Москва: Флинта.
- Иващенко, Вікторія. 2010. “Термінологічна репрезентація типологічних різновидів енантіосемії в когнітопросторі лінгвістики”. *Вісник Національного університету “Львівська політехніка”. Серія “Проблеми української термінології”*: 675–680.
- Караванський, Святослав. 1993. *Словник синонімів української мови*. Київ: Видавництво “Орія” при УКСП “Кобза”.
- Карасик Андрей. 2001. Лингвокультурные характеристики английского юмора : (автореферат дис. ... канд. филол. наук). Волгоград.
- Кашкин, Вячеслав, Смоленцева, Екатерина. 2005. „Этностереотипы и табуированные темы в межкультурной коммуникации” В: *Культурные табу и их влияние на результат коммуникации*, под ред. В.Титова, 246–252. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета.
- Ковшова, Мария. 2007. *Семантика и прагматика эвфемизмов: краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов*. Москва: Гнозис.
- Кондратюк, Тетяна. 2006. *Словник сучасного українського сленгу*. Харків: Фоліо.
- Костомаров, Виталий. 1999. *Языковой вкус эпохи (из наблюдений над языком современных масс-медиа)*. Санкт-Петербург: Златоуст.
- Кочерган, Михайло. 1974. “Зіставна лексична семантика: проблеми і методи дослідження”. *Мовознавство*, № 2–3: 3–11.
- Кочерган, Михайло. 1999. *Загальне мовознавство*. Київ: Академія.
- Кочергина, Кристина. 2017. „Стилистические пометы в толковых словарях современного русского языка: сопоставительный анализ”. *Вопросы лексикографии*, 11: 20–38. doi: 10.17223/22274200/11/2
- Крысин, Леонид. 1994. „Эвфемизмы в современной русской речи”. *Русистика*, 1–2: 28–49.
- Кузнецов, Сергей. Ред. 1998. *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт.
- Ларин, Борис. 2003. *Филологическое наследие*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Лихачев, Дмитрий. 1984. *Смех как мировоззрение. Историческая поэтика русской литературы*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Ляшевская, Ольга, Шаров, Сергей. 2009. *Частотный словарь современного русского языка (на материале Национального корпуса русского языка)*. Москва: Азбуковник. (Электронный ресурс) <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
- Масенко, Лариса. 2004. *Мова і політика*. Київ: Соняшник.
- Мельник, Владимир. 2015. „Переводческие корпуса – что они могут сказать нам о переводе и его преподавании”. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики*, 2(12): 32–36.
- Москвин, Василий. 2001. „Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования”. *Вопросы языкознания*, 3: 58–70.
- Пиркало, Світлана. 2007. *Кухня егоїста*. Київ: Факт.

- Потятиник, Уляна. 2003. *Соціолінгвістичні та прагматистичні аспекти функціонування сленгової лексики (на матеріалах періодики США)*. Львів: Видавництво ЛНУ ім. І. Франка.
- Резанова, Азелла. 2008. „Классификация дисфемизмов по лексико-семантическим разрядам”. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 63: 277–280.
- Рябичкина, Галина. 2009. Проблемы субстандартной лексикографии английского и русского языков: теоретический и прикладной аспекты. (автореферат дис. ... канд. филол. наук). Пятигорск.
- Сеничкина, Елена. 2008. *Словарь эвфемизмов русского языка*. Москва: Флинта: Наука.
- Скурагівський Василь. 2001. “Чарочка ж ти моя, кришталева... (Короткий екскурс про традиційне медо- та самогоноваріння)”. *Берегиня: Всеукр. народознавчий часопис*, 2: 23–36.
- Смирнова, Ольга. 1976. Проблема энантиосемии в исторической лексикологии. (автореферат дис. ... канд. филол. наук). Москва.
- Ставицька, Леся. 2005. *Арго, жаргон, сленг: Соціальна диференціація української мови*. Київ: Критика.
- Ставицька, Леся. 2005. *Український жаргон: словник: містить близько 4070 слів і понад 700 стійких словосполучень*. Київ: Критика.
- Ставицька, Леся. 2008. *Обсценний та еротичний простір української мови. Українська мова без табу. Словник нецензурної лексики та її відповідників*. Київ: Критика.
- Стернин, Иосиф. 2000. „Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования” В: *Русское и финское коммуникативное поведение*, под ред. И.А. Стернина, 4–19. Воронеж: Издательство Воронежского государственного педагогического университета.
- Тульнова, Маргарита. 2010. „Табу в контексте глобализации”. *Политическая лингвистика*, 4(34): 176–181.
- Филин, Федот. 1973. „О структуре современного русского литературного языка”. *Вопросы языкознания*, 2: 3–12.
- Химик, Василий. 2000. *Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен*. Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.
- Химик, Василий. 2004. *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. Санкт-Петербург: Норинт. www.philology.ru/linguistics2/khimik-04.htm (8.10.2018)
- Цумарев, Алексей. 2014. „Об усовершенствовании маркирования специальной лексики в толковых словарях”. В: *Терминология и знание. Материалы III Международного симпозиума (Москва, ИРЯ РАН, 6–8 июня 2014г.)*, под ред. С. Шелова, 255–273. Москва: Вест-Консалтинг.
- Цумарев, Алексей, Шестакова, Лариса. 2018. ”Языковые нормы в «Академическом толковом словаре русского языка»”. *Вопросы языкознания*, 13: 58–80.
- Ушаков Дмитрий. Ред. 1935–1940. *Толковый словарь русского языка*. Москва: Советская энциклопедия. 1–4 т.
- Чубур, Татьяна. 2010. ”Проблема унификации стилистических помет в переводных и толковых словарях в рамках контрастивной лексикологии и лексикографии”. *Вестник Тамбовского государственного университета*, 5(85): 332–338.
- Шведова, Наталья. Ред. 1998. *Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений*. Москва: Азбуковник. Т. 1.
- Шведова, Наталья. Ред. 2007. *Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений*. Москва: Азбуковник. Т. 4.
- Шимчук, Эмма. 2006. ”Рец.: В.В. Химик. Большой словарь русской разговорной речи. СПб.: НОРИНТ, 2004 – 762с.”. *Русский язык в научном освещении*, 2(12): 298–303.

Ященко, Анна. 2008. “Перекладач Негребетський: І де ж в Україні російськомовній душечці вдовольнити культурні запити?” *Unian*. Режим доступу 14.11.2018 <https://www.unian.ua/society/87570-perekladach-negrebetskiy-i-de-j-v-ukrajini-rosiyskomovniy-dushechsi-vdovolniti-kulturni-zapiti.html>

<http://dictionary.reference.com>

<http://www.etymonline.com/>

filmratings.com

<http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/1143-2015-%D0%BF>

<http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/9/98-%D0%B2%D1%80>

<https://jaiundoute.com>

<https://www.mpa.org/film-ratings/>

www.ajplus.net

www.hartos.org

<https://sjp.pwn.pl/oferta/haslo/Uniwersalny-sloownik-jezyka-polskiego-serwis-on-line;5725041.html>

<http://www.wsjp.pl/>

www.slovarozhegova.ru

www.bab.la

[www.ruscorpора.ru](http://www.ruscorpورا.ru)

www.wsjp.pl/index.php?id_hasla=5238&id_znaczenia=1895932&l=23&ind=0

www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982

www.prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19640090059/U/D19640059Lj.pdf

К. Бондаренко, С. Гась

Детабуизация в словарях и переводе

Резюме

Монография *Детабуизация в словарях и переводе* посвящена избранным аспектам процессов детабуизации в русском, польском, украинском и английском языках.

1. По мнению авторов, проблематика табуизации и детабуизации в двуязычной лексикографии до сих пор остается мало изученной. В частности, не выделены способы фиксации эвфемизмов и дисфемизмов и их эквивалентов в переводных двуязычных словарях, не изучены предпочтения потенциальных пользователей. О нуждах и предпочтениях пользователей словарей косвенно свидетельствуют польско-русские Интернет-проекты, составляемые Интернет-пользователями, относящиеся к так называемой народной лексикографии. Обилие вульгарной, сниженной лексики в словарях такого типа указывает на крайнюю детабуизацию.
2. Нарушение языковых и тематических запретов, а также сокращение традиционно табуированных сфер наблюдается в украинском и английском сленге как феномене карнавальной культуры. Идеографический принцип построения словарей сленга позволяет выделить те тематические сферы, которые подвергаются детабуизации, а также определить национальные (украинские и британские) и универсальные черты смеховой культуры.
3. Выбор наиболее подходящего эквивалента для табуированной лексики является определенной трудностью в работе переводчиков. Для перевода юридических текстов источником функциональных эквивалентов табуированной лексики являются сопоставимые корпуса текстов, относящиеся к одному и тому же жанру, совпадающие по временным параметрам и касающиеся тех же отраслей права (например, кодексы семейного права).
4. Перевод текстов мультипликационных фильмов, в свою очередь, осложнен рядом факторов, в частности, спецификой целевой аудитории и переводческими традициями государства. При переводе мультипликационных фильмов с английского языка на украинский переводчики стараются сохранить языковые особенности исходного текста. Так, например, не зафиксированы случаи смягчения сленговых лексических единиц или нейтрализации сленга в аудиовизуальном переводе.

В связи с затрагиваемой проблематикой исследования и примерами из языков монография может быть полезна переводчикам, лингвистам и студентам филологических направлений.

K. Bondarenko, S. Gaś

Detabuizacja w słownikach i tłumaczeniu

Streszczenie

Monografia pt. *Детабуизация в словарях и переводе* (Detabuizacja w słownikach i tłumaczeniu) autorstwa K. Bondarenko i S. Gaś jest poświęcona wybranym aspektom detabuizacji na przykładzie języka rosyjskiego, polskiego, ukraińskiego i angielskiego.

1. Zdaniem autorek, w dwujęzycznej leksykografii zagadnienia związane z tabuizacją i detabuizacją nadal nie są wystarczająco zbadane, w szczególności, nie uporządkowano sposoby przedstawiania eufemizmów i dysfemizmów oraz ich obcojęzycznych ekwiwalentów w przekładowych słownikach dwujęzycznych, a także nie przeanalizowano preferencje potencjalnych użytkowników słowników.
2. Na potrzeby i oczekiwania użytkowników słowników pośrednio wskazują tworzone przez internautów polsko-rosyjskie projekty słownikowe (tzw. „leksykografia ludowa”). Duża liczba wulgaryzmów w tego typu słownikach świadczy o skrajnie detabuizacji.
3. Przekraczanie językowych i komunikacyjnych zakazów, a także redukcję obszarów tradycyjnie podlegających tabu można zaobserwować w ukraińskim i angielskim slangu jako fenomenie kultury karnawałowej. Wg autorki angielsko-ukraińskiego słownika slangu, ideograficzny układ słownika pozwala wskazać aktualne obszary detabuizacji, a także wyodrębnić narodowe (ukraińskie lub brytyjskie) i uniwersalne cechy kultury karnawałowej.
4. Wybór odpowiednich ekwiwalentów dla leksyki z obszaru tabu stanowi pewne wyzwanie w pracy tłumacza. W wypadku tłumaczeń prawnych źródłem ekwiwalentów funkcjonalnych dla ww. leksyki są korpusy tekstów porównywalnych, które spełniają łącznie następujące kryteria: należą do tego samego gatunku, dotyczą tej samej dziedziny prawa, powstały w tym samym czasie.
5. Z kolei specyfika przekładu filmów animowanych dla dzieci jest uwarunkowana, m.in., grupą docelową (adresatem tłumaczenia) oraz przyjętą praktyką tłumaczenia audiowizualnego w poszczególnych krajach. Na przykład, ukraińscy tłumacze, przekładając bajki animowane z języka angielskiego na ukraiński, starają się zachować językowe cechy tekstu źródłowego. W ukraińskich tłumaczeniach nie odnotowano prób „złagodzenia” lub „neutralizacji” jednostek leksykalnych slangu.

Niniejsza monografia ze względu na specyfikę poruszanych tematów oraz przykłady z 4 języków może zainteresować tłumaczy, językoznawców i studentów studiów filologicznych.

K. Bondarenko, S. Gaś.

Detabooing in dictionaries and translation

Summary

The monograph *Detabooing in dictionaries and translation* identifies selected problems of the phenomenon of detabooing found in Russian, Polish, Ukrainian and English languages.

1. During research, the authors have noted almost total neglect of the problem of taboo and transgression of taboo in bilingual lexicography present in available literature. Euphemisms and dysphemisms registration ambiguity as well as potential readers' preferences have been so far ignored by researchers. The language users' needs are explicitly visible in Polish-Russian lexicographical online-projects compiled by Internet users which refer to the so-called folk lexicography and imply meeting the users' preferences and needs. In such types of dictionaries detabooing is manifested through high frequency of vulgar and low words.
2. English and Ukrainian slang as a carnival culture phenomena are peculiar for violating both topical and language restrictions as well as for contributing to taboo spheres reduction. Ideographic concept mapping in slang lexicography allows for visual extraction of the detabooed domains as well as for defining national (Ukrainian and British) and universal traits of carnival culture.
3. Equivalence of taboo words always poses a challenge for the translator. Comparable corpora of the same genre and temporal period referring to the specific branch of law (for instance, family law) may serve as reliable sources of taboo terms' functional equivalents for the purpose of translation of legal texts.
4. Translation of taboo words in children's cartoons poses yet another problem, especially in issues relating to the target audience and the state policy towards translation. English-Ukrainian translations of cartoons accurately render target texts' linguistic peculiarities. The strategy of "softening" or neutralizing slang or other low words is not used in English-Ukrainian audiovisual translation.

The present monograph, due to the specificity of the topics discussed and examples from four languages, may be of special interest to translators, linguists and philology students.

К. Бондаренко, С. Гась

Детабуїзація в словниках та перекладі

Анотація

Монографію *Детабуїзація в словниках та перекладі* присвячено деяким аспектам детабуїзації в російській, польській, українській та англійській мовах.

1. На думку авторів, проблеми табуїзації та детабуїзації в двомовній лексикографії досі залишаються мало вивченими. Так, зокрема, не виокремлено способи фіксації евфемізмів та дисфемізмів та їх еквівалентів у перекладних двомовних словниках, не вивчено потреби потенційних користувачів. Потреби та вподобання користувачів опосередковано втілено в польсько-російських онлайн-проектах, що укладаються інтернет-користувачами і відносяться до так званої народної лексикографії. Значна кількість вульгарної, зниженої лексики в словниках такого типу є свідченням значної детабуїзації.
2. Порухення мовних і тематичних заборон, а також скорочення традиційно табуїзованих сфер притаманно українському та англійському сленгу як феномену карнавальної культури. Ідеографічний принцип побудови словників сленгу допомагає виокремити детабуїзовані тематичні сфери, а також визначити національні (англійські та британські) та універсальні риси сміхової культури.
3. Вибір найвлучнішого еквіваленту для табуїзованої лексики завжди становить складність у роботі перекладача. Для перекладу юридичних текстів джерелом функціональних еквівалентів є зіставлювані корпуси текстів, що відносяться до одного жанру, збігаються за часовими параметрами і стосуються однакових сфер права (наприклад, кодекси сімейного права).
4. Переклад текстів мультиплікаційних фільмів, у свою чергу, ускладнено низкою факторів, зокрема, специфікою цільової аудиторії та перекладацькими традиціями в державі. При перекладі мультиплікаційних фільмів з англійської мови українською перекладачі здебільшого намагаються зберегти мовні особливості вихідного тексту. Так, наприклад, випадків “пом’якшення” сленгових лексичних одиниць або нейтралізації сленгу в аудіовізуальному перекладі зафіксовано не було.

Зважаючи на специфіку розглянутих тем і залучення чотирьох мов, монографія може використовуватися перекладачами, лінгвістами та студентами філологічних спеціальностей.

ISBN 978-83-7986-233-7

